
Светлана ПОТАПОВА

ЯПОНСКИЙ ВЕЕР

Историко-художественный лингвистический роман

ЧАСТЬ I. ПОСЛЕДНЯЯ ДЖЕНТЛЬМЕНСКАЯ

...Любите врагов ваших...

*Новый Завет. От Матфея свя-
тое благовествование, 5:44*

1.

Июльским утром 1904 года в большое, богатое село Медведь Новгородской губернии входил строй маленьких, ростом с баб, худых и черноволосых, с неподвижными, узкоглазыми и будто загорелыми лицами японских военнопленных.

Было их множество, они заполнили центральную улицу — Миллионную, — как тараканы, толпой бегущие от свечки, и усы, примечали вслух медведцы, многие имели длинные и черные, как тараканьи.

Жители Медведя стояли на обочинах Миллионной, по которой японцы с конвоем шли к своей цели — красным кирпичным казармам на краю села — и глазели на пришлых.

— Не юлись ты, Верка, не егозись! Вон Катька к мати прижацце¹, знать, боицце! — говорила девочке лет пяти, в светлом платьице с оборками, но, впрочем, под носом чумазой, женщина в длинной пестрой юбке и светлой же выходной кофте, повязанная белым головным платком. (Принарядились для ожидаемого события не только бабы, но и мужики: последние обули, у кого они были, сапоги по колено и заправили в них штаны; кто-то потел в пиджаке; и богатую, и бедную голову одинаково заботливо покрывала от солнца демократическая фуражка-картуз.)

— А то как не бояцце?! — опасливо отвечала соседке мать боязливой Катьки. — Слыхали, бабы? Грят, кажинный апонец с войны должен привезть куль² посоленных чилавечих ухов. Нешто, бабыньки, взабыль?³

Светлана Александровна Потапова родилась в 1971 году. Окончила Новгородский педагогический институт. Публиковалась в журналах «Нева», «Новгород литературный», журнале Союза писателей Крыма «Белая скала» и др. Автор нескольких книг прозы. Дважды победитель премии имени Александра Куприна Союза писателей Крыма. Живет в Великом Новгороде.

¹ Здесь и далее — диалектные слова и диалектное произношение Шимского района Новгородской области. Здесь и далее везде примечания автора.

² Куль (шимск. диал.) — мешок.

³ Взабыль (шимск. диал.) — на самом деле.

— Совсим у тебе тыквина⁴ не сображат! Трёкашь⁵ не знашь че! — возражала ей собеседница. — Вон Тришка тоже казал — быдто у апонцев морды собачьи. И шо?

— Ну, Тришка-то лучше знат! Глянь на яво — с утра ноздри наварён!⁶ — отметила причину бурной Тришкиной фантазии Каткина мать. — Да ни, навроде ни собачьи... А желемустины⁷-та вси каки!! Катка, поди залазь к бате на клюкушки⁸, лучше видать оттеда!

— Грїли, у апонцев — хвосты, как у макак. А не видать под штанам... — Ой, и де ж ты тово макака выдавше?.. — А в Питербурхе на ярманке... — Да ты и сама как тот макак, как нарядиссе... — Скока ж их тута, нехристей? Прогон⁹ ись занявше! — Ну и што ты выгаливше¹⁰? Возгри¹¹ подотри! А то не люди? — говорили в толпе.

* * *

Село Медведь, центр Медведской волости Новгородского уезда Новгородской губернии, походило на городок: в ста пятидесяти домах, добротных деревянных, кирпичных и каменных, жила тысяча человек. Медведцы справедливо гордились бронзовым памятником императору Николаю Первому в натуральную величину, кирпичной побеленной пятикупольной церковью Святой Троицы и железным мостом с деревянным настилом через речку Мшагу. Тьма была торговых лавок, магазинов¹², мастерских, питейных заведений, среди которых числился ночной ресторан, имелись почтовая станция, водяная мельница, кузница, бани и несколько даже заводиков. Все это, включая почтовую станцию, держали медведские купцы и торговые люди, и держали умно. Улица Миллионная была центральной и лучшей в Медведе: на ней стояли сплошь каменные двухэтажные купеческие дома с железными, крашенными зеленой или красной краскою кровлями. Лучшим же домом на Миллионной признавался огромный двухэтажный, с единственной в селе медной, новой, горячей на солнце крышею особняк Козьмы Гаврилина — миллионера, самого богатого купца Медведа.

В каждом, пожалуй, провинциальном городе и крупном селе России местный главный богатч выстроил такой, самый роскошный, дом. Избрал он для этого, как правило, центральную площадь или перекресток главной дороги, который не миновать ни прохожему, ни проезжему. Дом Гаврилина в Медведе своим углом, как гигантский корабль носом, врезался в перекресток в центре села. Боковая стена его, покорооче, выходила на Миллионную. Фасад же, с пятнадцатью высокими окнами на каждом из двух этажей, придавленный массивным шестиоконным мезонином, дерзко глядел поверх центральной городской площади на церковь Святой Троицы, только остроконечная церковная колокольня превышала его. Угол дома-корабля, врезавшийся в перекресток, был архитектором срезан, на срезе на первом этаже была дверь, а на втором — балкон.

На этом широком балконе с кремовыми гардинами, драпированными на манер полуоткрытого театрального занавеса, и цветами в напольных вазонах виднелись теперь женские головки. На балконе велись уже другие разговоры по поводу проходивших внизу военнопленных.

⁴ Тыквина (шимск. диал.) — голова.

⁵ Трёкать (шимск. диал.) — сплетничать, болтать.

⁶ Ноздри наварён (шимск. диал.) — пьян.

⁷ Желемустина (шимск. диал.) — худенький человек.

⁸ Клюкушки (шимск. диал.) — плечи.

⁹ Прогон (шимск. диал.) — дорога на въезде в деревню. Ись — весь.

¹⁰ Выгальться (шимск. диал.) — пристально смотреть.

¹¹ Возгри (шимск. диал.) — сопли.

¹² Магазин в конце XIX — начале XX века — здание или часть здания для хранения товаров, склад.

При хозяйке дома Марии Евграфовне, конечно, нельзя было даже намекнуть на одну пикантную новость, о которой страстно хотели переговорить две молодые женщины — невестка Гаврилиных, темноволосая с всегда немного утомленным взглядом Софья Афанасьевна и подруга Сонечки, блондинка с острым носиком и круглыми довольными щеками Настасья Яковлевна.

Софья Афанасьевна, безусловно, была учена манерам — единственный сын Гаврилиных Максим взял ее даже не из Медведя — самого Новгорода, из семьи не только веково богатой, но и современно деловой: брат Софьи Афанасьевны был модным фотографом. Настасья Яковлевна не уступала подруге: супруга компаньона по делам Максима Гаврилина и говорить была способна красноречиво, и одежду имела, что ж, пожалуй, даже поизысканнее, чем у Сонечки... Софья Афанасьевна вскользь окинула взглядом серый шерстяной жакет Настеньки и запомнила, что рукава фасона «баранья нога» начинаются на плечах маленькими буфами (ведь совсем недавно еще буфы раза в три шире носили!), а от локтей резко облегают руки, как перчатки; в самом низу же плотно прихватывают запястья широкими манжетами. Все это словно сжимало Настенькино тело, звало: «Посмотрите-ка сюда, на эти руки и дальше: не правда ли — гибко, хорошо?!» Платье самой Сонечки было модного цвета жандарм¹³ и шито у лучшей новгородской портнихи — но шито, увы, так, как носили уже давно — с широкой юбкой, присборенным у талии лифом и более всего, как она теперь была уверена, устаревшими воланами из кружев на концах рукавов.

Серая юбка Настеньки, плотная, как мужской английский костюм, обжимала владельца живот и бока и лишь сзади имела пару вольных складок. Но самое главное в костюме подруги был диковинный перед жакета! Такого покроя Сонечка не видела ни у кого в Медведе и не встречала на дамах в самом Новгороде. Половинки этого передка неведомый смелый портной отмахнул ножницами не прямо, как полагается, а косо, так что они внахлест шли одна на другую выше груди. Нахлест близ левого плеча держали три пуговицы с красивыми витыми петлями. В образовавшемся на животе треугольном распах жакета был виден высокий пояс серой юбки, дающий знать, что у Настасьи Яковлевны тонкая талия.

«Кто же ее необыкновенный портной? — думала с досадой Сонечка. Не раз уже за их дружбу язык ее просился задать этот вопрос, но гордость первой дамы местечка была препятствием... — Или портниха? Где она скрывает его — или ее? У нас таких искусников точно нет, в Новгороде тоже... Может, она выписывает платья из Петербурга? Парижа???»

На революционный распах жакета не глядела Мария Евграфовна, семидесятилетняя староверка в глухой, до горла, силуэта елки, кофте и длинной юбке, на подоле которой были дозволены два с вялыми складками окружных рюша, в чепчике, скрывшем седые волосы, сидела в кресле поодаль от края балкона. Сонечка и Настя занимали кресла справа и слева от нее. Из комнаты за их спинами выглядывала любопытствующая прислуга. И женская прислуга, и Сонечка с Настей знали, что где-то в толпе под балконом может находиться важный, занимавший их мысли предмет, но не смели говорить о нем.

Этот предмет был комичная и одновременно романтическая персона — костромская барыня.

О барыне писали газеты, и знали о ней все медведцы.

Сквозь всю почти Россию, от Дальнего Востока до северо-западной, близкой к Петербургу Новгородской губернии, на пароме по озеру Байкал, мимо рек Ангары, Оби,

¹³ Жандарм — оттенок голубого. Слово в лексиконе моды появилось в конце XIX века благодаря цвету жандармской формы в России.

Тобола и Волги, 8500 верст¹⁴ по новорожденной Транссибирской железной дороге японских военнопленных с задержками, растянувшимися почти на два месяца из-за первоочередного пропуска техники и людей, движущихся им навстречу — на войну, на восток, — провезли через и мимо сотен городов, сел и деревень. В караване пленников из 500–600 человек случилось четверо английских офицеров. В одного из англичан, по газетным сплетням, безумно влюбилась с первого взгляда некая барыня из Костромы. Барыня упорно следовала за предметом любви до Медведа и теперь могла оказаться в толпе, встречавшей пленных. Чужого в селе человека, не простолюдина, Настенька и Сонечка, несомненно, признали бы. И как только Мария Евграфовна, решив, что долее сидеть неприлично, встала и неторопливо покинула балкон, молодые женщины оказались на самом его краю и нетерпеливо начали вглядываться в толпу.

Никого похожего на костромскую барыню они, однако, не увидели.

— Вот же, вероятно, и англичане! — воскликнула Сонечка, кивком указав подруге на нескольких шедших под конвоем офицеров. — Который же, любопытно?! Ах, как это, я думаю, самоотверженно — бросить всё, все богатства, запятнать честное имя и уйти за любимым!!!

— Что бы сказали, услышав такое, наши мужья?! — лукаво прищурилась в ответ подруге и откинула с пухлой щеки мешавший белокурый локон Настенька. — Нет, я от своего супруга никуда не уйду никогда! — с этими словами Настасья Яковлевна почти перегнулась через балкон и уронила, конечно, невзначай за его край белый носовой платочек с инициалами... Платочек по воле случая пал недалеко от проходившего красивого офицера, по-видимому, английского пленного... Он подошел, поднял платок, поднял и лицо свое к Настасье Яковлевне... Красивые глаза его задержались на блондинке, губы улыбнулись... Конвоир ждал, пока офицер медленно подносил платок к губам своим — возможно, что у офицера в долгой дороге случился насморк, — легко махнул рукой с платком вверх, обещая этим жестом при возможности вернуть потерянное, и бережно положил платочек в карман.

* * *

...И совсем иные разговоры по поводу военнопленных велись на первом этаже дома-корабля на углу Миллионной. Под балконом с кремовыми гардинами был вход в лавку купца Козьмы Гаврилина, внутри которой дверь вела в смежную контору. В последней находились сейчас сам Козьма Михалыч, в свои семьдесят три года еще не отошедший от дел; сын его, двадцатидевятилетний Максим Козьмич; компаньон Максима Гаврилина, тоже молодой, счастливый муж верной блондинки Настеньки Владимир Назарьевич Самойлов и старинный, без возраста, приказчик Гаврилиных Кайдаков.

— Около шести сотен пленных — и всё к нам, в Медведь?! Поближе к войне места в Российской империи не нашлось, однако, господа? Я удивляюсь — ведь сквозь всю страну везти — определенно — невыгодно?! — отнюдь не недовольно говорил Максим Гаврилин. Молодой человек был в отличном настроении — он чувствовал себя в конторе вполне хозяином. На деле миллионером был именно Максим Козьмич, а не его батюшка. Тот нажил богатство, но этот преумножил его в десятки раз.

Для подтверждения своих слов молодой Гаврилин достал из ящика письменного стола карту империи и, разложив ее, отмахнул над нею рукой путь от Дальнего Востока до Новгородской губернии, который проделали пленные.

Максим Козьмич был необычно для русского северного человека подвижен: казалось, не только лицо, но и даже фигуру его каждогомоментно оживляла, приводя к дви-

¹⁴ Приблизительно 9000 км.

жению, какая-либо мысль. Он представлял образец того типа телосложения, который медведский народ называл словом «желемустина» — и, точно, был, как *жимолость*, тонок и невысок. Лицо его, тоже худое, с тонким, длинноватым носом (эти впечатления зрительно усиливали негустая, острым клином, короткая бородка и стремящиеся к бородке своими концами усики), поминутно показывало разные оттенки настроения, кроме унылого. Одет молодой миллионер был в европейский двубортный серый сюртук, черные брюки с последней английской новинкой — отутюженными складками-стрелками. В деловой, как сейчас, обстановке на нем были безукоризненно начищенные черные ботинки. (За ширмою в конторе стояли его сапоги, готовые к посещению лесных делянок: держа вместе с Самойловым льняной завод, Максим Козьмич и в дело отца — торговлю лесом — вкладывал большие силы.)

Произнеся свои вопросы, Максим Козьмич резво повернулся, прошел быстрым шагом до окна, где гудела толпа, указал присутствующим на длинные ряды пленных и поднял брови, ожидая ответа. (В его характере были внимательность и способность ловить мысли от других, без разбора чинов и возраста — возможно, эта черта среди прочих помогла ему стать миллионером.)

— Пошто к нам? А небось места в наших казармах дюже много! — первым откликнулся старик Гаврилин. — Граф Ракчеев крепко строил! Гляди, турки не вырвались! Сидели тут в семьдесят седьмом!¹⁵ Будем драть з...цу япошкам и дальше — поместим еще хоть три тыщи!

— Осмелюсь сказать, несмотря на все мое уважение: пока что они нам з...цы, извиняюсь, дерут! — с шутивым полупоклоном Козьме Михалычу, но глядя мимо старика на молодого Гаврилина, заметил Самойлов. — Половина российского флота — в Порт-Артуре, а тот — где? — в японской осаде! В Медведь — шестьсот пленных — но это, видимо, и есть — почти всё! О других лагерях, кроме нашего, в России для японцев не слышно! Какие-нибудь десятки, много сотня, кто еще не у нас, содержатся на перегонах. А мне, господа, доставили сегодня письмо — знакомый офицер из японского плена пишет, что русских в его лагере — представьте!!! — уже пятнадцать («пятна-а-адцать», — нараспев повторил, подчеркивая, Самойлов) тысяч человек!!! А лагерей таких между тем, по слухам, в Японии — не один и не два! Несоразмерно! Тревожно, господа. Не хотелось бы пускать панику, но бог войны пока не на нашей стороне.

— Тогда... возможно... это — нарочно! Демонстрация народу нашей силы... — с паузами, тихо проговорил последним приказчик Кайдаков, от смущения растирая пальцами свою недлинную редковатую бородку. Максим Гаврилин обернулся к приказчику с большим вниманием. — Везут японцев чрез всю Россию для поддержания... верноподданнических настроений... ну и... предусмотреть волнения!

— Я, господа, говорил вчера на улице с соседом — у нас на Подгорной, знаете, много живет жидков, это не то что Миллионная, — с очевидной новой идеей оживленно заговорил Самойлов. — Этот, кажется, Додка, Беатус, что разводит у себя на дворе индюков...

— Еще б не знать! Мы их нюхаем и на Миллионной, — с ехидцей вставил старый Гаврилин.

— Индюков, я вас уверяю, нюхает весь Медведь, до окраин! Тысяча голов птицы — не шутка! Как там сама эта семья живет, непонятно! Мы рядом определенно страдаем. Но знаете — у него голова, у этого Додки. Он ведь получает неплохой барыш —

¹⁵ Ракчеев — граф А. А. Аракчеев, по приказу которого в 1823–1839 годах в Медведе был построен огромный казарменный комплекс. В XIX–XX веках в Аракчеевских казармах располагались различные русские воинские части. В 1877–1878 годах Аракчеевские казармы в Медведе использовались в качестве лагеря для военнопленных в ходе Русско-турецкой войны.

возит сам мясо в Петербург! Работников притом нет — только семья. Жена его, эта Зинда, Зинка, не поверите — сама рубит птице головы...

— Жида в дом никогда не пушу, а на улице переговорить можно. У них башка на деньги повернута, — в том, что касалось денег, старый Гаврилин проявлял гибкость патриархальной медведской идеологии.

— Вот и я о том же, Козьма Михалыч, — начал объяснять свою идею Самойлов. — Этот Додка в своей коммерческой чернокудрой голове уже соображает: что лично он может выгадать от японских пленных?! Ведь подумать — этакое число — шестьсот человек! — а будет, верно, и больше — необходимо кормить, какие-то товары поставлять. Им — японцам — личные деньги сейчас пойдут как жалованье. У наших там — уже так! Вот позвольте, господа, я для примера прочту, что пишет тот мой знакомый офицер из японского плена. Я только сам еще бегло просмотрел. Позвольте прочесть подряд, без купюр, ежели интересно...

Самойлов достал бумагу из кармана пиджака, и все присутствующие машинально отметили, что пиджак стягивает под мышками, не дает вольготно двигаться широкому телу его владельца. Многое еще, чего требовали время и его положение, было Самойлову так же неестественно и не шло: темная борода, не модным клинышком, как у молодого Гаврилина, а широкой дедовской лопатой, была коротко непропорционально обрезана; усы, втрое толще, чем у Максима Козьмича, приходилось постоянно обкручивать, придавая форму, пальцами; прическа — волосы разделены прямым пробором и гладко зачесаны к ушам — была одинакова у присутствующих мужчин, за исключением лысоватого приказчика, но делала нелепым лицо только Самойлова; страшно не шел бы ему новомодный, как у Максима Козьмича, котелок — да он его и не носил, благоразумно заменяя демократическим картузом из добротной ткани. Свободного и потому красивого в нем были только глаза: окруженные большими, как у детей, ресницами, живые, серые, словно вечно движущаяся чистая река с отражением случайного серого облака. Но именно детский цвет и искреннее выражение глаз контрастировали с тем искусственным, что ему не шло, и делали это искусственное еще более явным. Истый медведь казался Владимир Назарьевич Самойлов в обществе, и супруга его, модная блондинка Настенька, хотя имела с ним разницу в два года, выглядела еще на десяток лет моложе...

— «Я, признаться, был поражен, — читал своим густым, тоже медвежьим, голосом Самойлов письмо, — но все международные правила к пленным по Гаагской конвенции¹⁶ здесь, в Японии, соблюдаются строго. Кто бы мог ожидать это от такого народа?!

Действительно, каким мы воображали врага еще недавно, в начале войны?

Прежде всего на памяти у каждого русского — несчастье, произошедшее лет десять тому назад, когда в поездке в эту страну на нашего Государя напал с мечом и ранил островитянин¹⁷. Можно представить — как сильно должен был ненавидеть нас, русских, тот человек! Какие веские для своего разума причины он имел, чтобы так поступить!!! (Причины, очевидно, выработанные не им самим, не его одиночной головой — а чувствами и идеями, принятыми во всем или, по крайней мере, в значительной части его отечества!)

Я убежден, что нашего врага перед войной прямо наставляли ненавидеть Россию и русских. Япония напала на Россию — нам пришлось ненавидеть японцев в ответ. Вдо-

¹⁶ Первая мирная конференция в Гааге была созвана в 1899 году по инициативе императора России Николая Второго. Участвовало 26 государств, в том числе Япония. Конференция приняла три конвенции: о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 года.

¹⁷ В 1891 году во время посещения Японии цесаревичем, будущим царем Николаем Вторым, на него совершил нападение, ранив цесаревича, полицейский Цуда Сандзо.

бавок к тому мы — и не только непросвещенный народ, а и люди образованные, читающие и мыслящие — многие представляли жителей этой страны недалеко ушедшими от обитателей „негритянского зверинца“¹⁸ Санкт-Петербурга — как неевропейский, а потому, по нашему понятию, отсталый народ. И немудрено — решительно никто не знал — или не интересовался знать — ничего о них! Самая их внешность была для нас загадкой. Мы с готовностью смеялись над их изображениями, какие с щедростью давали нам наши газеты, журналы, а простому люду — лубочные базарные картинки¹⁹.

Я помню, в начале войны в „Вестнике Европы“ и „Русском вестнике“ писали, что японцы — это крохотные, вдвое ниже нас, человечки, вчерашние дикари, которые не слишком еще освоились со штанами; что они безобразны и есть среди них такие, кого легко счесть за обезьян, когда бы не человеческое платье. На лубочных картинках, которые приносила с базара моя прислуга, японцев изображали вчетверо меньшими, чем русских солдат, именovali их „пигмеями-человеками“, „желтокожими карлика-ми“, рисовали в виде обезьян, собак или имеющими звериные морды.

На лубочной картинке гигант русский молодец Иван Кулак отрывал нос крохотному слабенькому врагу, а тот, японец Сам Со Бака, сидел на пороховом ящике, униженно сносил побои и утирая кровавые сопли. Совсем не то оказалось на настоящей войне.

Что лубки! Наши генералы в начале войны говорили, что японская армия в силу отсутствия цивилизованности не имеет необходимого порядка, что не скоро она усвоит правила, на которых основывается устройство европейского войска, а потому мы, русские воины, шутя способны справиться с таким несостоящим противником. Ходили слухи, что японские солдаты за плечами носят чехлы без ружей!

Такие шапкозакидательские убеждения сыграли против нас самих. Мы вступили в войну с неизвестным противником, с черной тенью, невидимой в темной комнате, забыв славянские легенды о том, что тени способны наносить удар! Тень ожила. Противник на жестокой поверке войны оказался природно храбр, военно организован в неукоснительном подчинении старшим и часто умен и хитер.

Храбрость их, как и ненависть ко всему русскому, очевидно фанатичны и происходят от преданности своему императору и Японии. Я лично был свидетелем случая, как матрос-японец, упавший за борт, отбросил трос, который спустили ему с русского корабля по старинному благородному правилу морских войн, и с криком „Банзай“²⁰, обращенным к своей стране, и перекирвленными от злобы лицом отправился на дно к рыбам».

— Я лишнее читаю, — стесненно сказал Самойлов на этом месте. — Я не то хотел... Но впрочем...

— Нет, интересно!!! — с чувством отвечал Максим Гаврилин. — Это ничего, читайте всё, да, господа???

Самойлов продолжил:

— «Неприязнь японцев к русским оказалась, к слову, усиленно подогреваема и японскими газетами. Одну из них, попавшую к нам после боя, прочел в свободный час переводчик. И что же мы с изумлением узнали из нее?

¹⁸ Имеется в виду «негритянская деревня» (также «этнологическая экспозиция», «выставка людей») — человеческий зоопарк, распространенный на Западе вид развлечения для широкой публики в XIX — начале XX века. Выходцев из Азии и Африки возили по городам, выставляя зачастую рядом с обезьянами. Последняя экспозиция с неграми была показана в 1958 году в Брюсселе.

¹⁹ Лубочная картинка, потешный лист — вид графики, изображение с подписью, отличающееся простотой и доступностью образов. Выполнялся в технике ксилографии, гравюры на меди, литографии. В конце XIX века в России выпускалось ежегодно несколько миллионов лубков на библейские и светские сюжеты.

²⁰ «Банзай» (яп.) — традиционное пожелание долголетия, может переводиться как «Да здравствует...».

Русскому *mujik'u* (по перепечатанному японцами из английской газеты мнению американского корреспондента) недостает грамотности, трезвости, предприимчивости, энергии и честности. Отсутствие этих качеств в целом характерно для славянской расы, утверждал американский писак и классифицировал русских как „стоящих на более низкой ступени развития, чем негры американских южных штатов“²¹. Та же японская газета обрисовывала русских людей как полузверей, предпочитающих спать на голой земле, ловить птиц и пожирать их живьем²².

Как и мы о них, японцы до войны не знали почти ничего о русских. Газеты и сплетни помогли им предположить у нас самую фантастическую внешность!

Один из первых взятых при мне в плен, бойкий японский солдатик, поведал через переводчика, что он думал увидеть русских... без ушей и носов, а некоторых — без ног и рук. У них ходили россказни, что в России такие морозы, что эти части тела у нас отмерзают и отваливаются²³. С сомнением глядел тот солдатик на наши лица еще и потому, что, по его мнению, оные должна была покрывать густая шерсть — как и все тело русских, ведь иначе нам не прожить в морозы! Солдатик был уверен, что наши ногти иметь должны вид звериных когтей и служить природным приспособлением к бою, а выпив предложенной ему нами за столь развлекательные рассказы водки, японец раскрыл обычай русских держать в домах медведей вместо собак и казусы рождения у нас младенцев с медвежьими куцыми хвостиками...

Вот каким образом вернулись в наш адрес те же обвинения в дикарстве и обидные нелепицы, каковые русские газеты сочиняли о японцах! И так же, как мы, японцы верили отечественной пропаганде! Так миллион подсолнечников на огромном поле все как один послушно поворачивают свои макушки в направлении переходящего по небу солнца!

Уже в первые недели войны стали рассыпаться обе легенды — о желтом дикаре и белом звере-варваре. Сквозь мерещившиеся обезьяньи и медвежьи морды проступили человеческие черты... Но главным для нас удивлением оказалась встреча с благородством японцев (свойством, согласитесь, уже точно никак не могущим быть приписанным дикарям!).

Известно стало, к примеру, что, согласно тем же общемировым старинным правилам чести, японцы спасали русских, тонущих в море, с потопленных кораблей. Доктора их оказывали нашим пленным лечение. Мне рассказывали, что при спасении команды одного из наших затонувших кораблей японцы, помогая пленным всходить по трапу, отдавали им честь. В газетах читал я о случаях, когда враги, найдя при наших убитых офицерах и нижних чинах (погребенных японцами) деньги и ценные предметы, пересылали их в Россию тщательно уложенными, с описью и указанием места погребения владельца».

²¹ The Japan Times. — 1904. — Перепечатка из «Daily Mail». — 7.8 (№ 2237). Источник: электронная библиотека ИРИ РАН «Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг.». Автор Павлов Дмитрий Борисович.

²² The Japan Times. — 1904. — 13.4. (№ 2137). Источник: электронная библиотека ИРИ РАН «Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг.». Автор Павлов Дмитрий Борисович.

²³ Мнение о русских, запечатленное в протоколе допроса японского капитана Дайкокуя Кодаю, попавшего в буню и десять лет жившего в России. В ноябре 1793 года вернувшегося в Японию Дайкокуя допросили, чиновник по имени Кацурагава Хосю составил протокольный документ «Запись о приеме сёгуном тех, кто потерпел крушение». На основе протокола Кацурагава подготовил произведение из одиннадцати глав — «Краткое изложение услышанного в северных краях». Оно стало первым письменным свидетельством японцев о России. Эта запись считалась секретной, была найдена в начале XX века, а опубликована в 1937 году.

— Ишь ты, блаародство! — резко крикнул старик Гаврилин, который давно уже ерзал на стуле, — А убивают оне тоже блаародно? Миль пардоньте²⁴, ну-тка, не шевелись минутку, сударь, я вам, тово-с, немножко башку снесу, а потом вещички ваши домой отправлю! — Он закривлялся. — С почтением-с!

— Думаю, им приказ такой дан... — сказал Кайдаков, и молодой Гаврилин придвинулся к приказчику, чтобы хорошо расслышать. — Это — проходной билет в Европу. Как, знаете, японцы цивилизацию сейчас покажут, так к ним вперед весь мир будет относиться...

— Это правда! Это правление Мэйдзы!²⁵ — восторженно подхватил молодой Гаврилин. — Я читал! Представьте... Хотя нет! Я лучше позже скажу. Читайте, читайте!!

Самойлов продолжил:

— «Те же правила цивилизации соблюдаются и здесь, в Японии, в отношении содержания русских пленных. Там, где я сейчас проживаю, нас не только не утесняют, но и как будто стремятся показать всему миру (в нашем лагере часты некие инспекции посетителей европейского вида под руководством японских начальников), что все здесь исполняется по прописанным и негласным законам джентльменской войны.

Возможно, лагерь наш является показательным, демонстрационным; может быть, что в других лагерях нет точно такого порядка. Но я опишу, как устроено у нас.

Лагерь наш сами японцы называют приютом. Мы, офицеры, имеем каждый отдельную комнату, гуляем беспрепятственно в саду, в нашем распоряжении — бильярд и теннис. Несколько офицеров для уюта завели канареек и домашних зверушек; к одному с тою же целью приехала на жительство по разрешению японского начальства супруга из России. Нижние чины от скуки приохотились к домашней игре в карты и местным боям пауков, которым их обучили японцы (за огромными пауками далеко ходить нет нужды, их ловят прямо на дворе), — оба увлечения предсказуемо ведут к вынужденным подаркам личного имущества выигравшему. Но осудить их я не могу: лишение свободы, как всякая житейская буря, открывает, будто отлив морские низы, самое дно души человека и лежащее там постыдное или великое. Один из офицеров, Алексей С.²⁶, открыл в лагере школу с тем чтобы обучать неграмотных нижних чинов письму и счету, а также отвлечь их от дружбы с пауками и картами. Из офицеров есть те, кто пытается разобрать японский язык самоучкою по приобретенным книгам, но преуспели в этом немногие.

Поговаривают, что скоро нам разрешат брать внаем жилье в селении.

Мы получаем от русского правительства ежемесячное жалованье в 50 рублей (нижние чины также, но в меньшем размере). Деньги эти весьма кстати уже потому, что порции еды подают крайне скудные, а сама пища для русского человека непривычна.

Японцы и сами едят мало — это в национальной привычке, верно, оттого они так худы и низки ростом — и, думаю, то же, что дают нам. Представьте: каждый день — овощные супы странного вкуса (некоторые прямо внушают отвращение) и сарачинское пшено²⁷ — рис, к которому добавлены крохотные кусочки мяса или, чаще, рыбы.

²⁴ Исканж. франц. «mille pardon» («тысяча извинений»).

²⁵ Правильно эпоха Мэйдзи — период в истории Японии с 1868-го по 1912 год, когда императором был Муцухито или Мэйдзи. Последнее имя переводится как «просвещенное правление» и является девизом правления Муцухито.

²⁶ Офицер Алексей Саранкин в лагере для военнопленных Нарасино.

²⁷ До 1870-х годов рис в России назывался сарачинской пшеницей или сарачинским зерном. В народе было известно название «сарачинское пшено». В конце XIX века его стало заменять слово «рис», пришедшее из немецкого языка. Слово стало распространяться, так как с постройкой Транссибирской железной дороги (1901) в Россию массово стал ввозиться рис, хотя в то время он был еще дорог.

Но как же русскому человеку без картошки, сала, мяса да квашеной капусты, а пуще всего — черного хлеба! Японцы не знают ржаного хлеба, а едят белый, рисовый, в виде лепешек. Наши солдаты решительно не могут свыкнуться с указанными неудобствами, как, впрочем, и с непонятным для них зубным порошком, каковой японцы выдали всем нам в первый же день вместе с зубными щетками и прочими гигиеническими предметами.

Не могу сказать, какими путями добыли ржаную муку, но в лагере нашем уже налажена выпечка черного русского хлеба! Делают его хлебопеки из числа наших пленных, также из наших выбраны повара и кухонные рабочие. Я сговорился с поваром, чтобы он готовил мне прибавку к столу и чай. Мяса, таким образом, у меня больше, но я скучаю по картошке, здесь, кажется, неведомой.

Говорят, что кому-то в лагере уже доставляли подлинную русскую «смирновку». (Есть и поддельная, изготавливаемая японцами, отличить ее просто: на этикетке написано «у Чуиуннаго моста»²⁸.) Видал я ранним утром неподалеку от лагеря и прелестное создание с высоко убранными черными волосами, в пестром платьице с широким поясом и необъятными рукавами, белых носочках и стучащих деревянных сандалах, прикрывавшее личико желтым шелковым зонтом. Ростом сия милая особа была столь мала, что, мне представляется, ежели бы миниатюрист²⁹ вздумал писать с нее портрет, она вся, со своими носочками и сандалами, поместилась бы целиком в медальон... Кажется, все, что можно иметь для своего удобства в плену, здесь можно добыть... Но как же тяжек мне здесь каждый восход солнца!

Я много размышляю, какие странные отношения сложились у нас с местным населением.

Кажется, мы (и они) должны ненавидеть друг друга даже более, чем на войне. Ведь мы (и они) наблюдаем каждый день — не издали из окопов или с берега моря — а близко, перед собою, почти смешивая наши дыханья, — представителей народа, убивающего, быть может, в эту самую минуту наших соотечественников. Кто знает — вдруг сам я убил на войне кого-то — мужа, сына — вот этой старушки, продающей мне с любезною улыбкою японский веер, который я чаю³⁰ привезти когда-нибудь моей милой Катеньке? Что ежели сын или муж этой японки убил моего сотоварища по полку?

Но за что же мне ненавидеть эту старушку, всех этих мирных крестьян? Я наблюдаю их во время дозволенных выходов в поселение.

Они, очевидно, бедны, ибо как иначе объяснить то, что они объединились вокруг нас — повторяюсь — врагов своего отечества, — чтобы всячески угождать нам, имея от этого денежную пользу?

Их число значительно прибыло со времени нашего появления здесь. Стоит выйти за пределы лагеря — и целая их толпа окружает вас. Они не смотрят вам в глаза, но непременно улыбаются и кланяются. Один, склоня голову, протягивает вам веер из бамбука — это здешний род соломы, — украшенный перломутовыми вставками³¹. Другой принес для продажи обувь европейского образца — он выучился ее шить специально для русских пленных. Для нас приготовили искусно обработанные панцири черепах, безделки из слоновой кости, лаковые миниатюры, шелка, вышивки, коробочки... И мы берем все это, берем от скуки и чтобы одарить наших домашних, когда — когда-нибудь — окончится война...

²⁸ Винно-водочный завод и винная лавка П. А. Смирнова с конца XIX века располагались в Москве у Чуиунного моста. С целью рекламы Смирнов размещал картинку с Чуиунным мостом на этикетке и делал подпись «У Чуиуннаго моста въ Москвѣ».

²⁹ Миниатюра (устар.) — искусство рисовать красками самые малые предметы.

³⁰ Чаять (устар.) — надеяться, ожидать с нетерпением, мечтать.

³¹ Перломут (устар.) — перламутр, внутренний слой раковин пресноводных и морских моллюсков.

Коробочки — пустяк, иной местный житель готов за деньги везти меня прямо на себе, запрягшись на манер коня в коляску и взявши в руки оглобли! Таков вид извоза, распространенный в Японии, оттого, как я понимаю, что содержание лошади стоит дорого.

Человек-лошадь с соломенной тарелкою на голове — защитой от солнца — столь малый ростом, что еле дотягивает макушкой до высоты коляски, берет с меня деньги и, не глядя мне в глаза, низко кланяется и улыбается мне, как и другие. Но я уже понимаю, что и улыбка, и поклон — вовсе не знаки раболепия или тем паче расположения ко мне. Это в национальном японском обычае, принято вместо изустного «благодарю» или, при встрече, европейского пожиманья рук. А что на деле думаю мой человек-лошадь, обувной искусник или дока черепаших панцирей — я не знаю. Быть может, каждый из них, как тот японский городской, ранивший 10 лет назад нашего Государя, хранит и для меня за пазухой свой меч...»

— Ай-яй, я расплакался, — сардонически сказал старик Гаврилин. — А пошто ж эти молодцы с плена не бегут? А? И как дали себя взять русские герои??? Честь в коробочку с перломутами сложили?

— А чем им там плохо? — возразил Самойлов. — Согласно Гаагской конвенции 1899 года, к военнопленным следует относиться, как к солдатам собственного государства! У них и свое японское постановление принято, пишет мой офицер. Сейчас найду... «Свободное исполнение обрядов богослужения... Собственность пленных, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, неприкосновенна... Разрешено пользоваться почтой и телеграфом с согласия начальства лагеря... Военнопленным разрешено выходить за пределы лагеря при даче честного слова не совершать побег...» Ну вот и не бегут потому — слово же честное дали!!!

— Кому дали? Нехристям?! — Козьма Михалыч покраснел. — И кто — я — я!!! — русский купец первой гильдии — ты, может, думаешь, стану убивцам, — старик махнул дрожащей рукой к окну, — хлеб-соль подносить? Выкусите! — крикнул он окну. — Нет, не мое это дело. И не ваше, — строго обратился старик Гаврилин к сыну, минуя взглядом Самойлова. — Вон кто, — старик показал через дорогу на вывеску «ТРАКТИРЪ А. БЪЛОВА. Съ продажею крѣпкихъ напитковъ распивочно и навывнось», — пускай на заморских чертях наживается! Да жидки им девок доставляют... под зонтиками. А наше дело — сторона. И не гляну на желтолицых! Тыфу! Нешто им позволят по селу шляться, по одной дороге с православными? Срам!!!

И старик демонстративно заговорил с сыном о делах, взяв его за плечо и уведя в лавку.

— Да ничего особо не переменится, — утешительно сказал приказчик сконфуженному Самойлову. — Будет, как когда у нас — помните? — до войны свой гарнизон в тыщу голов в Аракчеевских стоял. И ничего особого! Только солдатику раз парни сильно побили. Он в конец села к девкам пьяный зашел.

И потише добавил:

— А все ж то наш был солдатик...

2.

Как дали взять себя в плен русские герои? Оставшийся без ответа вопрос старика Гаврилина вспомнился вечером Максиму Козьмичу.

Славно было на той половине дома-корабля, что выходила на Миллионную!

Соседняя половина, глядящая на церковь Святой Троицы, была темною, с плотно занавешенными и днем окнами, с окрашенными коричневой краскою стенами, на ко-

торых в изобилии помещались древние иконы, в дорогах ризах, с худыми, изможденными ликами и благословляющими двоеперстиями³², тускло освещаемые мутными тяжелыми лампадами. Массивный буфет в столовой — царь прочей тяжелой старинной мебели — отнюдь не являл образец модного псевдорусского стиля, рекомендуемого журналом «Зодчий», а был совершенно натуральным образом старше своих хозяев. В этой половине жили Козьма Михалыч и староверка Мария Евграфовна.

Другая же половина дома, на Миллионной, была отделана в стиле модерн — так же модном и молодом, как и ее владельцы — Максим и Сонечка. Здесь были светлые стены, легкие занавеси, много пространства с овальными вазами и картинами в золоченых рамках (не хватало лишь статуэток: ни новомодного скандального Родена, ни древнегреческих неодетых богов и аллегорий не стерпела бы Мария Евграфовна). В малиновой гостиной с алым персидским ковром жило фортепьяно, а мебель, руководимая венскими стульями, поставила своей задачей вовсе не иметь углов.

— Милый, скажи, зачем война? — спросила Сонечка Максима в спальне, освобождая перед ночью свои длинные черные волосы от шпилек.

Тут Максим Козьмич вспомнил и вопрос отца, и то, что сам он знал и так и не рассказал утром сотоварищам про эпоху Мэйдзи. Ни секунды не сомневаясь в том, что жена поймет его, Максим Козьмич воодушевился и начал, ходя туда-обратно по комнате и маша руками, рассказ о многовековой закрытости Японии от мира, о том, как новый недавний тамошний император открыл границы, ввел демократический учет общественного мнения, переменял лунно-солнечный календарь на григорианский «и пожелал жить на манер Европы, России и Америки, но сохраняя японские обычаи».

— Тогда зачем же он с нами воюет? — спросила Сонечка.

— Он — не с нами... То есть с нами, но не против нас, а за... Ах, Софи, это сложно!!! Видишь ли, это даже не русская территория и не японская, где война! Мы сражаемся на территории Китая и Кореи! Я сейчас карту...

— Не надо карту! Ты покажи: вот, — Соня взяла розу из стоявшего на столике букета, — это будем мы, Россия. А это, — она вынула из букета лилию, — Япония, — и Сонечка положила цветки на покрывало кровати.

— Тогда надо так... — Максим достал из портмоне золотые пять рублей и положил монету между цветками. — Золотом будет Корея. Но нужен третий цветок! Я возьму гвоздичку. Эта гвоздика — Китай.

Видишь ли, лет десять назад была японо-китайская война. — Максим придвинул золотую монету от гвоздики к лилии. — Япония победила и добилась отказа Китая от всех прав на Корею, да еще получила китайские Ляодунский полуостров и Манджурию³³. Был подписан договор. Но России, Германии и Франции это не понравилось. Мы имели свои интересы в Китае. И мы, три европейские страны, добились отмены договора. Япония отказалась от Ляодунского полуострова. — Максим передвинул золотую монету обратно к гвоздичке. — Он снова стал китайский. За это Китай, кстати, заплатил Японии миллионы. Но японцы все равно затаили на нас обиду. А лет пять назад Китай отдал кусок Ляодунского полуострова России в аренду на двадцать пять лет. Он в море выходит, там порт Порт-Артур, он не замерзает зимой и для нас важен. — Монетка двинулась к розе и остановилась на полпути. — Нам разрешили к Ляодуну провести ветку от нашей Транссибирской железной дороги. Потом, у нас есть русские

³² У старообрядцев принято креститься и благословлять не тремя перстами, как у православных христиан после церковной реформы 1650–1660-х годов, а двумя. На некоторых православных иконах Христос и святые благословляют крестным знаменем двумя перстами. Хотя Большой Московский собор 1667 года утвердил такое благословение на иконах как особый вид, не относимый к двоеперстию, староверы считают такие иконы доказательством правильности своих убеждений.

³³ Устаревшее название Маньчжурии.

лесные концессии, — Максим заметил, что Сонечка прикрыла рот рукой, подавив зевок, — это такая форма государственно-частного владения — в Корее. — Он еще чуть придвинул монетку к розе. — Сделан был договор, по которому Российской империи дали право держать войска в Северной Корее, а Японии — в Южной Корее. Но год где-то тому назад Россия направила крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в порт Чемульпо — нейтральный, там и английские корабли стояли, и французские — но в Южной Корее. К тому же наш флот ввели в Китае в Порт-Артур — ну, на это то мы имели полное право, ведь мы арендуем Ляодун, я говорил. И японцам все это вместе ну никак не понравилось!

— А корейцам и китайцам? — спросила Сонечка.

Вопрос супруги поставил в тупик Максима Козьмича. За Соней такое водилось. Кажущаяся пассивной, неторопливая в движениях Сонечка имела живой ум — тем и близка она была энергичному Максиму.

— Душа моя, ты — ангел! — сказал Максим, целуя жену в лоб. — Но видишь ли... Не получили бы Ляодун и Северную Корею мы, туда пришли бы англичане или немцы. Бывают страны, которые служат монетой. Это — политика...

— А ты вообрази, что ты, я и... наши дети живут в стране, которая служит монетой.

— Ну, к счастью, этому не бывать. А детей у нас еще нет! Или ты хочешь?

Пропуская прядь черных волос Сони через свои пальцы, Максим успел подумать: «Отчего им не сдаваться в плен? За что мы воюем? Ведь не пленным и не убитым достанется золотая монета...»

* * *

В другом доме, на улице Подгорной, в спальне супругов Самойловых лежал неспящий и грустный Владимир Назарьевич. Отвернувшись от него, улыбалась во сне модная блондинка Настенька. Ей снились красивые глаза английского офицера...

3.

— Ребя, айда за падалицей! У Евдохина насыпало — мостом лежит!

Такими заманчивыми предложениями главарь медведской ребятни, девятилетний озорник Захарка в воскресное утро приглашал своих друзей в сад Михаила Евдохина за яблоками.

Несчастье Евдохина, вольного крестьянина, переехавшего в Медведь из Эстляндии³⁴ лет тридцать назад³⁵ да так и оставшегося в людской молве эстляндцем, состояло в том, что рядом с его домом была школа. Евдохин выбрал не самый лучший дом из-за богатого яблоневого сада и посадил еще любимые свои сорта, в числе которых была королева северных яблонь — прибалтийская³⁶ папировка³⁷ с яблоками цвета белого янтаря, — не зная того, что через несколько лет, в 1879-м, на месте соседней

³⁴ Эстляндия или Эстляндская губерния — одна из трех губерний Прибалтийского края Российской империи. В настоящее время почти на всей территории бывшей Эстляндии находится Эстония.

³⁵ В 1816–1819 годах крепостное право было отменено в прибалтийских (остзейских) губерниях Российской империи (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия, остров Эзель). Крестьянам этих губерний была предоставлена личная свобода, но без земли. Это стало первым шагом одобренного Александром I проекта А. А. Аракчеева о постепенной ликвидации крепостного права.

³⁶ Прибалтийский край в начале XX века — часть территории Российской империи, состоявшая из трех губерний: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской.

³⁷ Папировка — старинный сорт яблок, в наше время больше известный под названием белый налив.

пустоши построят школу, министерскую, кирпичную, двухэтажную, с большим двором, имеющим общий забор с его садом.

Четверть века с той поры каждый август был для Евдохина страданием. Первые поколения школяров лазали к эстляндцу через забор за отменными яблоками. Потом его яблони разрослись, и ветки их, отрицая всякие законы собственности, дружелюбно перевесились чрез ограду в школьный двор. Задача упростилась: ученики обирали ветки и подбирали паданцы на своей территории, но Евдохин не меньше прежнего ругался и ходил к заведующему школой с требованием кары преступникам. Соседи советовали Евдохину обрезать убежавшие ветки, но домовитому эстляндцу до смерти было жалко яблок, и он продолжал мучиться.

Обычно Евдохин нес караул у окна, выходившего на школьный двор, или же сидел в засаде на своих маленьких заклятых врагов в кустах малины у заветных яблонь с длинной палкою в руках, чтобы тыкать этим оружием через дырки в заборе в покушавшихся на паданцы. Но в это воскресенье набожный Евдохин, как и многие медведцы, отправился в церковь Святой Троицы.

Были там и Захарка, и другие мальчишки со своими семьями. Но благоразумие и любовь к ближнему, каковые носились над непутевой Захаркиной причесанной воскресной головою во время службы, улетели с первым уличным ветерком, едва сорванец выскочил за церковную ограду.

Тут у Захарки и созрел преступный план, основанный на проверенном им факте, что неторопливый Евдохин еще был в церкви...

...После службы вышел из церкви Святой Троицы и учитель Александр Петрович Калядин.

Душа педагога, размягченная теплыми огоньками церковных свечей и благодатным хором, в котором так хорошо сегодня пели и его лучшие ученики-мальчики, нечаянно устремилась туда, где ей надлежало быть. Калядин зашагал по Подгорной улице к школе. Александр Петрович был немного оригинал и в теплое время всегда ходил в русском костюме. Сегодня он тоже вышагивал по улице в неизменных вольных брюках и белой косоворотке с русским узором, подпоясанный черным кушаком с длинными кистями. Встречные бабы кланялись ему, мужики с поклоном снимали шапки. Тридцатипятилетний Калядин получал внимание едва ли не большее, чем заведующий школой: Александр Петрович был не только уважаемым учителем, но и зятем одного из богатых местных купцов — Михеева.

Ничего конкретного стремление Александра Петровича зайти в школу не содержало, но, как оказалось, душа его почуяла неладное раньше, чем это увидели глаза.

Как птички от собачьей миски, порскнули, завидев учителя, входившего в калитку, из школьного двора несколько мальчуганов и взлетели на невысокий забор, мгновенно за ним исчезнув.

Тут подоспел в школьный двор и Евдохин. Эстляндец поднял такой шум, что несколько любопытных лиц прохожих тоже начали заглядывать за калитку.

— Наказать! Наказать по всей строгости, лишить права ходить в школу! — шумел Евдохин. — Что же это, Алексан Пиотрович? Ведь им, паршивцам, школа дадена! И Закон Божий, и считать, и писать, и про историю с геаргией какой-то после уроков кричат, и поют под скрипку — господин заведующий лично играть изволит, я каждый Божий день слышу, — и солдатик отставной упражнениями их занимает во дворе — шумят-топочут, негодники, — и ремеслу их столяр и токарь учат! Да притом всех в школу берут — всех: и деток жидов, и раскольников, — Евдохин перекрестился тремя перстами, — и даже девочек! Деньги на их дают министерство³⁸, земство³⁹, село наше дает.

³⁸ Министерство народного просвещения основало школу в Медведе в 1879 году по ходатайству крестьян.

³⁹ Земства — выборные органы местного самоуправления в Российской империи. Действовали на уровне губернии, уезда. Были введены в 1864 году с целью вознаградить дворян за потерю помещичьей

А у земства денежки откуда? С нас, с нас копеечку собирают, — у Евдохина навернулась слеза. — Эх, нам бы такое учение — в наше-то детство! Сколько неграмотных старых в селе!

— Ну, вам-то грех жаловаться! — сказал Калядин. — У вас в Эстляндской губернии процент грамотных — из самых высоких в России.

На крики яблоневого владельца в школьный двор заглянула одна из хороших и самая маловозрастная ученица Александра Петровича — восьмилетняя Шурка Орлова. Девчушке стало жаль Евдохина.

— Дяденька Евдохин! А дяденька Евдохин! Давайте я вам паданцы-то назад за забор перекину!

Евдохин с подозрением осмотрел Шурку. Девочка в светлом платьице, косичка, платок на голове, глаза ясные.

— Даю вам на Шуру лучшую рекомендацию, — успокоил эстляндца Калядин. — А с учениками я поговорю.

Учитель скрылся в здании школы, а Шурка под надзором сложившего руки на живот эстляндца принялась перебрасывать яблоки за забор к дому Евдохина.

— Все им дадено... — ворчал старик. — Ты аккуратнее, не побей. Все дадено, за все плотют... Вот ты, девочка, знаешь, кто за твою школу плотит?

— Мама с батей.

— Я!!! Я за тебя двадцать копеечек в год денежку сдаю! И всякий крестьянин волости! Министерство за вас плотит, село дает... А скока ж за тебя мамка с батей плотют?

— Шесть рублей в год, мама сказывала.

— Шеэ-сть?! Это ж с вас как с разночинцев, иначе! И скока ж твоя мамка на льнозаводе у Самойлова получает?

— Пятнадцать рублей в месяц, дяденька.

— Пятна-адцать... — эстляндец задал своему уму какую-то задачу и начал бормотать: — Прислуга Самойловых — восемь рублёв в месяц, Алексан Пиотрович... Алексан Пиотрович сказывал, получает триста шестьдесят рублёв... так это ж в год... Девочка!

— Чего, дяденька Евдохин?

— Девочка, посчитай-ка мне. триста шестьдесят рублёв в год подели, скока это рублёв в месяц?

Шурка некоторое время думала и сказала:

— Тридцать, дяденька.

— Ты кидай, кидай. Значить, Алексан Пиотрович тридцать рублёв в месяц. Притом... Притом... Фунт⁴⁰ мяса — шестьдесят копеек... Фунт масла — сорок копеек... Мешок картошки — рубль. Притом... Притом... Фунт ситного — три копейки... Ведро водки — четыре рубля... Притом... Притом... К дохтуру сходить — двадцать копеек...

Видно было, что Евдохин запутался.

Шурка перебрала почти все яблоки.

— Дяденька Евдохин! А ты мне дашь за работу для сестренки Лизы яблочек?

Евдохин замолчал, втянул сморщенные губы и застыл, так что на полминуты его губы вдруг совсем исчезли.

— Ладно. Можешь взять себе... одно яблочко. Вон то, маленькое, с пятном.

Шурка разогнулась с последней грудой яблок в подоле платьица. И... побежала с захваченной добычей за калитку.

Евдохин оторопел. Смеялись за калиткой прохожие.

власти, предоставив им первенство в местной хозяйственной администрации. Земствам было дано право облагать население уездов сборами и повинностями на земские нужды (строительство и обустройство школ, благотворительность, медицинскую помощь, устройство дорог и мостов).

⁴⁰ С 1899 года русский фунт был равен 409,5 г.

* * *

Переложив яблоки в снятый с головы платок и завязав его в узелок, Шурка понеслась домой. Дома она отдала матери яблоки и сказала, что это — плата за ее работу у дяденьки Евдохина. Она еще успела понынчиться с годовалой сестрой, пока вдруг не увидела в окно подходившего к их дому эстляндца. Так и не успев переодеться, в светлом выходном платье Шурка вылетела за порог, перелезла через изгородь в соседский огород и двор и через пять минут уже была на конце Подгорной, на выходе из села.

Пленные японцы прибыли около недели назад в Медведь следующим путем. Выгрузившись из вагонов на ближней железнодорожной станции Уторгош, их строй четырнадцать верст⁴¹ шел до деревни Старый Медведь и далее добирался еще полторы версты: на выходе из Старого Медведя миновал гордость медведцев — железный Владимирский мост через реку Мшагу; спустившись с моста, попал на первую улицу села Медведь — Подгорную; пройдя по Подгорной, на перекрестке у дома-корабля купца Гаврилина завернул налево на улицу Миллионную и по ней дошел до конца села до Аракчеевских казарм.

Провинившаяся Шурка бежала сегодня в обратную сторону. Деревянный домик ее родителей стоял на центральной площади близ особняка купца Гаврилина. Девочка от площади повернула на улицу Подгорную и, пробежав последний дом села, остановилась у Владимирского моста.

Она остановилась так внезапно, что глотнула воздух со слюной и закашлялась. В небе дергался на ветерке воздушный змей. Тот, кто бежал с веревочкой, был скрыт прибрежными кустами.

— Захарка! — позвала Шурка.

Змей упал. Из-за кустов вышел, улыбаясь, держась от нее на расстоянии и кланяясь ей, девчонке, смуглый черноволосый взрослый человек.

— Ой, матыньки! — охнула Шурка. — То ж японец!

И она, махнув вперед обеими руками, развернулась бежать обратно, к родному Евдохину.

Но отбежав чуть-чуть, Шурка остановилась. Ей стало любопытно, да и японец не сделал ни шага навстречу.

— Здоровы будьте! — сказала с испуга Шурка японцу.

— Кон-ни-чи-ва! — отозвался японец и снова поклонился.

— Конь ничево, — засмеялась Шурка. — Смешно ты, дяденька, говоришь.

Она ощутила некоторое покровительственное чувство к человеку, который не умеет говорить, как все.

— Я, дяденька, Шура. Шу-ра, — сказала она, прикладывая ладошку к своей груди.

— Ясуо Сато.

— А я Шура зато!

Они вместе посмеялись, не зная чему.

— Давай ты дядя Яша будешь. Согласен? Я-ша! — сказала Шурка, показав на японца.

— Ясуо! — улыбнулся японец. Он сделал два шага вперед, положил змея на землю и отступил в кусты. Шурка взяла змея:

— Это мне? Спасибо!

— До итасимаситэ!⁴²

— А по-нашенски: до — свиданьица! — и Шурка с подарком помчалась в село по Подгорной, раздумывая, где бы ей взять красок. Змей был черно-белый, сделанный

⁴¹ Приблизительно 15 километров.

⁴² Не за что (японск) — вежливая форма ответа на благодарность.

из странных газет, где напечатаны были не буквы, а закорючки и черточки, изображавшие, как увиделось Шурке, домики, человечков, деревья и зверей.

4.

В то же воскресенье вечером многие медведцы вышли на улицы села. Главным местом прогулок считался бульвар в его конце, упиравшийся в плац⁴³ Аракчеевских казарм. Сегодня на бульваре самыми заметными смотрелись, несомненно, гулявшие вместе пары Максима Гаврилина с Сонечкой и Самойлова с Настенькой. Сельчане главели главным образом на госпожу Самойлову.

На Настасье Яковлевне с белой блузой было надето чудо чудное. С длинной синей юбкой неведомый портной сделал что-то, отчего она стала походить на мужские брюки. Внимательный взгляд мог определить, что для каждой стройной ножки Настасьи Яковлевны полагалась своя широкая юбка со складкой-стрелкой; чуть выше колена эти две полуюбки соединялись между собою.

Не успели прохожие надивиться на первую в Медведе юбку-брюки госпожи Самойловой, не успели еще составить свое отношение к этой смелости, как их терпимости представилось новое испытание. На бульваре показалась впервые вышедшая из казарм на прогулку группа пленных японцев.

Японцев было пятеро, все в фуражках, тужурках⁴⁴ с выглядывавшими белыми воротничками, брюках и ботинках; в руках почти все держали тросточки. Вся верхняя одежда — темного цвета. Ростом невелики, но осанка прямая и что-то особенно уверенное, крепкое в постанове головы.

— Офицеры, — шепнула Соня Настеньке. Но Настины глаза напрасно искали — другого офицера. Того, кто пока не возвратил ей оброненный с балкона платок...

Прохожие останавливались поглазеть на пленных. Максим Козьмич вспомнил, как батюшка его не желал ходить по одной дорожке с японцами. Он обернулся посмотреть — нет ли, на грех, на бульваре Козьмы Михалыча.

Оказалось, однако, хуже. К бульвару со стороны Миллионной подходил местный черносотенец⁴⁵, тот самый Тришка, который при входе японцев в Медведь сулил сельчанам, что они увидят у пленных собачьи морды и обезьяньи хвосты.

Для благополучного, а потому по крупному счету законопослушного медведского народа Тришка, сорокалетний мужик, которого, однако, никто, кроме полицейского урядника, не помнил фамилии и отчества, был то, что называют «в большой семье не без урода». Тришка имел худой огородишко при таком же худом доме. Трудовая деятельность его заключалась в том, что он раскидывал по селу откуда-то взятые им печатные листовки «Бей жидов, спасай Россию!» и кричал в подпитии соответственный лозунг. Патриотические убеждения Тришки имели свою летопись — медведский полицейский урядник по прозвищу Коля Курносый регулярно доставлял начальству следующие донесения: «праздношатался ночью с пением нецензурных песен и сквернословием», «бросал камни в окна жителей жидовского происхождения», «совершил причинение домашнему животному жида Додки Беатуса напрасных мучений», «мазал ворота дегтем жительнице Екатерине Курочкиной⁴⁶», «приставал к прохожим на улице

⁴³ Плац — площадь на открытом воздухе для военных смотров, строевых занятий, парадов.

⁴⁴ Тужурка (от франц. *toujours* — «всегда», досл. «все дни») — форменная куртка, обычно двубортная, короткая, с застежками, воротником и длинными рукавами.

⁴⁵ Черносотенцы — представители крайне правых организаций в России в самом начале XX века, выступавших под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма.

⁴⁶ В дореволюционной России в крестьянской среде был распространен обычай мазать дегтем ворота, дверь или крыльцо дома, где жила девушка, вступившая в интимную связь до брака. Для семьи девушки это было серьезным оскорблением.

с требованием у тех денег на водку с угрозами избиения», «дрался с истреблением имущества», «причинил вырывание с корнем цветов и овощей без использования оных», «сломал почтовый ящик» и т. п.

Увидев японцев, Тришка разболтанным шагом подошел ближе, плюнул на землю и сказал громко, обводя глазами прохожих, как циркач обводит взглядом публику:

— А хвосты-то иде? Спрятавшие под штанам?

Несколько мужиков засмеялись. Японцы вынуждены были остановиться, так как Тришка заградил им путь.

— «Вр-рагу не сдае-отси наш гордый „Варяг“, пощады никто ни жела-и-ит!» — затянул дурным голосом в лицо японцам Тришка. Он прыгал вокруг японцев и продолжал песню, перескочив через куплет и сделав голос из дурного патетическим:

— «Из пристани верн-а-ай мы в битву идем, навстречу грозящей нам смерти-и, за Родину в море открытым умре-ом, где ждут желтолицые че-ерти!»⁴⁷

При слове «черти» Тришка ткнул в воздухе пальцем в японцев. Лица японцев оставались бесстрастны, у прохожих же выражение лиц постепенно менялось из любопытного на серьезное.

В конце песни, на словах «Лишь волны морские прославят вовек геройскую гибель „Варяга“!» лица некоторых прохожих стали почти столь же мрачны, как физиономия исполнителя. История крейсера «Варяг» была известна каждому. Прошедшей весной в газетах печатали фотографии героев, которым в первый день войны 27 января⁴⁸ японцы предложили безопасно покинуть нейтральную корейскую бухту Чемульпо, но моряки «Варяга», равно как и канонерской лодки «Кореец», направились к осажденному японцами Порт-Артуру, чтобы вступить в неравный бой с целой эскадрой. В конце этого боя те русские, кто остался в живых, затопили пробитый «Варяг» и взорвали «Кореец», чтобы они не достались врагу. Грамотные медведцы тогда, весною, читали вслух односельчанам газетные отчеты о почетном следовании моряков, выживших в бою, через города Российской империи, о торжественном приеме моряков «Варяга» и «Корейца» государем Николаем Вторым в Зимнем дворце и о том, как на этом приеме впервые была исполнена знаменитая теперь песня о «Варяге».

— Как вам не стыдно?!

Тришка с тупым удивлением и еще воздетой к небу рукой обернулся.

Недалеко от него стояла невысокая девушка с темно-русой косой, в шляпке не пышной, как у богатых дам, а с небольшими полями, в аккуратном коричневом костюме — жакет и юбка, мягко облегающая тоненькую фигуру и расклешенная книзу. Одежда курсисток и учительниц.

— Ой ты! Надька Карпова, што ль, приехавше?!

— Я вам не Надька, а Надежда Васильевна. К вашему сведению, я окончила в Петербурге гимназию, готовящую к учительскому званию. И с осени буду в школе Медведя учительницей.

— Ну и че те натъ, Надь? — Мужики вокруг засмеялись. — Ой, Надька-учителка! — Тришка, нарочито шмыгая носом, с издевкою поклонился. — И че ты — можа, мне прикажешь — с ими чикацце?⁴⁹ — Голос Тришки посуровел. — С ими — врагами Отечества? Иль ты не знашь, че оны⁵⁰ с нашими мужиками на войне вытворявшие? Я дак думаю —

⁴⁷ В годы Первой мировой войны (1914–1918) из песни о «Варяге» был удален этот куплет, так как Япония в этой войне была уже союзницей России.

⁴⁸ 9 февраля по новому стилю. До 1918 года в России действовал юлианский календарь, после и до настоящего времени — григорианский календарь.

⁴⁹ Чйкакъся (шимск. диал.) — церемониться, проявлять мягкость.

⁵⁰ Оны́ (шимск. диал.) — они.

каменюгами их закидать — и на крестовые!⁵¹ А не, оны ж нехристи! Тада связать — и в омуток!

Мужики из прохожих подошли ближе к Тришке, оглядывались друг на друга, кое-кто согласно кивал головою.

— Дело сейчас не в том, что делали они, — просто сказала Надя. — А в том, что делаете вы. Вы нападаете на незащищенных. Тех, кто не может ответить. Это подло.

Тришка вдруг отступил и сделал вид, что прохаживается по бульвару. Мужики вокруг него начали расходиться. Надя, не понимая, обернулась — и увидела за своей спиной урядника Колю Курносого, рассерженного и помахивавшего нагайкой⁵².

— Спасибо вам, Надежда... — урядник забыл ее отчество. — Мне тут еще политического дела не хватало! Стоять, шиш болотный! — и урядник скорым шагом пропустил за уходившим Тришкой.

— Хорошо, что Тришка — дурак, — сказал Самойлов своим спутникам.

— Да, — согласился с другом Максим Козьмич. — Толпа — это пес. Умей сказать ей «ату»⁵³, и она перекусит горло тому, на кого указано. Счастье японцев — и наше! — что Тришка не хитрец в дрессировке псов.

— Молодец Надежда... Васильевна. Я уж хотел бежать вступиться за нее... — Самойлов испугался теплоты, с какою вырвались у него эти слова, и посмотрел на суругу. Но Настасья Яковлевна его не слышала. Губы ее легко улыбались прохожим, а сердце, которое никак было не утишить, билось: она увидела на конце бульвара идущего от Аракчеевских казарм знакомого красивого английского офицера. Вот он подходит, он улыбается, он смотрит... Вот — ах! — отделяется от прохожих какая-то дама. Вульгарно одетая, широкое тело, лицо... нет, лицо милое, как досадно. Это, верно, костромская барыня, над которою недавно могла смеяться Настасья Яковлевна.

Костромская барыня с офицером прошли, и он более ни разу не взглянул на Настеньку. Ей, кажется, слышатся его уходящие шаги среди других шагов и иных звуков... Что-то сказал Самойлов, что-то спросила Соня, и Настенька должна была отвечать, улыбаться, идти. Это происшествие, оставшееся для других незаметным, заняло ее бедную душу на много дней.

* * *

Меж тем от группы пленных японцев подошел к Надежде Васильевне один.

— Здравствуйте, госпожа Надежда. Извините, я услышал и узнал ваше имя. Разрешите представить себя. Масакадзу Хигаки. Первое слово в Японии всегда — фамилия, второе — имя.

— Добрый день. Позвольте, но... откуда вы знаете русский язык?

— Я учил его в Токийской школе иностранных языков, госпожа Надежда.

— Я не знала, что в Японии изучают русский язык в школах!

— Во всей Японии не изучают, госпожа Надежда. Токийская школа иностранных языков — одна, чтобы учить русский, английский, французский, китайский и корейский языки. Эту школу открыл тридцать лет назад Бансё сирабэдокоро... как перевести... Департамент... освоения варварских племен. Простите, простите, госпожа Надежда, это официальное название! Я не подумал, что оно звучит оскорбительно.

⁵¹ Крестовые (шимск. диал.) — кладбище.

⁵² Нагайка — плетень с кожаной бляшкой на конце, предназначенная для управления лошадей. Использовалась казаками, полицейскими как несмертельное ударное оружие.

⁵³ Ату — команда собаке, означающая «взять», «хватать», «поймать».

— Варварских племен??? Впрочем, глядя на нашего Тришку, можно понять, откуда берутся подобные названия! Это вы простите меня, нас, всех жителей Медведя, за поведение нашего односельчанина! Но отнюдь не все российские подданные — варвары!

— О, я знаю это, госпожа Надежда. В Токийской школе иностранных языков у меня был уважаемый русский преподаватель, Мечников⁵⁴.

— Мечников? Фамилия в России известная. Мне хотелось бы использовать случай с вами поговорить. Свободны ли вы сейчас? О, простите!

— Я относительно свободен в границах села Медведь, госпожа Надежда.

— Почему вы к каждой фразе прибавляете мое имя? И отчего же я непременно госпожа? Зовите меня Надежда Васильевна. Если вам трудно, я даю вам разрешение называть меня просто Надя, как моим друзьям.

— Госпожа — обычное обращение в Японии. На японском я звал бы вас Надя-сан. «Сан» значит, что я уважаю вас. Вы — смелая девушка. Простите, я поздно понял, что тот плохой человек хотел обидеть вас. Я видел сначала, что он поклонился вам.

* * *

Через неделю по селу пошел слух: учительница Надя Карпова встречается с японским офицером. Гуляют в людных местах, разговаривают. Откуда японец русский язык знает, неизвестно, наверное, шпион. Но человек приличный, трактиры не посещает.

5.

— Надюнь! Бабы грят — быдто ты с апонцим гулявше? Нешто взыбыль? Эко зарадь!⁵⁵ Желемустина: кожа да кости! Желтой, как яишной желток, да прищуренной. Да и нам — ворог!⁵⁶

Мать Нади Карповой решила откровенно поговорить с дочерью.

Было раннее утро. Надя, за годы учебы на чужой стороне привыкшая использовать каждую минуту своего дня, уже сидела в закуте — отделенной занавеской части комнаты в деревянном родительском домике — и готовилась по книгам к будущим урокам, обдумывала, что скажет детям.

— Мама, не волнуйся! Я замуж за Хигаки не собираюсь! Хотя не страшный он вовсе! Мы японцам, я подозреваю, тоже кажемся довольно некрасивыми — скорей всего, высокими, как пожарные каланчи, и с длинными носами. Примечаю я также, японцы минуют взглядом толщину боков, неоспоримое достоинство наших признанных сельских красавиц... А Хигаки мне интересен как человек. Только подумай — какой это необычайный, исключительнейший случай — то, что он говорит по-русски, а значит, может рассказать нам о своей стране! Ведь как далека во всех смыслах от нас Япония! Мы совсем ничего не знаем о ней!

— А и не узнаим, дак че ж? Города залягут?⁵⁷ И в кого ты така уродивше? — Мать с ласкою погладила Надю по голове. — Надёнка ты моя, надежа и исть! Вон кака голова у тиби! Учитницей бушь!!! Копеичкай, можа, мати поможешь. Мати ить стáра у тиби стала, ничёво ни мустит⁵⁸. Батя на крестовых давно... А на баб ты наплюй!

⁵⁴ Лев Ильич Мечников, брат Ильи Мечникова, лауреата Нобелевской премии и известного биолога, преподавал в Токийской школе иностранных языков.

⁵⁵ Зарадьё (шимск. диал.) — удовольствие, радость.

⁵⁶ Ворог (шимск. диал.) — враг.

⁵⁷ Города залягут (шимск. фразеологизм) — случится что-то масштабное и плохое.

⁵⁸ Мустить (шимск. диал.) — мочь.

Бабы — им тока найтить, кого на зубах носить. Трёкай⁵⁹ с апонцим, коль дурного тут нет. Опорякну⁶⁰, да и ты учитницей бушь, так рты-то закроют. Уставше? Садись кокоры⁶¹ исть с помачкой!⁶²

— Спасибо, мамочка! Как вкусно!!! Мама, я иногда думаю: мы с тобой тоже словно говорим на разных языках! Отчего так? Ведь ты слышишь, как я правильно говорю. Это оттого, что я много училась. И я знаю, что дети в моей школе тоже будут правильно говорить — я их научу этому и другие учителя. Отчего же вам, старому поколению, глядя на нас, не переделать свою речь? Я понимаю, ты привыкла говорить так, ты в деревне родилась и жила. Но сейчас время другое! Когда так много образованных людей вокруг, нужно переучиваться! Вот приметь — старый Гаврилин, Козьма Михайлович — и тот говорит почти хорошо. Он у сына манеру перенимает, тому образование дано. Потому что понимает: он купец первой гильдии, с людьми солидными разговоры ведет — а с ними нужно говорить не по-деревенски. Современному человеку необходимо говорить правильно!

Вы, старые люди, как будто нарочито коверкаете язык! Меняете ударение: не поняла, а по́няла, не никого, а нико́ва. Меняете окончания, — Надя взяла с комода фотографию в рамке и вслух прочитала надпись, сделанную печатными буквами на обороте: — «Сестры Зи́ны от сестры Ве́ры». В русском языке — семь падежей⁶³, вы же себе оставили два-три! Вы, будто стесняясь, обрезаете язык: под штанам, с вёдрам, с девкам, работаешь, делаешь. Снесение так велико, что искажение доходит до крайности: не «сами» и «они», а «самы», «оны». Про наши шимские «вши» и «цыканье» я уж не говорю: явивше, учище... Зачем так коверкать язык???

— А на мой ум — это ты его кувьркаишь. Это я грю праильно. А ты — непраильно гришь!!!

— Как это?

— Не знаю я. Че ты ко мне приставше? Ну, ладна. — Мать сердито отняла у Нади фотографию, которую сестра прислала ей из Новгорода и какую так красиво подписал грамотный племянник, и, оттерев с рамки пыль передником, бережно вернула на комод. — «Сестры Зи́ны от сестры Ве́ры», гришь? А че, невнятно, кому патрет и от ко-ва? Зачим хвосты выдумывать? Твой изык больно измудрен — всё хвосты ладите!

В моем изыке лишних хвостов нету! «Под штанам» — и ясно, што под штанам, а ни в штанам и ни за штанам. Аль वो́на — лапти в се́ни на гво́зди висят — што тута непонятнова? «Работаешь» — ты и работаешь, а хто ишо? Зачим туды — в «работаешь» — хвост в середку сувать?

Твой изык — пустой! «Очинь» — што эта — очинь? А мне ТУШНО конфетк хочецце! Ты ошиплась, а я СГУЗИВШЕ! Ты одеваиссе торописсе, а я ОБРЯЖАЮСЬ ТОРМОТЫЧЬЮ. Ты крапивай ожглась, а я СТРЕКАВОЙ ОСТРЕКАВИВШЕ. У тебе подол испачкался, а у меня ПОДНИЗЬЕ С ГРЯЗИ СЛОМИВШЕ.

У нас — один хвост на всё. Я привыкше, ён привыкше, Она привыкше, оны́ привыкше, мы привыкше. А вы на каждый раз свой хвост выдумываите. Это знашь отчаво? А делать вам нечиво! Это как у беднова одна́я рубаха — штоб роботать, а у богатых — много одежи, для зарадьа. У беднова — тока шти да каша, штоб сила была

⁵⁹ Трёкать (шимск. диал.) — болтать, сплетничать, громко разговаривать.

⁶⁰ Опорякнуть (шимск. диал.) — привыкнуть.

⁶¹ Кокóра (шимск. диал.) — лепешка из теста без начинки.

⁶² Помáчка (шимск. диал.) — творог со сметаной, готовится к блинам и кокорам.

⁶³ Семь падежей, включая звательный, указывалось в учебниках грамматики русского языка до 1918 года. Еще ранее в русском языке выделялось от девяти до пятнадцати падежей. В современной грамматике некоторые ученые-филологи также выделяют большее число падежей, чем шесть, принятые в школьной программе.

на работу, у богатых — полон стол жранины, для зарадья. Так и изык у нас — робочий, дак и прост. А у богатых да вас, ученых, изык — с хвостами да придумками, для зарадья. Так што я и грю: наш изык — праильный, настоящый. А ваш — придуманной, никудышной. Делать вам нечиво! Вот и щас — сидим зазря, а мни ведь поросенку нада на огороды колкушнику⁶⁴ набрать. А ты, Надька, возьми-ка веник да пол подпаши! Отойди отсудова, а то по тыквыны получишь! — Это мама Нади увидела заглядывавшего к ним в окно пьяного с утра Тришку. — Што падину разинувше? Бегат по селу глаза выгален! Ишо люди спят! Ранишша така — ишо черт березы не качал!

Надя посмотрела — первый утренний ветерок начинал трогать спящие тоненькие ветки березы за окном.

— Мамочка! А ты спрашиваешь — в кого я? В тебя, в тебя, мой гениальный филолог! Это же целая диссертация — твой монолог!

И восторженная Надя поцеловала в щеку озадаченную мать и побежала за веником.

6.

Несмотря на субботний вечер и то, что кончился Успенский пост, в трактире Белова оказалось немного народа.

Хозяин Белов сам угощал самых важных гостей сборной ухой из рыбы, выловленной во Мшаге, с налимьей печенкой; непременно по летней еще погоде холодной ботвиньей⁶⁵, в какой бесхитростно использовал те же дары Мшаги с прибавленными к ним чищеными раками; предлагались также гусь с подсохшей уже с утра жареной корочкой и жирной капустой, судачок в сметане, гречневая каша и рубленые котлеты со шавелем. Ко всему этому приложены были пироги, кислые щи⁶⁶, чай в самоваре и более серьезные напитки.

Среди солидных гостей Белова были сегодня учитель Калядин и страховой агент Голоктионов, севшие у окна.

— Чего изволите, Алексан Петрович?

— Давай на двоих ушицы да котлеток. Да чайку.

— Не мало? Кушаете как ипонцы... хи-хи...

— А что ж, и японцы уже к тебе зааживали?

— Сидят частенько. У их жалованье, сказывают — пятьдесят рублѐв, че ж не зайти. Да вон и щас идут.

Четыре японских офицера зашли в заведение и сели неподалеку.

— И что, можно их вот так пускать? — спросил Голоктионов.

— Офицеров — можно. Нижних чинов нельзя — так это и нашим нижним вход воспрещен, учащимся и малолетним. Мы правила знаем. Нам штрафов не натѐ. А ведут ипонцы себя тихо. И водочки тяпнут, дак не буяняют.

Калядин и Голоктионов посмотрели за окошко, где бездельничал урядник Коля Курносый, лениво замахивавшийся нагайкой на собаку, которая без особой настойчивости пыталась попить из ведра холодной колодезной воды. Ведро было поставлено опытным Колей для принятия на выходе возможных трактирных буянов.

— Я думаю, нет противоречий с законом, — сказал Калядин. — По Гаагской конвенции к военнопленным относятся как к военным собственного государства.

⁶⁴ Колкушник (шимск. диал.) — лопух.

⁶⁵ Ботвинья в XIX веке — холодный, обычно рыбный, суп на квасу с вареными травами (щавелем и др.), ботвой свеклы или других огородных растений, мелко искрошенными огурцами, луком.

⁶⁶ Кислые щи — старинный русский медово-солодовый сильногазированный напиток, хранимый в запечатанных бутылках. В наше время кислыми щами часто ошибочно называют щи из квашеной капусты.

— Но конвоир-то им положен? — посомневался Голоктионов.

— Вообще да, но их так пускают, — пояснил Белов, который любил поболтать с посетителями и служил живой газетой, первым зная все медведские новости. — И в селе гуляют, и даже в окрестностях. Под честное слово. И то сказать — куды бежать-то? У них, извиняйте, такие физиономии приметные, что на первой ближней станции в Уторгоше взад вернут. Да что на станции — чрез Старый Медведь и то не пройдут. Далече их упрятали! Чрез всю громадную Расею с наших мест до Дальнего Востока им нипочем не добраться. Может, чай-то хоть с позолотой?⁶⁷ — заманчиво спросил Белов.

— Не надо. У нас разговор для раздумья.

Предмет, о котором хотели поговорить учитель и Голоктионов, был фантазийный и земной одновременно. Александр Петрович предлагал страховому агенту устроить в селе Медведь театр:

— Село имеет много деревянных домов. Последний крупный пожар был в 1891-м, выгорели целые улицы. Так?

— Так, — соглашался Голоктионов.

— Купцы бояться пожаров. Вы также имеете прямую заинтересованность! Страхование от огня — ваша главная направленность. Так? Наконец, выстроено у нас в Медведе пожарное депо! Купцы пожертвовали, старый и молодой Гаврилыны дали главные деньги. Внесено было также из тридцати деревень волости. Каждому крестьянину Медведа вменено было принести определенное число камней, глины и песку. Народ доказал, что пожарное депо ему нужно! И вот — здание депо готово! В добровольную пожарную дружину записалось уже шестьдесят человек. Но откуда брать денежную поддержку дружины?! Я предлагаю устроить это так, — продолжал Калядин. — Создадим в Медведе театр!

Крутившийся рядом трактирщик хихикнул, Голоктионов поднял бровь, несколько человек за соседними столами повернули головы.

— Что у нас за забавы, в самом деле?! — продолжил с сердцем Калядин. — Шарманщики на улицах?! Ряженые разбойники и черт на Святках (Белов перекрестился) в трактирах?! Иногда клоуны и акробаты проездом в манеже в Аракчеевских, когда стояли там наши части, редко там же — театральные артисты из Новгорода. Людям скучно! Особенно молодым! Что, к примеру, на Подгорной устроили вчера, вы видали? — обратился учитель к Голоктионову.

— А, энто что парни-то созоровали? Стащили ночью фигуры с карусели на площади! — вернулся Белов.

— Неужто? — засмеялся страховой агент.

— Да, рано утром народ идет, а вдоль Подгорной стоят деревянные львы да лошади... Старуха Трампаитовна совсем ослепше, да в потьмах⁶⁸ еще, дак льву морду закрестила и орет: «Сгинь, сгинь, нечиста!»

— Я предлагаю создать в Медведе свой театр, — продолжал Калядин. — И театр народный! С тем чтобы играть в нем могла и самая простая крестьянка! Это привлечет народ. Придут деньги. И выручку от каждого спектакля мы направим на жалованье пожарной дружине. Сам театр разместим тоже в здании пожарного депо. Оно кирпичное, двухэтажное, красивое. Театру есть место на втором этаже. Что скажете?

— Что скажешь, Белов? — обратился Голоктионов к трактирщику. — Нужен тебе театр?

⁶⁷ Чай с позолотой — чай, в который подлит ром. Выражение, принятое в XIX веке у российского купечества.

⁶⁸ Потьма (ж. р., устар.) — темнота, сумерки, мн. ч. — потьмы. В современном русском языке употребляется как наречие и пишется, соответственно, слитно — «впотьмах».

— А буфет в нем будет? — спросил трактирщик.

— Предлагаю первой пьесой поставить «Бедность не порок» Островского, — продолжал увлеченный Калядин. — Может быть, это не лучшая пьеса Алексан Николаича, но безусловно одна из самых народных! Все в ней будет понятно, весело и жалко человеку из народа: песни старинные, веселые да тоскливые, святочные ряженные, танцы, ажно ярмарочный медведь ученый, а уж само название — бедность-то не порок — так прямо в душу каждому крестьянину!

— А я всегда говорил, что бедность — не порок, — поддержал Белов. — Вот в Москве крестьянин «Яр» купил!

История с «Яром» была любимая у Белова, и всем, кто его слушал, трактирщик ее неустанно рассказывал. Калядин и Голоктионов выслушали сейчас в десятый, наверное, раз, как некто Судаков, крестьянин Ярославской губернии, стал официантом в трактире, потом открыл собственный трактир, продал его, купил новый побольше и так (в мечтательное беловское «так» входило более двадцати лет) купил знаменитый, роскошный и богемный московский ресторан «Яр».

— А что тебе нужно, Белов, чтоб ты стал как Судаков? — спросил не без ехидцы Голоктионов.

— Музыкальная машина. Чтоб двадцать четыре музыки, и «Боже, царя храни», и «Возле речки, возле мосту», и «Кадриль»... Да вустрицев бы нам да трухелей...

— А что ж такое устрицы, ты знаешь? — улыбнулся Голоктионов.

— Как не знать, — обиделся Белов. — Дед мой, царствие ему небесное, в денщиках служил у однова офицера. Попали они с офицером-то в осемьсот двенадцатом году⁶⁹ в плен к хранцузам. Офицеру в плену назначили жалованье двадцать пять рублѐв в месяц. Делать-то в энтой Хранции нечего, так он разлакомился — то винцо ихнее попробует, то вустрицев, другой раз — трухелей. Глядишь, и деду достанется. После войны дед у офицера своего поваром стал. Вот ходит раз дед в подмосковном имении в дубовой роще — глядит, кабаны роют, подошел — ан: те самые трухеля! Много их там оказалось. Потом цельная деревня кормилась тем, что в Москву трухеля поставляли. А дед так и подавал своему офицеру трухеля до старости лет. И мне способ-то передал. Да только не растут у нас трухеля. Под Москвой, пожалуйста, растут, а у нас не хотят. Я вот и думаю: можа, Судаков-то на трухелях свое богатство сделал, а? Так что же — так и не будете ничего? — спросил погрустневший Белов. — Вот и онџи только чай гоняют, — он кивнул на приказчика Гаврилиных Кайдакова с каким-то приятелем, притулившихся в уголке, — и онџи, — он понизил голос и пальцем указал на японцев, — щи кислые спросили.

Вдруг в воздухе раздался громкий звук пальбы. Все, кто был в трактире, вскочили. Только когда прибежавший смущенный половой⁷⁰ доложил обществу, что выпалили пробки от газу, вырвавшегося из двух бутылок с добротн сделанными Беловым кислыми щами, вскочившие осознали, что они стоят двумя неравными группами: русские и японцы с лицами, обращенными друг к другу и невольно сжатыми кулаками.

7.

Третьей, кроме Калядина и Голоктионова, в группу по созданию театра включилась учительница Надя Карпова. В один из вечеров Надежда Васильевна пришла к Катерине Курочкиной.

⁶⁹ Отечественная война 1812 года — война между Российской империей и наполеоновской Францией на территории России в 1812 году.

⁷⁰ Половой — в России XIX — начала XX века трактирный слуга.

Катерина жила в одном из последних домов по Подгорной. На тесе, которым некогда при хорошем житье обшили бревенчатый сруб, редкие лохмотья краски указывали на то, что она бывала голубою; в доме не было ни одного нетреснутого окна; на щелястом крыльце средняя доска проломилась. Ворота валились на улицу, с двух сторон подстрекаемые забором, формой подражавшим речной волне и для вящей убедительности украсившим себя понизу зеленым и влажным, словно водоросли, мхом. Эти крыльцо и ворота не раз попадали в отчеты Коли Курносого: их неумоимо украшал дегтем правдолюбец Тришка, хотя грех свой Катерина совершила уже лет девять назад. Самые деликатные медведские языки называли ее *ребятницей*: Катерина, в шестнадцать лет оставшись без отца с матерью, родила без мужа.

Молву Катерина сносила с поднятой головою, глядела прямо в глаза людям. Работала она на льнозаводе Гаврилина и Самойлова, дочка, восьмилетняя Аришка, дичок, обычно сидела дома. Вот и сейчас, несмотря на теплый, как летняя река на мелководье у берега, вечер, Аришки не было видно ни на улице с ребяташками, ни даже в огороде. Катерина разогнулась от грядки навстречу неожиданной гостье, поздоровалась первой:

— Здорова будь, Надюх. Аль тебе теперь надо Надеждой Васильной величать, раз учитница?

— Здравствуй, Катерина. Нет, конечно, мы ведь с тобой в детстве дружили. Как живешь, Катя?

— Живу сама, чужое не заживаю.

Всегда, когда Катерина говорила с людьми, им чудился в ее речах вызов. И глаза у нее казались с вызовом, бедовые. Они имели одну особенность, какую Надя, видевшая большое число людей, не встречала ни у кого и не встретила потом за всю свою жизнь. В темных глазах вообще заметнее, чем в светлых, видится падающий на них свет и дает иногда даже совершенно белый блик. Но в глазах Катерины, темно-карих, окруженных густыми черными ресницами, величина и сила отраженного света были таковы, что обращали на себя внимание даже за несколько шагов. Так, бывает, высокое, статное дерево на закате погружается в тень все, кроме самых верхних ветвей, еще озаренных уходящим солнцем, и горит в темени остальных листьев белым светом пара свежих ярких листков. Между тем впечатление от взгляда Катерины было ложным. Блеск глаз ее каждым встречным принимался за расположение к нему, за улыбку, но Катерина не была добра к людям. Многие в Медведе знали ее язвительный язычок; впрочем, первой она скандал никогда не начинала.

— Катерина, я к тебе с разговором. Где Ариша твоя?

— Да на задворках небось. Че с ей, не знаю — издыпевше⁷¹ на че-та и молчит. А то и грибище⁷² потихоньку. Гмырата⁷³ уродивше.

— А я ведь о ней как раз поговорить хотела. Ей бы осенью в школу! Умна очень она у тебя. Ей учиться нужно! Я ведь с ней говорила — встретила на улице.

— Гораз много буде вниманья ей. Другие-та ребята в догонялы, выбивалы, в лапту⁷⁴ — и девки с ими, кто бойчей. А она сядет в сторонке и глядит. Никто не берет ее, а то и обзывают. Но она, правду сказать, не жалище⁷⁵. А што, Надюх, каку-то нову забаву апонцы придумавше? Играли, гряд, третьёводни⁷⁶ на платце⁷⁷-то, суседские ре-

⁷¹ Издыпеть (шимск. диал.) — рассердиться.

⁷² Грибиться (шимск. диал.) — плакать.

⁷³ Гмыратый (шимск. диал.) — привередливый, недовольный, замкнутый.

⁷⁴ Игры для детей и молодежи.

⁷⁵ Жалиться (шимск. диал.) — жаловаться, ябедничать.

⁷⁶ Третьёводни (шимск. диал.) — позавчера.

⁷⁷ Имеется в виду плац — площадь на открытом воздухе для военных смотров, строевых занятий, парадов.

бятишки бегали к им. Че за игра, Надюх? У тя ж апонец в залётках⁷⁸, — коварно прибавила Катерина.

— Нет, не в залётках. Мы с ним просто разговариваем. Можно сказать, дружим.

— Дружку в убивцах завела?

— А мы — для них убийцы. Кто же виноват, Катя? Разве они по доброй воле на нас пошли? Все это очень непросто. А игра эта, что японцы привезли, называется бейсбол. Название мудрено, а игра сама похожа на нашу лапту. Тоже с битой да мячом. Интересно, что игра вовсе не японская. Хигаки... мой знакомый говорит, что новый император позвал в Японию сотни учителей из западных стран, чтобы учить молодых японцев. Ну, и кто-то из американских учителей показал молодежи бейсбол. Ты слышала про страну Америку?

— Что ж мы, темные совсем? Слыхавше.

— Хигаки рассказал, что однажды команда молодых японцев выиграла в бейсбол у американских моряков⁷⁹. Вся страна приняла это как победу. После того в бейсбол стали играть очень многие в Японии. И их власти это поддерживают. А что про нас — так наши японцы, знаешь, позвали ведь наших-то ребятишек к себе играть. Те стеснялись, а потом пошли. Я сама видела. Медведские-то парни гоняют от себя ребятишек. Только сынки купцов нанимают мальчишек за копейку собирать и ставить рюхи.

Еще, я слышала, англичане наши пленные с японцами играют в другую игру — гольф. Но это уже на пустоши близ Аракчеевских. Сделали лунки в земле и загоняют в них мячик палками. Ариша пришла!

Ариша, заслышав разговор матери и знакомой ей учительницы с добрым и сильным голосом, перебежками передвинулась к ним с заднего двора. Там она минуты назад на корточках молча «кормила» куклу из негодной для хозяйства надтреснутой миски «супом» из грязи, воды из лужи и того, что росло вокруг и было, на ее взгляд, не слишком нужно и походило на настоящую еду. С тем пристальным и вбирающим вниманием к тому, что находится под ногами, какое присуще детям, Ариша разглядела, например, что осоку можно было вообразить луком, другая неизвестная травка походит на петрушку, а у лекарственного, но изобильного подорожника с твердозернистым колосом, сопротивляющимся Аришиным пальчикам, — «капустные», в прожилках, листья. Девочка старательно отводила глаза от таких съедобных на вид зеленых горошин удивительной, без лепестков, лекарственной ромашки и, особенно, красавицы пастушьей сумки с листиками в форме сердечек, нужной матери для заваривания с прошлой осени, когда Катерина насадила низ живота, таская мешки с картошкой в подпол.

Куклу — сделанную самой Аришей из тряпок, без глаз, носа и рта, но в нарядном красном сарафане в белый горох и белом платочке — Ариша теперь прижимала к груди, словно одновременно защищая ее и ею защищаясь. Возглас Надежды Васильевны застал девочку врасплох. Она остановилась на своей вылазке и от стеснения боком пару раз стукнулась об угол избы, как теленок чешется о забор.

— Аришка! Учитница спрашивает: в школу пойдешь? Ну, не гмыраться, беда моя! Поди суда, а то в загорбень щас насую!

Ариша молчала и вовсе остоленела.

— Ариша! А принеси-ка ты мне, пожалуйста, воды попить, — попросила Надя.

— Иди! Корец⁸⁰ в доме висит у ведра, на стень.

⁷⁸ Залётка (шимск. диал.) — любимый молодой человек.

⁷⁹ В 1896 году команда японского колледжа Ичико впервые вызвала на поединок Йокогамский бейсбольный клуб, состоящий из американских моряков, игра окончилась победой японцев. Факт косвенно указывает на американское присутствие в Японии в данный период.

⁸⁰ Корец (шимск. диал.) — ковш.

Девочка убежала.

— Не знаю. Козы у нас ноне нет. Пала коза-то, — раздумчиво сказала Катерина. — Так бы сразу я школе твоей сказала «нет». Аришка-то козу пасла.

— Катя! А я ведь не только за Аришу просить пришла. Приходи к нам в театр! — вдруг просто, без лишних слов, вырвалось у Нади.

— Полы вам, што ль, помыть надо?

— Нет. Я в актрисы тебя зову! Хочу, чтоб ты главную женскую роль сыграла!

— Хе! Совсем ты заучивше, мать моя! Вот правду люди грят, учиться много нельзя — заучишься, тыквина-то треснет. Да и я-то дура, с тобой ищѣ разговариваю... Да меня ж люди засмеют! Совсем со свету сживут!

— А что тебе люди? Ты всегда поверх них глядела! А что если не засмеют? Вдруг на-оборот выйдет?! Вот Аришу твою ребята не принимают. А если ты главную роль сы-граешь — может, дети с Аришей дружить начнут?!

— А че это я про нее думать должна? Про меня кто когда думал? — Катя вскинула го-лову и отвернулась. Помолчала. — Да и, можа, супротив, больше ее дразнить зачнут...

У хитрой Нади заготовлен был другой уговор.

— А что, дом твой, Катерина, скажи, давно крашен был?

— Да не знаю я. При мне, кажись, не красили.

— А знаешь ли ты, что по правилам пожарной безопасности деревянные дома владельцы обязаны красить каждые три-четыре года?! Гляди, снимут с тебя денег за нарушение!

— Ни с кого не сымают, а с меня че ж?

— Так ведь все красят! Ты одна нет, да еще Тришка. А вот если ты у нас в театре сыграешь, я уговорю, чтобы собранные деньги за спектакли частью пошли на по-краску тебе дома! Калядин уже согласен. Театр-то ведь для противопожарного дела создается!

— Ты надумала, чтоб меня в театр? — спросила Катерина.

— Я, — просто сказала Надя.

— Зачем?

— Считаю, что мне Аришу жалко.

Я девчонка-сиротинка,
Нет ни матки, ни отца.
Родила меня безногая
Комлатая⁸¹ овца! —

вдруг пропели тоненькие голоса за Катериниными воротами и засмеялись, в щелях забора показались любопытные личики. Катя шагнула к воротам, дети со смехом раз-бежались. Ариша, подошедшая из дома с ковшиком воды к Наде, опустила голову...

— Ладна, давай попробуем. И че я, дура, делаю? — удивилась самой себе Катерина. — Не выдет у нас ничево. Я и читать-то не умею!

— Я тебе буду читать по книжке. А ты заучишь! — сказала обрадованная Надя.

8.

В воскресенье Захарка и другие мальчишки собрались идти на плац Аракчеевских казарм, где японцы обыкновенно в эти часы играли в бейсбол.

⁸¹ Комлѣтый (шимск. диал.) — комолый, то есть безрогий.

— Не пустят нас, — говорил рассудительный и медлительный девятилетний Прошка. — Однова⁸² тот добрый дядя пустил, а теперь, гляди, еще по шеям надают.

— А мы убедем! — ободрял Захарка. — Только погоди, котенка надо взять...

Перед домом конопатого Сёмки ватага остановилась; Сёмка забежал к себе и вынес что-то в руках в своем перевернутом картузике.

Ребятя помчалась к дому сестер-чулочниц на Подгорной. Перелезли через низенький забор.

Здесь, хихикая и радостно оглядываясь друг на дружку, они вынули, перенимая из ручонки в ручонки, из Сёмкиного картуза не менее взбудораженного бело-черного трехмесячного котенка.

Две сестры-чулочницы, женщины среднего возраста, трудолюбиво жили в одноэтажном деревянном, обитом тесом и крашенном красной краскою домике. Посреди домика стояла чулочновязальная машина; работали сестры каждый день, поставляя товар в Новгород и медведцам в лавки и на заказ.

Захарка как предводитель взял котенка, пробежал к двери чулочниц, тихо отворил ее, прокрался по темным прохладным сеням, отворил вторую дверь и подкинул котенка внутрь.

Все ждали снаружи. В доме раздались возглас, грохот, и озорники с выбежавшим Захаркою сыпанули через заборчик на улицу.

— С черной пяткою!!! — кричали в окне дома чулочниц. — Чулки-та — с черною пяткою, на заказ!!! Ай ты, черт хвостатый! Все нитки спутавше!

Котенка выкинули за двери, и смеющаяся компания приняла его снова в картуз. Побежали на плац к японцам.

* * *

На плацу, однако, в это воскресенье японцы не играли в бейсбол.

— Безбола не будет? — огорченно сказал Сёмка. Котенок тарашил глаза из картузика.

— Слышь, ты! — окликнул Захарка проходившую Шурку Орлову, хотя прекрасно знал, как ее зовут. — А де ипонцы-то, не знашь?

— А мы с ими змеев идем пускать, — кокетливо сказала Шура, споткнулась и помчалась к берегу Мшаги за Аракчеевскими казармами. Мальчишки побежали за ней.

Над Мшагой реял воздушный змей — раскрашенный. (Шурке учительница тетя Надя дала красок.) Змея за веревочку вел японец. Еще один японец сидел на камне: рыбачил с берега, не сводя глаз с самодельной удочки. Следом за мальчишками и Шуркой от дороги подошли несколько девочек и остановились в сторонке; одна слюнявила кончик платка, завязанного под подбородком. Все стеснительно молчали.

— Скажи им: «Конь ничево!» — толкнула Захарку Шурка.

— Какой конь?

— Уж такой. У них так по-ипонски «здрасьте» говорят.

— Буду я ище с ими здороваться! — Захарка, стараясь казаться смелым, подошел к японцу. Тот поклонился и что-то сказал. И протянул мальчишке веревочку змея.

Через полчаса вся компания, и бросивший свою удочку второй японец, и робкие даже девочки, бегала с тремя уже змеями. (Японец, которого Шурка звала дядя Яша, сходил в казармы и принес оттуда газеты, клей и Шурины краски. Шура же дала взятую из дома веревку.)

Бегали с криками, а японцы молчали и улыбались. Потом японцы ушли; перед тем японец дядя Яша вынул из кармана и подарил Шурке куколку.

⁸² Один раз, однажды (устар.).

Шурку окружили. Куколка была крошечная.

— Из лошадиного волосу, — сказал Захарка. — Вон они чего коня-то поминают.

— Можя, они коню молятся? — предположил серьезный Прошка. — Мамка сказывала, у них бога нет.

— Дураки вы, — сказала Шурка. — У всех есть. У них просто свой.

— Конь? — спросил конопатый Сёмка.

Умаявшийся от бега за змеями бело-черный котенок схватил куколку зубами и лег.

— А что, говорят, ты с ипонцами по-ихнему говорить умеешь? — спросил серьезный Прошка Шурку.

— Ну, некоторые слова говорю. А понимаю еще больше. Мне легко как-то! — похвасталась Шурка. — Вот он показывает мне на че-нибудь и говорит, а я потом помню.

— И как будет «кот» у ипошек? — спросил Прошка.

— Нэко.

— Слышь ты, нека! — защекотил Сёмка котенка.

Еще минут десять мальчишки торкали пальцами вокруг в разные предметы, а Шурка припоминала японские слова. Девочки дивились и закрывали, хихикая, рты концами платочков.

— Слышь, как тебя, Шурка, што ль, — небрежно сказал Захарка. — Ты не запоминай, голову засоришь, свои слова забудешь.

— А у меня две головы. Одна для нашенского языка, другая — для ипонского. Не засорю, — гордо сказала Шурка.

* * *

Потом девочка корила себя, что не пошла гулять с мальчишками дальше. Быть может, ее благоразумие отвело бы несчастье. Захарка небрежно позвал, но Шурке надо было домой, нянчиться с сестрой. А пострелят в поисках чего бы созоровать занесло к яблоневоу саду эстляндца Евдохина.

— Ребя, быстро! — скомандовал Захарка. Так близко свисали над ними ветки с тяжелыми яблоками! Ветви пониже Евдохин уже обобрал все. Приходилось, чтобы достать яблок, влезть на забор.

Они и влезли все разом — человек десять-пятнадцать. Опершись подмышками на колья забора, один серьезный Прошка не воровал — уговаривал: «Ребя, айда домой! Чё-й, у вас дома яблок нет?»

Груза легоньких ребячьих тел хватило, чтобы — когда они в одну злополучную секунду дружно навалились на ветхий заборишко Евдохина — повалить гнилые доски. Забор упал, и все кубарем покатались вперед, в сад к эстляндцу. Все, кроме Прошки. Его ноги повисли в воздухе, а в подмышки впились, пробив мясо, два острых заборных кола.

9.

Из-за опасности увечья в виде исключения Прошку временно поместили не в медведской больнице, где не было хирурга, а в лазарете при Аракчеевских казармах, в котором лечились раненные.

Прошка открыл глаза, ощутил боль под мышками, увидел, нагнув голову, свои бинты и потом напротив себя — койку с человеком.

Человек был смугло-желтый, с черными волосами и узкоглазый.

Пока бегали у Мшаги за змеями и раньше, в игре в «безбол», Прошка не разглядывал близко лица японцев. Теперь это чужое лицо было прямо перед ним. Прошка,

как всякий мальчишка, нечасто смотрел в зеркала, к тому же в небогатом доме его родителей настенного зеркала не было, иначе бы он знал, что его собственная физиономия — загорелая за лето, с дополнительной темнотой от изрядной добавки грязи — имела почти тот же цвет, что лицо разглядываемого им японца.

«Интересно, есть у него хвост, как дядя Тришка врет? — подумал Прошка. — Надо дождаться, покуда он повернется».

Японец, однако, не поворачивался. Когда через несколько часов пришел доктор и повернул его к Прошке спиной, приоткрылась простыня, и хвоста под ней не оказалось, зато Прошка увидел, что у японца нет одной ноги.

Прошке стало жутко, и он забыл на время про хвост.

* * *

На следующий день снова приходил доктор.

— Дядь! А дядь! Это ты ему ногу отрезал? — спросил, не удержавшись, Прошка про японца.

— Я.

— За что?

— Спасал. Рана была сильная, гной вверх понесло. Не отрезал — помер бы. Ты о себе лучше думай, герой.

* * *

Мальчишка, как ручеек, просочится везде. Еще в дни, когда стояли в Аракчеевских русские части и в манеже давали концерты приезжие артисты, ребяшня, которую сюда не пускали, прошныривала и смотрела представления. Расположение Аракчеевских прекрасно знал Захарка. И он не был бы «ватаманом», как звали его мальчишки, если б не пришел тайком навестить друга.

Японец молча смотрел на Захарку. Вообще все эти дни оба молчали, японец и Прошка. У Прошки даже голос слегка охрип от молчания:

— Как дома у меня? Mamka небось ревет?

— Голосит, слышно. Да не из-за тебя... — Захарка спохватился.

— Из-за кого ж еще?

— Ты, это... Сам тока не реви. Батя у тебя... Убили его... Ипошки на войне.

Прошка был человек вдумчивый, медленный. Не сразу он сделал то, что сделал. Уже ушел Захарка.

— Ты!!! Ты, гад!!! Ты батю мово убил!!! — тяжело надышавшись, заорал Прошка и попытался соскочить с койки, чтоб ударить японца.

Но раненые руки не дали — а он и забыл про них. Он извивался, как червяк, на простыне и хотел одно — бить, бить, бить!

Не в силах встать, он орал что-то страшное в лицо напротив, неподвижное и бесчувственное. В рот Прошке текли слюны и слезы.

А неподвижное лицо вдруг зашевелилось. Что-то заговорили узкие губы, зажмурились глаза. И Прошка увидел — две слезы, стекавшие по двум изогнутым глубоким морщинам над губами японца, в том месте, где у Прошкиного отца росли усы.

Безногий и бессильнорукий лежали на расстоянии пары шагов друг от друга и бились, пытаясь встать.

В конце концов Прошка, одолевая боль, боком свалился с койки.

Ноги у него были сильные. Он без рук встал на колени, потом на ноги. Подскочил к койке японца. Ему удалось бы ударить. Он замахнул ногой. Если бы японец защищался — выставил вперед ладони хотя бы, — он пнул бы его. Но тот лежал неподвижно.

Прошка повернулся и выскочил из палаты. Он не помнил, как отворил дверь — кажется, зубами ухватил ручку и со злости укусил ее, но боль в деснах ощутил только на улице.

С забинтованными подмышками он пробежал по двору казарм и улице — никто не остановил его от оторопи, — добежал до близкого берега Мшаги за казармами и, разогнавшись, солдатиком прыгнул с обрыва в воду.

10.

— Не ходите за мной и не ходите! — рассерженно говорила учительница Надя Карпова следовавшему за ней Хигаки. — Вы должны были прыгнуть за ним!

— Я не знал, что это нужно.

— Какой... бессердечный ответ! Как это не знали?! Ребенок прыгает в воду, с бинтами, кричит на бегу — видно же, что он не в себе! А вы стояли на берегу и шага не сделали. Хороши же вы! Я в вас разочаровалась! Счастье, что Митя Поликалов там был! И не входите сюда теперь. Просто не имеете права! А я — я не желаю больше видеть вас!

И Надя перед носом у японца рывком захлопнула дверь Прошкиной избы. Хигаки постоял немного и ушел.

Прошка лежал в доме на кровати в закуте за занавескою. Учительница подошла к нему, легонько ступая.

— Проша! Не спишь? Я вот тебе от мамы своей пирогов принесла.

Мальчик не отвечал.

Прошкина мать, только пришедшая из церкви, еще молодая по годам, но высохшая, как старуха, в узкой «парочке» из хлопчатобумажной ткани — темной юбке с кофтой, сняла с головы черный платок, думая о чем-то, завела за уши выющиеся черные пряди с седыми волосками, так что стали видны проколы на месте сережек, снятых теперь по правилам *жалеи* — траура, и отвела гостью в горницу.

— Что ж, Надежда Васильна, ты уж не тревожь ево. Натерпевше малец.

— А я только вот...

— Спасибоочки, свою у нас хватат. Возьму, штоб не обидеть тебя. А боле не носи, не надо.

— Я сочувствую вам в вашем горе.

— Отвыла уж. Мне детей надо растить. Трое их. Думала, Прошка в помочах будет, столаром. А ён вон... не знаю, будут ли руки. И скоро ль.

— Милитина Михайловна! Я организую помощь, соберем вам деньги!

— Организует она. А можешь ты организовать, штоб война энта треклятая кончилась?! А мужа нового ты мне организуешь? Ладна, прости. Не в себе я.

— Что доктор говорит?

— Грит, энтот... пронцесс заживат вроде как надо. Энтот под мышками-то у ево пронцесс, значит. Потому дома можно лежать. Митяю Поликалову поклон мой низкий передай! Дурака мово спасше. Дай бог ему жену хорошу. Хороший человек! А ты чево кочевряжишься, замуж за Митяю нейдешь? Зовет, я чаю, какой уж год? В суседях живете, дитями-то, как Маша с Тешей⁸³, бегали, не разлей вода. Ён за тебя — городской стеной! Харахтер тихой, мухам не ворог⁸⁴, работяшый, с таким жить да жить. А то гляди, так в девках и останиссе! Не за черта же желтолицево подешь, а?

⁸³ Как Маша с Тешей (шимск. диал.) — дружно.

⁸⁴ Мухам не враг, то есть тихий, безобидный человек (шимск. фразеол.).

— Вы... Милитина Михайловна... Мы сами будем решать, хорошо?

Тут в избу заглянула Шурка Орлова — и тоже с тряпицей, из которой девочка торжественно вынула белый хлеб.

— Тетя Миля, это — Проше!

— Это отколь у тебе? Разбогатевше? У нас булка — тока в праздник!

— А ипонец дядя Яша принес! Ипонцы черна-то хлеба не едят, дак им белый пекут! Видали — на конце села — новая мукомольня — это для них построили! А они белый хлеб нам дают. Уж два разá дали — мне, Нюше, Танюшке и Лидычке. Вкусна-а!!!

— Мама, не бери, — слышался глухой голос Прошки.

— И сама не возьму. Забери бусурманов подарок. Мало оны нам нагадивше!

И третий неожиданный посетитель постучал из сеней. Самый удивительный — эстляндец Евдохин. Старик принес Прошке... завернутых в большой бумажный кулек самых крупных и лучших яблок — уже налитой белым янтарем папировки, через которую, если поднести к окну, кажется, просвечивает солнце.

— Не думавше я, что ты когда-нить задарма кому что дашь, — сказала Евдохину Прошкина мать. — Благодарствуем.

Евдохин и сам недоуменно посмотрел на кулек и, не попрощавшись, вышел.

«А ведь одинокий старик на самом деле жить не может без этих мальчишек. Без гама и беготни в соседнем школьном дворе. Без того, чтобы кто-нибудь залезал к нему в сад за яблоками, и он... с кем-то говорил и был бы, хоть так, кому-то нужен...» — подумала Надя. И с пришедшей досадою поняла, что ни с кем не может поделиться этой мыслью так, чтобы ее поняли, кроме Хигаки...

11.

Настала золотая пора для соседа Карповых Митяя Поликалова. Как приехала его давняя зазноба Надя из Петербурга, она двух слов ему не сказала. Прошкина мать говорила правду: в детстве они дружили крепко. Да с той поры, как «Надька стала шибко ученая», как с досадой выражался Митяй, мимо него смотрели ее глаза, а речь стала такой вежливой и сверху вниз, точно он был ученик, а она, лет так на десять его старше, учительница. А были на деле одногодки...

Но с того мига, как Митька, вертевшийся будто невзначай рядом с Надей везде, где мог, сиганул в Мшагу за Прошкой, все переменялось. Надя снова стала с ним часто рядом.

Сейчас в субботу они сидели ввечеру под липой на скамейке бульвара близ Аракчеевских.

После недели прохладных дней стало тепло. Начиналось бабье лето. Мимо ходили парочки, бодали головами воздух несколько подвыпивших мужичков, шли нарядные бабы в белых платках после вечерней службы, бегали озорники мальчишки, проехала на велосипедах группа пленных японцев. Еще пятеро японских офицеров сидели поодаль на скамейках, странно перевернув ладони к лучам солнца.

— Греют руки, — пояснила Надя. — Холодно им у нас. Говорят, японцы петицию писали властям — просились, чтобы перевели их в более теплое место. Отказали... Да и не найдется у нас таких мест.

— В Сибирь их надо было послать! Ходят тут... как свои... — Митя сказал это тем более сердито, что, хоть нос к носу всех японцев разглядывай, не отличил бы среди них соперника Хигаки — все были чернявы, малорослы, почти все с усиками и презрительным, как ему мнилось, взглядом узких глаз. Увидев, как Надя покривила самый краешек губ — он все подмечал, что с нею делалось, — Митька тут же переменял раз-

говор. Но так как у него самого в голове не было решительно никаких новостей или мыслей из тех, которые, как он с хитростью влюбленного мгновенно сообразил, могли бы ее заинтересовать, он спросил Надю:

— Што нового... в мире делается?

Надя на секунду взглядом чужой на него глянула, а потом, видимо делая усилие над собой, сказала:

— Лев Николаич Толстой... писатель... напечатал в Англии в газете статью против русско-японской войны. Тебе... интересно?

— Да я слышавше, ты про то с Калядиным говоривше... Говорила... — поправился Митька.

— Как же ты слышал? Я ведь на школьном крыльце, помню, говорила.

Митя смутился.

— Да мимо шел. Ты Расскажи. Про статью-то.

— А я даже прочту! Статья в России запрещена, но мне в Петербурге дали ее переписать. — Надя, достав из сумочки голубую толстую тетрадь, начала читать вполголоса не слишком охотно, но вскоре приглушенный голос ее стал выразительным:

«... в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других... в чалмах или убиваемы ими...

— Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

— Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, — отвечал философ, — и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видал этого кусочка земли».

Надя с восторгом поглядела на своего слушателя, ожидая от него оценки сказанному.

— Это Толстой написал? — спросил Митька, чтобы что-нибудь сказать.

— Нет, это написал Вольтер. Это иносказание... сказка. Называется «Микромегас».

— А ты говорила, Толстой.

— Это... в своей статье Толстой приводит цитату из Вольтера, — несколько сбита с толку, пояснила Надя.

— А че ж ён другова себе в помочи взял? Не сдюжить одному-то?

— Он... подчеркивает так свою мысль.

— А без помочи-то слабо? Гляди, вон скока Толстой твой страниц исписал. Видать, немало ему денег дали. А с Вольтором-то поделивше?

— Ты по сути слушай дальше! Если хочешь, конечно...

— Хочу, да!

— «Журналисты... доказывают, что и правы, и сильны, и во всех отношениях хороши только русские, а не правы, и слабы, и дурны во всех отношениях все японцы, а также дурны и все те, которые враждебны или могут быть враждебны русским — англичане, американцы, что точно так же по отношению русских доказывается японцами и их сторонниками.

...Толпы так называемых просвещенных людей... выражают самые враждебные... чувства к японцам... к которым они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и без всякой надобности выражают самые подлые, рабские чувства перед царем, к которому они, по меньшей мере, совершенно равнодушны, уверяя его в своей беспредельной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем... народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, верит, и благодарит, и благословляет на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими».

— Ты... — Митька осторожно оглянулся. — Ты гляди, Коля Курносый бы не услышал. Ты дай мне лучше эту тетрадку. Я дома сам прочту. Зря, что ль, ты меня в детях читать-то учила?

— Да, пожалуй. Здесь много страниц. Возьми.

Митя молчал; статья чем-то по-настоящему задела его мысли.

— Ты гришь, в Англии статью-то пропечатали?

— В Англии — да. В России ее запретили!

— А Англия сама че ж? Беленькая? Сами-то оны никогда к чужим странам руки не тянули?

— Нет, не беленькая. Были, например, две англо-бурские войны. Англичане вторглись в Африку. Вторая англо-бурская только недавно кончилась⁸⁵.

— Землицы захотели?

— Землю. Алмазы. Золото.

— И что ж?

— Война закончилась поражением африканцев. Местные земледельцы-буры признали власть британской короны. Может, слышал песню «Трансвааль, Трансвааль, страна моя! Ты вся горишь в огне!»⁸⁶

— Кто ж не слышал? «Под деревом развесистым / Задумчив бур сидел...» Шарманщики как придут — завсегда играют. Я не знал только, что это про английскую войну. А есть ли такая страна, чтоб на чужие страны не зарилась?

— Не знаю. Наверное, нет. Все старейшие европейские страны точно себя замарали.

— Так че ж оны Толстова-то подносят? А ён, Толстой? Че ж ён тока про Россию-то пишет? А про други страны — ничёва? Одне мы плохи?

— Ну, он пишет отвлеченно. Русско-японская война для него — только пример. Он призывает в статье, чтобы люди отказывались идти на войну. Что нужно отказываться из любви к людям. Что и христианин, и буддист... это те, кто в Японии... должны любить всех людей и не поднимать на них оружие.

— Толстой прям как Тришка наш, — неожиданно посмеялся Митя.

— Как это?

— А ён по селу бегат с новыми листками. Коля Курносый не поймал его ищо. — И Митька в свою очередь передал Наде из руки в руку, на секунду задержав ее пальчики, листок. Надя, оглянувшись по сторонам, бегло прочитала про себя:

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В борьбе обрешь ты право свое

К ОПОЛЧЕНИЮ

Волна горя вот уже 8 мес. катится по России. Докатилась она и до нас... Неужели еще мало? Неужели кроважадной царской своре мало сотен тысяч убитых ради ее хищнических планов...

...Обмануть народ. Отвести ему глаза от настоящего врага, залить кровью всю землю русскую... Вся страна голодай от безработицы и неурожаев, умирай от цинги и брюшного тифа, мне — царю, это все нипочем. Только постарайся русское воинство, потешить мне царское сердце. Если моим дорогим родственникам, великим князьям приглянулись корейские леса, а Саве Морозову и другим купцам нужны маньчжурские рынки, чтобы сбывать туда гнилые товары, стану ли я, Божьей милостью, Николай II жалеть народ, это пушечное мясо...

⁸⁵ Вторая англо-бурская война (1899–1902) завершилась подписанием 31 мая 1902 года договора, по которому местные земледельцы-буры признавали власть британской короны.

⁸⁶ «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» — популярная русская народная песня, созданная на основе стихотворения поэтессы Галины Галиной, опубликованного осенью 1899 года.

И сидит полоумный царь со своими бессовестными советниками и пишет приказы: «мобилизовать Смоленск, Москву, Петербург, Одессу, Двинск, Екатеринослав, всю Сибирь и проч.». А солдаты ради потехи и наживы богатеев бросай свою землю, свой дом, жену и детей и иди на убой.

Одумайтесь, русские люди! Довольно же быть стадом баранов. Пора крикнуть в один голос: «долой войну! Не нужна нам она; не нужны нам корейские земли, у нас и своей земли много, да не у тех она, кто над ней трудится».

...Уж если умирать, то лучше тут, на родине, за правое народное дело, за то, чтоб землей, фабриками и заводами владели те, кто на них пот проливает, а не дармоеды — помещики, фабриканты да купцы, как теперь.

И так, товарищи! Отказывайтесь идти на войну. Ведь не японцы наши враги, а царское правительство, которое в своих интересах не жалеет проливать народную кровь. Долой же войну! Становитесь в ряды социалистов и революционеров лишь в борьбе вместе с ними обретете вы право свое, право всех трудящихся пользоваться продуктами своего труда.

Долой войну! Долой самодержавие!
Да здравствует народная воля!
Да здравствует социализм!⁸⁷

— Ну что, похож Толстой на Тришку? — спросил Митя.

— Нельзя так ставить вопрос. Толстой вообще против насилия!

— А мы, русские люди, вольные. Всяк свою думу имеет и всяк ее говорить может. Отчего б и мне не сказать? Можя, конечно, Толстой и сам думат, что ён против насилия. Да выходит-то — что за.

— Почему же?

— А гляди. Статью-то его где пропечатали?

— В Англии, в газете «Таймс».

— А Англия — за кого — за японцев? Вот и понимай. А второе — у Толстова ведь и други листки ходют. Чтобы крестьяне шли против помещиков.

— Не совсем так. Он против частной собственности. И считает, что земля принадлежит всем.

— А вон Тришка наш возьмет такой листок, а потом подёт и землю ту у помещика отымет. Ищо и убьет его. А за Тришкой и други мужики подурней подвоятся. Так хорошо Толстой делат или плохо?

— Но землю же можно разделить поровну!

— Никогда ничего нигде не бывает поровну. Даже листов на дереве. Оны гуще там, где солнце его греет. А с другой стороны, где солнца мало, листов меньше да мох.

Помолчали.

— А ты сам, Митя, пошел бы на войну?

— Ну, на энту-то, с японцем, пожалуй бы, не пошел. За что мне воевать? А вот ежели на Россию кто прямо пойдет? Буду я твоего Толстова слушать! Коли враг придет вот сюда, в село? В твой дом? Враг будет тебя сильничать, а я — глаза в потолок — мол, я — христианин? На икону буду креститься, а ён — деток моих убивать? Я чаю, у Толстова ни женки, ни детишек нет?

— Есть.

— Значит, не так ён семью понимает. И женка и дети не значут ничёва для него.

— А ты как понимаешь?

— А я понимаю так: умри, но не за царя и не за Порт-Артур, а вот за село мое, за мою улицу, за дом, где ты живешь. За тебя...

⁸⁷ Типография Северо-Западного областного комитета партии социалистов-революционеров. Печ. 1000 экз. ИШН. Архив ПСР, ед. хр. 386. Типографское издание. Подлинник.

— Это эгоизм... — раскраснелась от его прямого признания Надя. — Если человек... любит — это эгоизм. Он делает добро другому человеку, чтобы тот любил его самого. Где же здесь христианство, бескорыстная любовь к ближнему?

— А ты тут ни при чем! — зло даже сказал Митька. — Будь не ты, а друга баба. Самая что нелюбимая. А — жена. И детишки. Их я должен защищать, и всё тут! И костями лягу. Так какой тут игаизм, гришь? Ежели я сдохну, а их никому не дам — какая мне с энтова корысть?

— А как же другие ближние? Их не надо любить?

— А ежели я за свою семью — я и сам ни на кого не пойду. Чтоб они на моих в ответ не напали. И в голове-то своей буду держать — что у моёва врага тоже семья есть. И я оттого ему плохо не сделаю. Вот те и ответ — как сделать, чтоб на земле войны не было. Ежели каждый человек будет в ответе только за одно — за свою женку и детей, — он ни на кого никогда не пойдет. Так и войны не будет. И люди все лучше станут.

— Философ ты, Митя. Создал, смотри-ка — свою философию. А я думала...

— Ты думала, я темный. Японец-то интересней, с образованием.

— Побил ты нас с графом Толстым, — Надя шуткой постаралась закончить разговор. Собственные мысли, которые полчаса назад ей казались ясны и непоколебимы, вдруг стали мелкими, как будто она посмотрела на них с высоты чуть не выше толстовской. Действительно — будь в ответе за микромир, который в твоей силе создать. Будь за него в ответе — воспитывай детей своих, и супруга своего или супругу, и себя, не делай ни внутри дома, ни на миру того, за что стыдно тебе будет перед домашними — ты — и тот — и другой — и все люди на свете — и не будет войн и иного зла. Философия человека из народа против философии Толстого. И эта, народная, интуитивная — ближе, сердечнее. Реальна ли она? Не нереальнее, по крайней мере, чем мысли великого графа. Орлу, высоко летящему, дано больше силы — да лебедь бьет и орла за лебедиху с лебедемком. Вот так Митя! Вот так «мухам не ворог»!..

Отдавая в таких мыслях Мите голубую тетрадку, Надя забыла, что месяц назад с другой ее стороны завела личный дневник. Возможно, она вспомнила бы об этом, но произошло курьезное событие, которое отвлекло ее.

Они вставали со скамейки, когда неуверенной походкой к ним направился какой-то японец. Было видно, он считал крайне неудобным подходить к паре, но ему не к кому было больше обратиться: народ в эти минуты разошелся, и рядом не случилось никого, кроме Нади с Митей. Японец остановился за несколько шагов, улыбнулся, поклонился сначала Мите, потом Наде и сказал безэмоционально, заглянув для сверки в книжечку, очевидно японско-русский словарь, обращаясь исключительно к Мите:

— Бути любизни. Часы-доктор! — и снова поклонился и посмотрел на Митю вопросительно.

— Чё-й ему надо? — Митя полуотвернулся к Наде.

Надя подошла к японцу (что повергло последнего в очевидное замешательство и даже потрясение) и задала какой-то вопрос на японском.

«Быстро выучилась», — с несоответствующей досадою подумал Митька.

Надя указала японцу на одно из зданий за бульваром и, когда тот, кланяясь, пошел, со смехом пояснила Мите:

— Он искал часового мастера!

12.

Рассуждения Мити сбылись. Случилось неслыханное. Среди бела дня, открыто войдя в контору купца Гаврилина, бедняк Тришка напал на миллионера Козьму Михалыча.

Старый Гаврилин отослал за чем-то приказчика на улицу, и в торговой лавке, откуда дверь была растворена в смежную с ней контору, никого не было. Заглянувший в лавку Тришка вошел в дверь конторы. Гаврилин, на грех, стоял у стола спиной к карбонарию⁸⁸. Вдруг старик ощутил на плече чужую руку, а на кадыке — холод ножа.

— Молчи, дурак, — сказал не совсем ровно Тришка, и Козьма Михалыч почувствовал, что воздух свободы, равенства и братства был пропитан водкою.

— Садись. И пиши! — Тришка насильно посадил старика за стол, заломил ему назад левую руку, а в правую дал, обмакнув перо в чернильницу, ручку и лист бумаги.

— Чего писать, непутевый?

— Пиши, што ты... даришь мне, Трифону Летунову, по доброй своей воле половину всево.

— Чего «всево»?

— Ну, че у тебя есть. Дом, заводишка, земли. Лес.

— С ума ты сошел?

— Пиши, а то всё отыму! Исплутатор! Пьешь нашу кровь!!! А то... Можя, лучше убить тебе? — вдруг тихо, что было страшнее крика, сказал мужик. — Как в других-та волостях делают? А дом — спалить...

— Это кто — я эксплуататор? Это у ты я кровь пью? Или, можя, это ты у меня в прошлом годе дорогую пилу на лесозаготовках поломал и не выплатил? Из-за че я тебя и выгнал! Я — эксплуататор?! Ишь ты!!!

Старик, рассердившись, двинулся резко назад и вбок вместе со стулом, и рука промедлившего пьяного с ножом повисла в воздухе. У опешившего Тришки Гаврилин заломил руку и отнял нож.

Глянув на открытую дверь конторы, Гаврилин с удивлением обнаружил, что в помещении лавки собралась кучка людей. Удивительным для него оказалось то, что они молчали и не вступились за него.

— Дурак ты, дурак, — сказал Козьма Михалыч громко, для людей в лавке. — Даже не понимаешь, что бумага такая недействительна. И вы думаете, что я — эксплуататор? — крикнул он людям за порогом.

Люди чуть попятнулись, и кто-то на всякий случай соврал:

— А че? Мы ничёва не выдавшие! Че случивше-та?

— Я — не эксплуататор! Я такой же, как вы, мужик. Не верите?

Люди молчали. Гаврилин подошел к ним ближе.

— Отколь взялось богатство мое — знаете?

— Не знаем, — мрачно кто-то сказал за спинами.

— А я расскажу! Сорок лет назад я был бедняк. Голь перекатная. Подженился, может, думаете, на богатой? Ан нет, моя Марья Евграфовна — сирота была. Одно богатство у ней было — родителей честное имя. Она с семьи староверов. И вот пошла она для меня денег просить займы к богатым таким же староверам. И те под ее честное слово дали. С отдачей под большой процент.

На те первые деньги я купил у помещиков, что вошли в большие долги перед государством, землю с лесом.

Начал рубить и сплавлять строительный лес по Мшаге к Ильменю, потом по Волхову⁸⁹, до Петербурга. Помалу отдал проценты. Снова в лес вложил.

За годы накопил деньжат. Льном занялся. Понял, что лен в наших краях растет, много его родится, и хорошего. Сын мой, Максимка, знаете, взял мое и с Самойловым сде-

⁸⁸ Карбонарии (итал. carbonaio — «угольщик») — члены тайного общества в Италии в 1807–1832 годах. В России — синоним слова «революционер». Здесь ирон.

⁸⁹ Мшага — река близ села Медведь, Ильмень — озеро, Волхов — река в Новгородской области.

лали льнозавод. Много ваших женок на льнозаводе работает? Много, я спрашиваю? Твоя работает?

— Работат женка моя. Да у суседа женка, — ответил, смущенно кашлянув, сельчанин, в которого Гаврилин ткнул пальцем.

— То-то! И што я взял у тебя — у тебя — у тебя? — по очереди спрашивал, указывая на каждого, старик. — Ни полушки⁹⁰ не взял! Только дал!!! Вон храм стоит, — Гаврилин указал на пятикупольную церковь Святой Троицы в окне, — все знают, что это я на его денег дал! А Марья Евграфовна моя, хоть старой веры и в церковь ту ни ногой, мне слова супротив не сказала. Поддержала меня. Убьет он меня!!! — расходился старик, кивая дрожащей от негодования головою на сидевшего со злобным лицом на конторском стуле Тришку. — Да не боюсь я тебя, тьфу, погань! Умру — от меня много чего останется!!! Храм останется! Завод льняной, где полсела работает, деньги в семье несут! Дом мой для внуков! Пожарна часть да театр вон, на что мы с Максимкой денег дали! Школа, на какую я жертвую. Все — мое!!! Потому что все это я своими руками сделал. И вам подарил. А вы — меня эксплуататаром кличете?

Люди, переглядываясь, невнятно заговорили, лица светлели; бежал с улицы Максим Козьмич с приказчиком; уводили Тришку. Старик увидел лицо сына и слабо поднял руку, желая, возможно, перекрестить его или коснуться, но не смог. Сердце оказалось слабее силы жизни, бушевавшей в нем. Закатный луч, вспыхнувший в окне на куполе церкви напротив, был последним, что он увидел. Может быть, для Козьмы Михайловича это был не худший конец...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НЕ ЗАБУДЬТЕ МЕНЯ

...Не забывать — это право забытых,
Как сниться живым — это право убитых.

Е. Евтушенко

1.

Раскрыв Надину голубую тетрадь со статьей Толстого, Митя прочел полстраницы, пролистнул и обнаружил, что с конца тетрадки тоже есть записи, только вверх ногами. Когда он понял, что это дневник и что Надя пишет о японце, Митя забрался от всех домашних в сенник над сараем и, не задумавшись ни секунды, плохо ли то, что он делает, начал читать внимательно уже каждое слово:

9 августа 1904 г.

НЕДООЩУЩЕНИЕ

Сегодня осыпались семена с березы. Мы с Х. сидели в нашем дворе на скамье под березою и услышали в тишине тишайшее шуршание. Это падали семена.

Десятки рыжевато-соломенных малых кружков слетали кучкой или поодиночке, задевая ветви березы, на землю. В одном месте среди веток паук свил паутину, и, невидимую ранее, ее вдруг обрисовали опавшие семена.

Мама разбирала какие-то мелочи в сарае. Мы с Хигаки по ее просьбе вынесли во двор покрытый пылью сундук, потом снова сели на скамейку.

Бело-черный соседский котенок нежился у меня на руках. Х. спросил: «В России есть праздник любования березой?» (Здесь и далее я буду ближе к нашему языку пе-

⁹⁰ Полúшка (устар.) — 1/4 копейки.

рассказывать его фразы, а также отсекал его неизменную прибавку «госпожа Надя», от которой он по моей просьбе старается, но не имеет силы избавиться.)

Мама, услышав издали вопрос о березе, засмеялась. И впрямь поразительно! Оказывается, в Японии у всего народа в обычае, например, праздник любования первым снегом. Традиция и специально устроенные места любования луной. Всеобщий праздник цветения сакуры (это род вишни с розовыми цветами). «Нет, для нас природа... вровень с нами! — отвечала я. — Мы ее особенно не отмечаем. Или не признаемся в этом. Она — родная, часть нашей жизни, служит нам либо мешает». — «В Японии другое: люди — часть жизни природы», — сказал Х.

Я заметила: когда семечко березы падает на руку, кожа не чувствует это прикосновение до конца. Не хватает веса, силы падающего семечка. Это можно назвать — недоощущением.

Я вспомнила схожее впечатление. Когда котенок, что у меня на руках, был еще крохотный, я легко обхватывала его рукой и не чувствовала, никак не могла почувствовать его тельце — словно не было у него ни косточек, ни мускулов. И шерстка его была настолько нежна, что моя ладонь чувствовала недоощущение этих тончайших ворсинок.

Я рассказала об этом Х. Он сказал: «Разрешите мне, госпожа Надя...» — и, спрашивая еще раз глазами, ладонью сверху слегка коснулся моей руки, но не донес до конца. «Это — недо-ощу-щение?» — спросил он. «Да, — прошептала я. — Вы верно поняли...»

(— Ку-ка-рекуу! — перед Митькой в проеме сарайного окна возник петух, задергал гребнем, замахал крыльями и свалился обратно за окно.

— Тьфу, нечиста!)

А семена березы все сыпались с легким шуршанием. Я подняла голову и увидела (удивительно, ранее мне никогда не приходила мысль наблюдать за такими вещами!), что каждое из семян, изящных, похожих на крошечный плоский цветок, летело с умиральной, рыжей, походившей на облезлый осенний рогоз сережки:

— Как удивительно! Такая красота производится такой некрасивостью!

— Простите, я не соглашусь с вами, госпожа Надя. В мире нет некрасивого. Красиво и старое, и умирающее. — Он сказал точь-в-точь слово, которое я подумала про сережку: у нас с ним часто бывают такие совпадения. — Вот это, например, — Х. указал на сундук, вынесенный нами на двор, — из облезлых крашенных досок, с поцарапанными железными углами, в пыли и паутине. — Эта вещь — она красива. В ней живет время.

Грай разнесся над нами. Мы подняли головы. Вверху кругами летали вороны и галки, верно, подражавшие птицам, готовящимся улетать к югу. Навстречу птицам с земли устремились, описывая круги поменьше, какие-то крупные мошки. Подойдя ближе, я увидела, что это, однако, не мошкара, а крылатые муравьи. Вероятно, они расплодились в сарае, и мама решила вынести сундук, чтобы выгнать из него их. Вся эта обыкновенная и забавная даже крохотная жизнь стала в моих глазах другою.

Две кружившихся стаи — ворон и странных крылатых муравьев, — стремившиеся в голубое небо, были красотой природы. Я сидела у березы, сыпавшей с едва слышным шорохом семенами, покойно и вольно. И чувствовала: это не я наблюдаю за миром, а я сама — этот мир, я часть его, и часть не большая, чем галка или муравей. Это было состояние счастья, участия в вечной жизни, в которой нет мелкого и смешного, нет печали и отсутствует смерть в том смысле, в каком мы ее понимаем.

20 августа 1904 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Сейчас черно уже вечерами. Я рассказала Х. про наши белые ночи. Он все же никак не мог понять, что это.

— Белые ночи идут у нас лишь в северных волостях с мая по июнь, — рассказывала я. — Вообразите: ночью светло, как днем, но на небе нету солнца.

— Как в пасмурную погоду? — силился догадаться он.

— Нет, не то. Ах, жаль, я не умею описывать. Голубое, но без жара небо. Деревья в саду и на улице — только тени, угадываются. Листья, ярко-зеленые днем при солнце, сейчас темны. Они не колышутся (настоящая белая ночь всегда без ветра, как и без туч и облаков). Можно попробовать разгадать их владельцев.

Изящен силуэт, и округлы маленькие листья — пусть не видно беловатой коры — это аккуратная березка. Несуразная, похожая на веник с надломанными, вкось висящими прутьями или на водоросль, разметающую по речной воде свои космы, груша. Высокий и статный, с пышной и ровной, будто стриженной, яйцеобразной кроной — поставщик самых плохих дров, годный на то лишь, чтоб укрыться под ним от дождя, тополь. Одна только яблоня хорошо видна во всей красе с белыми своими цветами (с груши цвет уже отлетел), как красавица одна видна в хороводе. Нестерпимо для взгляда сияет серебром луна. До двенадцати часов вечера светло, потом с часу до двух темнеет — и в три часа утра уже свет, как днем.

В белые ночи природа погружается не в сон, а в покой. Это — любимая моя пора года! Я люблю засыпать с открытыми занавесками, смотря на белую ночь. В белые ночи чувствуешь, что жизнь не останавливается никогда. Когда они проходят и ночами становится, как теперь, в августе, темно — мне грустно: природа поворачивает на зиму...

— Надя-сан, вы похожи на белую ночь! — неожиданно сказал Х. — И вы клевете на себя, вы — прекрасная рассказчица, я словно вошел в белую ночь в ваш сад.

Кто еще мог сказать так, кроме него? Наши мужчины или грубы, или стеснительны, или поразительным образом в них сочетается то и другое. Митя как-то спросил меня, что я нашла в японце. Я отвечала: «Душу. Его душа такова, какой нет ни у кого из вас...»

(На этом месте дневника бедный Митя отбросил тетрадку, вскочил с сена, на котором лежал, взъерошил чуб, отмахнул рукою что-то невидимое с досадой от себя — и снова со скривившимся лицом, но с прилежностью первого ученика взялся за чтение. Нужно было успеть узнать как можно больше — дневника Надя могла хватить-ся в любой момент.)

Я взволнованна. Считать ли слова Х. признанием? Для русского подобные слова были бы простым комплиментом. Но я уже знаю, что японцы — нация, у которой в отличие от нас, русских, не принято открыто высказывать мысли, едва те пришли вам в голову, и ни при каких обстоятельствах не поощряется обнаруживать сентиментальные чувства. (Поэтому понимаю я теперь и то, какой отваги стоило Хигаки подойти ко мне в день нашего знакомства!)

— Я — белая ночь оттого, что не блистаю? — спросила я Х. с лукавою улыбкою; он серьезно отвечал фразами, содержащими истинно японские понятия о красоте...

Я не покривлю душой перед самой собою, если скажу, что для меня неважно, красива я или нет. Только лет в десять-одиннадцать — в возрасте, когда к девочкам впервые приходит это сомнение — я, тайно ото всех смотрясь в зеркало, наклонясь к пруду или бочке с водою в нашем саду, часто вглядывалась в черты свои. Уже давно я не задаюсь таким вопросом! И мне смешно, когда (такое бывало несколько раз за мою

жизнь) кто-нибудь знакомый, даже из тех, кто часто видит меня, вдруг взглянется в мое лицо, и у него вырвется изумленно: «Почему я ранее не замечал, что вы красивы?!»

Такой случай произошел, к слову, совсем недавно. Мы делали репетицию пьесы «Бедность не порок» в новом театре. Скоро премьера, и уже из наших собственных домов и по нашему объявлению сельчанами принесено довольно костюмов для всех почти персонажей. Но костюм для главной героини, которую играет Катерина — он должен быть особым! Он выделить должен ее красоту, чтоб заставить зрителей полюбить ее глазами героя и вызвать сочувствие ее несчастной судьбе. Никак нам было не отыскать такой костюм! Тут — неожиданно — помощь свою предложила супруга нашего миллионера Самойлова, Настасья Яковлевна.

Молодая красавица сама пришла в театр, видимо, из любопытства. Она сидела в зале и смотрела репетицию, когда мне принесли известие о том, что Настасья Яковлевна готова подарить для героини костюм. Я выскочила резво из-за кулис и с радостью подбегала к ней; глаза мои, верно, сияли: я, зная ее редкостный вкус, понимала, что пьеса спасена! Тут-то и сказала она, глядя на меня, удивленно:

— Надежда Васильевна, оказывается, вы красивы! Почему я раньше не замечала, что вы — красивы!? — и тут же стала просить весьма смущенно прощения за нечаянную свою дерзость... Я с легкостью простила ее.

Настасья Яковлевна между прочим спросила, не знаю ли я, где можно достать учебник английского языка. Я отвечала, что у меня есть «Практические уроки английского языка» Лангена по системе Робертсона⁹¹ — это издание с опорой на французский язык, который она, безусловно, должна хорошо знать. «Применяли ли вы его на практике?» — рассеянно спросила она. Я отвечала, что нет, не посчастливилось говорить с иностранцем, а в обучении английский у нас редок. Я обещалась передать ей учебник. Костюм, доставленный ею, — *chef-d'oeuvre*⁹²!!!

4 сентября 1904 г.

ЧУЖОЙ ОГОРОД

В беседах своих мы с Х. без договоренности избегаем темы войны и противостояния наших народов. И в то же время нет с ним светлой минуты, которая не омрачилась бы вскоре или впоследствии моим сознанием того, что я радушна с врагом моего Отечества.

Но какое отношение война, идущая сейчас вдали, имеет к нему — к Хигаки? К человеку, который жил до этой войны и, надеюсь, будет жить после, — человеку, имеющему детство, юность вдали от войны, впитавшему учение мудрецов мира, далекое от идей войны, — человеку, интересному этой ученостию, по природе своей великодушному, честному и... милому, наконец?!

(Бедный Митя дал слово себе дотерпеть и дочитать.)

Тем не менее я избегаю задать Х. вопрос, который живет в моем разуме. Этот вопрос: убивал ли он моих соотечественников, успел ли убить за то время, что был на войне, и — как будто это имеет значение — скольких. Полагаю, и он в свою очередь не раз думал о том, что я — русская, а следовательно, даже не хотя, должна радоваться гибели и увечьям японцев.

Колонизация европейцами стран Востока открыла любопытный обычай. Жители Индии пускаются босиком по горячим угольям костра, дабы доказать силу веры своим богам. Наша дружба с Х. имеет характер подобного огнехождения! Не остывающий

⁹¹ Яков Ланген. Санкт-Петербург, 1847 год.

⁹² Шедевр (франц.).

здесь, вдалеке от боев, уголь войны опасен под нашими ногами — и мы в разговорах наших и даже мыслях пробегаем эту тему, не останавливаясь — точно как индийцы, не желающие получить ожог.

И оттого, что оба мы мучаемся этим проклятым вопросом, и оттого, что понимаем, что вопроса этого не возникло бы, ежели бы не было войны, немудрено, что мысли нас обоих в огромной степени занимает причина идущей войны и причины всех войн на свете.

Недавно на краю села мы с Х. оказались свидетелями ссоры двух сельчан. Они стояли посреди поля, хрипло кричали друг на дружку, как вороны, и то и дело взмахивали в стороны руками, как ворона это делает крыльями, изображая, что собирается взлететь. Один подступал к бороде другого, выражая сердечную мечту в ближайшие мгновения ухватиться за сей заманчивый предмет.

— Не зря у нас в народе есть примета: драки соседей из-за земли — к войне, — сказала я и, взглянув на Х., перевела мысли в направление шутки. — Претеснейшая близость сковывает соседей по земле! — с улыбкою продолжила я. — Сосед по огороду порой занимает сердце пуще родственника! В самом деле! Что муж или сын, брат или сестра? С ними нет причины желать видеться с утра пораньше каждый день, бежать от крыльца своего к изгороди, чтобы, не теряя ни минуты зря, вступить в самый занимательный разговор.

Трепещущая тема беседы избирается тут же, легко, как это бывает меж близкими людьми. Она заключается, например, в упомянутой изгороди меж двумя соседскими участками. Кому принадлежит аршин⁹³ земли, на которой она вкопана? Каждый считает, что ему, и объявляет вруна вором.

Злосчастливую изгородь периодически ломают и возводят снова — аршином ближе то к одному дому, то к другому. У каждого из двоих соседей дома в запертом ларце, ключ от коего всегда висит на веревочке у сердца, хранится бумага, где записано, что спорный аршин принадлежит именно ему — и он часто потрясает этой бумагой чрез изгородь, но близко врагу не подносит. А может быть, бумаги обоих — вовсе не об аршине? Зачем нужен каждому этот аршин, на котором никто никогда ничего не сажал — бог весть!

Как много сладости в изъяснении чувств соседей! Вот первый с приятным зудом в руках и симпатичной улыбкою бьет кнутом визжащую соседскую свинью, подкопавшую священную границу. На следующий день второй сосед, приметив первого, вступает в разговор с его шавкою, гавкнувшей пару раз прошлой ночью, и объявляет ей сокровенный план угостить ее крысиным ядом. Как рады соседи угодить друг другу! Первый, к примеру, открывает второму, что пятнадцатилетняя дочь того уже ягода не первой свежести, и предлагает свою услугу отхлестать ее собственноручно крапивою, когда пойдет она ночью погулять при луне, скрывая путь свой от родителей, чрез его огород. В ответ на то второй сосед указывает на тень, павшую от соседского сарая на его грядку, и предлагает свои силы, чтоб снести мешающий сарай.

«Подпустить красного петуха⁹⁴ на твою избу — вот что нужно бы!» — красивым народным выражением радуется друга первый. Если же когда-нибудь и впрямь, не дай боже, произойдет, и без чаяния, от копны сена, например, подожженной неразумными мальчишками, пожар и перекинется на забор, сарай или дом — пламень войны в веках не затихнет в этом проклятом месте, и сменные поколения от пуповины матери станут питаться легендарной ненавистью к врагу.

Все это звучит абстрактно забавно. Но увеличьте злополучный спорный аршин, скажем, в миллион раз! Вы получите около 700 верст⁹⁵.

⁹³ 1 аршин — 71, 12 см.

⁹⁴ То есть поджечь.

⁹⁵ 711 км.

Вспомните же теперь, сколько войн между государствами было заведено из-за подобной, большей или меньшей, изгороди?! Сколько копен сена горели и горят или тлеют на треклятых границах? И какие из них на самом деле поджог не первый и не второй из ссорящихся, но скрытый ото всех в ночной темноте ТРЕТИЙ сосед, причем, бывает, живущий так далеко, что и подумать на него нельзя, — или даже, с разных сторон, несколько соседей, имеющих свои цели в этом злодействе?!!

Мужики, которых мы увидели с Х., ссорились из-за земли на поле.

— Чересполосица, — пояснила я для японца. — Рядом оказались полосы земли, принадлежащие разным хозяевам. Теперь, видимо, один запахал, случайно или намеренно, часть земли второго.

— В России крестьяне владеют землею? — спросил он.

Я не сразу отвечала, стараясь припомнить подробности освобождения 1861-го⁹⁶. Слишком хорошо помнился мне недавний стыд, когда я спросила Х. с невольной — о позор! — снисходительной заботливостью в голосе: «Существуют ли в Японии школы для детей?», а он отвечал: «У нас — *обязательное* (!) обучение детей всех сословий и полов с 1872 года». (Чего до сих пор нет в России!!!⁹⁷)

Вот так щелчок по русскому национальному самолюбию! Мы мнили эту страну отсталой, нецивилизованной — а она с 1872 года — 30 лет назад! — ушла вперед нас!

То же оказалось и с сельским хозяйством и промышленностью. Не только не дикарский — как думает до сих пор большая часть российского населения — строй жизни в Японии, а в некоторых явлениях более развитый, чем у нас! Из рассказов Х. я поняла, что к 1870-м годам отнеслось у них такое же освобождение крестьян, как в России. Не гуманные побуждения со стороны властей стали тому причиной, а (как и у нас в России) выступления крестьян и даже нападения их на помещичьи владения.

Но есть отличие. (Я расспросила Х. подробно, поскольку вижу — крестьяне русские не вполне довольны освобождением. Довольны ли японцы, хотелось мне знать.)

Японские крестьяне (в отличие от русских) стали прямыми собственниками земли. За это их прежним хозяевам — помещикам государство (взявшее для этой цели долг в Англии) выплатило огромные деньги. Помещики вложили эти деньги в банки или заводы и начали получать прибыль. Государство построило металлургические заводы, верфи и т. д., а затем за бесценок продало их в руки крупных торгово-промышленных компаний (я запомнила название одной — «Мицубиси»), потворствуя развитию капитала. Крестьяне, владевшие теперь землею, также стали сбывать свои товары и платить земельный налог. Земельный налог составляет в Японии 85 процентов от всех доходов в государстве.

Все это — социальные перемены правителя Мэйдзи, несомненно мудрого человека. В экономическую поддержку им он добавил по образцу западных стран железные дороги и пароходство для развоза товаров, открытость иным техническим идеям Запада. В поддержку духовную — образование (60 процентов населения Японии грамотны; о всеобщем начальном обучении я уже писала) и конституцию (которую российский царь называет бессмысленной⁹⁸), дающую сознание свободы личности и умиряющую — на заметку российскому царю — таким образом недовольство властями.

⁹⁶ Реформа 1861 года, отменившая крепостное право в Российской империи.

⁹⁷ Законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», то есть об обязательном бесплатном начальном обучении всех детей от 8 до 12 лет, был предложен министром народного просвещения П. фон Кауфманом в 1907 году, но его обсуждение затянулось; в 1912 году законопроект был отклонен Государственным советом.

⁹⁸ Первой публичной речью после вступления на престол Николая Второго стала его речь 17 января 1895 года в Зимнем дворце перед депутациями дворянства, земств и городов. Текст речи гласил: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей,

Что же в России? У нас крестьянам волю дали — но не дали земли в прямую собственность. Куском земли владеет не один человек, а крестьянская община — объединение бывших крестьян одного помещика. Община платит государству налоги; она же имеет власть разделять землю между крестьянами общины. Это удобно государству: ежели кто-то один не платит — у того община по решению схода урежет землю или вовсе отберет. То есть государство свой налог получит, а как — покрыто тьмой. Но что получит в таких условиях отдельный крестьянин?

Этот отдельный русский крестьянин должен за свою землю платить двоим — государству и помещикам.

Государство, как и в Японии, уже заплатило со своей стороны помещикам. Но российское государство, отдав деньги помещикам, тут же потребовало их обратно с... крестьян. И вперед 49 лет каждый крестьянин — через общину — должен платить государству кредит (на который он не соглашался, его заставили реформой 1861 года). Притом государство со своей стороны выплатило помещикам только 80 процентов. 20 недостающих процентов должны выплатить помещикам... крестьяне. Для того оставлен денежный оброк (8–12 рублей в год) и «барщина» — бесплатные работы на барина 30–40 дней в год.

Нужно учесть, конечно, национальные особенности русского и японца. И я думаю, они и учитывались в наших параллельно шедших земельных реформах.

Зимы ли наши тому виной, замораживающие всякое желание движения, или большие расстояния между селениями, в каждом из которых свой царь, а правды нет, а может, созерцательность русского человека, который склонен более рассуждать о смысле жизни, нежели обустривать ее, — но только трудолюбие иссушающее, муравейное, накопительное, улучшающее жизнь индивидуума и его семьи — примета лишь отдельных русских людей, но не наше национальное достоинство.

Русский человек вынослив, умеет много трудиться, и крестьянская страда летняя — не зря так названа. Но отчего-то трудов его хватает ему и его семье, лишь чтобы не умереть с голоду. «Лишнее», то, чем мог бы он усладиться или прирастить свой достаток, вечно кто-то заблаговременно прибирает от него, помещики или государство. По этой причине он легко впадает в лень и всегда мечтает о том, что вдруг падет на него с небес богатство. Дайте ему это счастье — и что ж?

Отдайте землю бесплатно прямо в руки русских крестьян — и из десятка семеро-восьмеро будут обрабатывать ее с большей или меньшей прилежностью, а трое-двое продадут, не глядя на душераздирающие крики семейства, и пропьют, а пропивши, пойдут просить милостыню или восставать против несправедливого правительства.

Так, верно, рассуждали наши преобразователи, отдавая вожди в управлении землею сельской общине.

Но разве у японцев нет лентяев?

Это нация, бесспорно, трудолюбивая настолько, что сие качество можно отнести почти к каждому японцу. Японское трудолюбие возглавляется мыслью о личном благополучии и традицией общественного послушания старшим, когда за каждым человеком встает кто-то выше, как в лесу за травой возрастают кусты, а за кустами — деревья; наивысший в этой очереди послушания — император, которого японцы считают потомком богов. (В России тоже есть очередь послушания, в которой муж важнее жены,

увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия...» Речь широко обсуждалась, была, по мнению некоторых историков, воспринята интеллигенцией как вызов идеям конституционных преобразований и стала причиной роста революционной агитации.

а из детей главенствует старший; есть начальник и подчиненный; наконец, есть царь; но разве не в русской традиции говорить и помещику, и даже царю «ты»? Все же если взять во внимание, что и у японцев не все трудолюбивы, отчего японские власти решились отдать землю прямо крестьянам?

Думается, в японской новой жизни устроен некий, неизвестный мне порядок, по которому продукты, производимые на своей земле, каждый крестьянин может в быстрое время сдавать и получать за это весомую для себя прибыль — и отдавать от этой прибыли налог государству, отчего богатеет и государство, и крестьянин. Подробностей этого порядка я не знаю. Но ежели бы наши государства взамен того, чтобы воевать, рассказали бы друг другу о таких секретах, оба они стали бы гораздо богаче, чем (как они думают) даст какому-либо из них война. Пока же наш работающий русский крестьянин походит на лошадь, чьи глаза с боков закрыты шорами — она, бедняга, усердно, до упаду бежит только вперед, к малому пучку сена, неспособная вы брать путь, который привел бы ее к богатой и полной кормушке.

Все описанное беспокоит меня еще и потому, что очевидно складывается в будущем следующую цепочку злосчастий для России: недовольство русских крестьян и довольство японских — революционные, разрушительные настроения русских и сплоченность японцев — уныние русских на фронте и воодушевление японцев — поражение в войне России, возможное по описанным причинам, и новые внутренние у нас волнения. Я опасаюсь, что мы проиграем, и проиграем дважды — в войне и в стране.

Но обращаюсь снова к увиденной мною и Х. ссоре крестьян за полосу земли.

— Не думаете ли вы, что этот спор демонстрирует нам самую частую причину всех войн: борьбу за землю? — продолжила я начатую мною в рассуждении о соседском аршине игру в аллегории. — Либо один хочет взять землю второго, либо первый полагает, что часть чужой земли или вся она на самом деле принадлежит ему, и хозяин владеет ею по несправедливости.

— Согласен с вами. Притом часто первая причина — действительная, а вторая — объявленная, — прибавил Х.

— Что же такого на чужой земле? Отчего она так манит всех правителей? Морские порты, золото и алмазы... много ценного может быть на чужой земле! Так, у одного из тех мужиков, что сейчас ухватят друг дружку за бороды, земельный надел может быть с плодородной землей, а у второго — с оврагом и перелеском!

Но разве непонятно уже в нашем веке то, что ясно знает любой разбогатевший крестьянин — что не количество земли дает богатство — и даже не ее качество, — а то, ЧТО ВЫ СДЕЛАЕТЕ С НЕЮ!

То, что богатое КОЛИЧЕСТВО земли не гарантирует богатства государству, видно на примере двух наших стран. Япония — невелика, Россия — огромна. Но благодаря малым расстояниям в Японии быстро развозятся товары, быстро и ясно видятся потоки денег. Отсюда, в частности, экономический взлет и расцвет государства. Огромная же Россия парадоксально беднеет от своей величины: из-за дальних расстояний и плохих дорог, сумрака в получении и расходе денег от далеких провинций, дающего возможность взяток, воровства денег на всех уровнях.

То, что богатое КАЧЕСТВО земли не обещает прибыли ее владельцу, можно доказать на примере отдельных людей. В нынешнем году в Москве в театре я видала новую пьесу русского писателя Чехова «Вишневый сад»⁹⁹. Там описан случай, как толковый мужик купил у бестолковых помещиков сад и разбогател, они же, не умея пользоваться этим садом, обеднели. То же сделал наш медведь, Гаврилин Козьма Михалыч,

⁹⁹ Пьеса «Вишневый сад» написана в 1903 году; впервые поставлена 17 января 1904 года в Московском художественном театре.

купив у неумелых помещиков землю с лесом... Выходит, главное в богатстве государства и богатстве отдельного человека — это искусство УПРАВЛЯТЬ!

— Я не читал Чехова, к сожалению. В Токийской школе иностранных языков преподавали русскую литературу. В Японии есть переводы. Но у нас больше знают Тургенева и Толстого. Теперь прочту обязательно! У меня есть свой пример. В Японии существуют места, где только горы и, кажется, нельзя вырастить рис, — сказал Х. — Но умные люди придумали так: сделали длинные окружные ступени в горах. Вода из горных источников течет по ступеням и день и ночь орошает их. Это знаменитые террасы. Там сажают рис. В Японии мало земли. Мы используем каждый ее кусок. Даже на насыпях между рисовыми полями японцы сажают бобы. А до того, как на рисовом поле высадить рис, на нем же сажают и успевают снять рапс для масла.

— Да, и для этого вам даны дожди, а половине Японии — жаркий климат! Мы же в России семь месяцев в году, а где и девять глядим на снег! Почему нельзя договориться, — задумчиво сказала я, смотря на него (эта мысль только созревала в душе моей), — чтобы оставить всю землю на свете так, как...

— Как разметил ее последний землемер.

— Да. И более не переделывать эти границы!

— И запретить входить на чужую землю без разрешения ее хозяев.

— А ежели на чужой земле возникнет внутренний спор? И хозяйка позовет вас зайти на ее огород, чтобы защитить ее от мужа, который бьет ее, грозит убить? А вы — друг этой хозяйки? Как быть? Можно тогда входить? Если хозяин не разрешает?

— Получается, что нет, нельзя.

— Но ведь он может убить ее!

— А если тот, кто войдет — скажет соседям, что она звала его на помощь, но на деле НИКТО ЕГО НЕ ЗВАЛ?

Наши многозначительные идеалистические рассуждения двоих двадцатилетних неземледельцев окончил урядник Коля Курносый. Олицетворяя способ разрешения всех, по крайней мере, внутригосударственных конфликтов, он, сапогами промесив грязь обоих участков, взял обоих мужичков за шивороты¹⁰⁰ и, пригрозив нагайкою, повел на разбор.

6 сентября 1904 г.

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

Сбываются мои мысли о нашем поражении. Доставлены «Новгородские губернские ведомости» с фронтовыми известиями. 23 августа¹⁰¹ японцы заняли оставленный нашими Ляоян¹⁰². Мы — с перевесом в численности войска и орудий!!! — проиграли Ляоянское сражение.

Наши уже двинулись после поражения к новому месту — Мукдену¹⁰³. Все дальше в глубь материка уходит наше войско от напрасно ждущего его на кончике Ляодунского полуострова гибнущего Порт-Артура...

Я отправилась на берег реки с этюдником, листами бумаги и красками на занятие по рисованию с Х. только оттого, что это было условлено. Взглянув на Х., я ожидала разглядеть признаки радости. Но что увидишь явно выраженного в японском лице?!

В Японии есть национальный вид рисования, впрочем заимствованный из Китая (как, однако, эта нация умеет взять от других все прогрессивное или интересное, твердо храня свое!).

¹⁰⁰ Шиворот — ворот, воротник (словарь Даля).

¹⁰¹ 4 сентября по новому стилю.

¹⁰² Ляоян — город на северо-востоке Китая.

¹⁰³ Мукден — ныне Шэньян — город на северо-востоке Китая.

Рисуют только одной краскою. Обыкновенно берут красную или черную. В этой старинной технике главное — особый изменяемый нажим кисточки, благодаря которому при использовании одной только краски происходит переход от яркого темного оттенка к бледному. Набор сюжетов определен и невелик: цветки, листья, стебли, очерк горы, камыш и т. п. Линии скупы, отсутствуют тени. Перспектива слаба и обозначена тоже только светлыми или темными, жирными или тонкими мазками.

- Возьмите лучше черную краску, госпожа Надя! — попросил Х.
- Отчего же не красную? Мне более нравится! Красная хризантема — на белом!
- Я знаю про Ляоян. И я не рад.
- Вы кривите душою.
- Я расскажу вам.

Он никогда не говорил многословно, и уже оттого его подробный рассказ поразил меня. Он говорил, и я, никогда не бывавшая на краю земли, картой очерченном у океана, видела словно его глазами.

Дальневосточные сопки Китая — ввысь уходящие крутые каменистые склоны, густо поросшие лесом. По ним извилисто, трудно движутся военная техника, лошади, обозы, измученные, глядящие только под ноги люди. Скоро каждое опирание на ногу при подъеме начинает причинять такую боль, что поневоле часто останавливаешься. Вот открылась равнина под сопками, на краю которой — деревня китайцев. Часть равнины заполняет — так кажется издали — лес, но это — поле, где, теснясь, растут, высотой в два человеческих роста, красно-коричневые факелы на листовых стеблях: злак гаолян¹⁰⁴. Сильное солнце, пекущее и более привычных к нему японцев, скоро изнуряет до солнечного удара, до рвоты русских северян.

На этой равнине у подножия сопки сошлись русские и японцы.

Японцы — в форме цвета *хаки* (новой, по образцу английского войска), незаметной, сливающейся набором красок с зелено-желтыми стеблями и листвою гаоляна, кустарником, лесом на сопках, землею...

На русских издаലെка видны *белые* рубахи солдат, *белые* кителя офицеров. Ярко вспыхивают на солнце офицерские золотые, серебряные погоны, золотая, серебряная тесьма — галун — на поясах и португелях. *Белыми* чехлами покрыты фуражки. Только высунь голову в такой фуражке из-за укрытия — пли!!! Не выдумать ярче мишеней!

И валяются один за другим одетые в белое, как в смертные рубахи по русскому обычаю, целые русские полки. И на белом — растекается красное.

На той же земле, уже неделимой для мертвых, лежат, слившись с землей и травой, тела в форме цвета *хаки*.

И за ними, и за белыми смертными рубахами, устлавшими поле, стоят, как могильные факельщики, высоко подняв красные метелки, стебли гаоляна¹⁰⁵.

2.

Дочитав до этого места Надиного дневника, Митя услышал, как внизу, у лестницы на сенник, мать зовет его. Уже темнело; верно, он не один час просидел здесь. Но оставалось еще несколько исписанных страниц.

¹⁰⁴ Растение семейства злаковых, один из видов сорго.

¹⁰⁵ Известна история о том, что командующий Маньчжурской армией генерал А. Н. Куропаткин отдал приказ солдатам и офицерам не стирать форму, чтобы испачканная белая одежда была более незаметной. По воспоминаниям современников, солдаты и офицеры также начали самостоятельно перекрашивать форму. А. Н. Куропаткин предложил вместо белой рубашки, годной лишь для парадов, ввести серую. По некоторым данным, лишь в 1907 году белый цвет солдатской рубахи в российской армии был заменен защитным травянисто-зеленым. Она существует и сейчас под названием гимнастерки.

Митя крикнул матери, что скоро спустится, и решил дочитать:

Всякий диалектный язык, бытовой, живой говор народа, следует непременно фиксировать в словарях! Тому я вижу несколько причин.

Во-первых, диалекты вскрывают тайные связи слов русского языка. Диалектный язык — пуповина, соединяющая новорожденный (в отношении к векам) современный литературный язык с праязыком, на котором говорили наши далекие предки. Взять, к примеру, медведское слово «желемустина» — от «жилы» и «мустить», то есть мочь, быть способным. Это такой человек, кто худ, но силен жилами. То же жимолость — тоже «желемустина» — кустарник с тонкими и, однако, крепкими ветвями...

Второй причиной я бы назвала то, что диалектные языки скоро умрут. Это случится, когда 100 процентов народа нашего будут иметь школьное образование.

Сейчас, в начале XX века, в России меж образованными людьми и неграмотными — море. Они — на противоположных и невидимых друг другу берегах. Тот, кто не умеет элементарно читать, не поймет и физику, химию, астрономию — ни одну из наук. На примере Японии мы видим, что сделанная правительством всеобщей грамотность населения ведет к экономическому быстрейшему развитию страны. Следовательно — народу русскому необходимо стать грамотным.

Но мне жаль неминуемого при том исчезновения диалектных языков! Грамотный язык единообразен. В диалектных — больше чувства. Я рада буду увидеть, если доживу, как все люди станут грамотными, но мне грустно оттого, что диалекты останутся только в словарях! Это все равно как матери выбирать — быть ее ребенку воспитанным или же непосредственно-резвым. Она, несомненно, отдаст предпочтение первому качеству ради блага самого ребенка, но будет грустить о втором...

С этими мыслями я взялась собирать словарь нашего местного говора. Около 90 процентов слов я знаю, так как выросла здесь; но есть немного слов, мне неизвестных. Обыкновенно их привносят в язык люди, приезжие из других мест. Так, в одной из изб, куда я пришла к ученику, мне велели: «Закрой сутки!»

Хозяйка, произнесшая слово, — из села Марёво Демянского уезда Новгородской губернии¹⁰⁶, что от нас за 200 с лишком верст¹⁰⁷. Слово обозначает дверь. И народное чутье языка здесь совершенно право: с(у)тыкать — это соединять что-либо, будь то изба с сенями или день с ночью. Любопытно, что в словаре В. И. Даля я нашла подтверждение: в калужском говоре сутки — углы в избе, в малороссийском суточка — переулочек. Даль также пишет: «Сутки, новг. боровичи сени?» Может быть, в говоре Боровичского уезда Новгородской губернии сутки действительно означают сени как смычку, переход от улицы к жилой части избы, а возможно, Даль ошибался — ведь он сомневался, выставив знак вопроса! — и в слышанном им примере слово, как в Марёве, значит дверь. Быть может, и великому Далю, как мне, неведомая крестьянка повелела закрыть сутки, и эта фраза причудливым образом соединила нас?

Марёвские сутки открыли мне еще третью причину, по которой важно записывать и изучать диалекты.

Не существует края, в котором из века в век соединяются лишь люди, живущие в этом месте. Всегда есть приезжие, как моя хозяйка из Марёва. Порою есть приезжие и осевшие из мест столь далеких, что и вообразить будет слишком смело — вспомним петровского арапа, ставшего прадедом Пушкина! Если же вообразить, сколько в веках перепуталось подобных связей — можно смело утверждать, что ни один народ мира не изолирован в этническом смысле. Но это — воображение, теория. Подтвердить же ее способна реальность — человеческие языки!

¹⁰⁶ Ныне Марёвский район Новгородской области.

¹⁰⁷ Более 213 км.

Похожие слова могут найтись в диалектах разных народов мира скорее, чем в «правильных», литературных языках. Причина — диалекты сохранили ясные связи со своими праязыками. (О чем я писала в начале.)

У меня — уникальная возможность доказать это, сравнив русскую и японскую речь. Со слуха даже тому, кто не понимает их обе, будет ясно, сколь далеки они друг от друга по всему: интонации, излюбленным звукам, длительности слов и фраз и т. п. Любому подумается: решительно, решительно нет в них ничего общего или даже похожего!

Это объяснимо: Япония до недавнего времени была нарочито изолирована от внешнего мира, она и Россия узнали друг о друге всего 200 лет назад¹⁰⁸. таким образом, случаи общения нас были перечисляемы по пальцам... до нынешней войны. Теперь, на войне и в местах пребывания пленных обеих стран, языки наши вберут и вобрали уже некоторые слова, называющие, как правило, предметы или явления, которых нет на родине.

Японцы в Медведе говорят с теплою улыбкою «пэтика» (русская печка); в рассказах о войне (коли их спрашивают о ней) им вспоминается «тотика» (точка в значении «блиндаж»), а ворочась из трактира Белова и других питейных заведений, они с большой живостью и одобрительным причмокиванием отзываются о русской «во-токе». Хигаки говорит, что еще ранее из русского языка пришло в Японию слово «икра» — в японском оно звучит «икура» и обозначает исключительно икру лосося. Но я сомневаюсь — из русского ли? Зачем называть чужим словом пищу, которую, вне сомнения, веками употребляла страна, окруженная морями?

«Икра» и «икура» — не единственный пример схожести. Думаю, слова-близнецы могут найтись в различных языках среди названий прежде всего самых старинных на Земле явлений, действий и предметов. И действительно, я случайно открыла в японском одно подобное слово!!!

Недавно мы называли с Хигаки друг другу разные слова на наших языках... Он сказал, что в местности, где он живет, старики еще говорят на японском старинном диалекте. Одно слово, «ору», в их устах означает «жить, существовать»¹⁰⁹ (слово видоизменено в современном японском языке). В словаре Даля, вспомнила я, есть подобное слово «орать» — в значении «пахать землю» (по Далю, в северном и малороссийском наречиях). Я ору — я пашу, добываю тем самым пищу и, следовательно, живу, имею главное средство к существованию. А русское слово «разорять»?! Эта близость слов может оказаться случайной. Но все же я уверена: впереди в связях языков и диалектов мира — множество открытий! Ведь современные слова — как... грибы, растущие из земли! Грибница же их — глубоко. И неведомо, как далеко и куда ведут ее нити под слоем многовековой народной почвы...

...Довод же о том, что нации мира (через глубинное, хотя поверхностно утерянное родство языков) находятся в большем родстве с другими нациями (особенно жи-

¹⁰⁸ В 1699 году в ходе Камчатской экспедиции В. Атласова состоялась первая встреча русских с потерпевшим кораблекрушение японцем по имени Дэмбэй, и Россия узнала о существовании такой страны, как Япония. В 1705 году Петр Первый приказал открыть в Санкт-Петербурге школу японского языка, а Дэмбэя назначить ее учителем. В 1739 году экспедиция Шпанберга и Вальтона подошла к берегам японских провинций Рикудзэн и Ава. Полученные населением от русских монеты были доставлены властям, которые обратились за консультацией к проживавшим в Японии голландцам. Те сообщили о месте чеканки данных монет, и таким образом Япония узнала о существовании России. В 1783 году японское судно «Синсё-мару» сбилося с пути и потерпело крушение. Команда вместе с русскими промышленниками, занимавшимися заготовкой пушны, дошла до Охотска. По разрешению Екатерины Второй японцы вернулись на родину в 1792 году, и русская экспедиция в Японию стала первым официальным контактом между двумя странами.

¹⁰⁹ Японский старинный диалект «иё». Имеет значительные отличия от литературного японского языка.

вущими рядом), чем они могут ожидать, — разве это не довод чувства и разума против мировых войн?

Таким образом, я описала здесь три главные причины, по которым я начала свой труд — словарь местного медведского диалекта. Моя задача в тысячи раз скромнее, чем Даля, но я привержена ей не менее. Мой словарик пока небольшой. Когда-нибудь, лет через 20–30, с установлением всеобщей грамотности эти слова исчезнут навсегда из живой речи моих земляков и останутся, быть может, только на этих страницах.

Амунішник, — а, м. Сарай, где хранится конская упряжь. (Фистя в амунішники целым дням сидит, хумуты чинит.)

Баркán, — а, м. Морковь. (Баркан ноничь худой: колотый да рогатый. Верно, что лето было сухое.)

Баркáнный, — а, м. Судак. (В то же время народ употребляет и слово «судак». В чем разница — узнать!) (Вчера рыбу привозили. Я купивше барканнику.)¹¹⁰.

Мать снова позвала Митьку снизу. Пролистнув еще и обнаружив, что после словарика сплошь пустые листы, Митя усмехнулся над запомнившимися ему «грибницей» и, еще раньше, «пуповиною» и, спрятав тетрадку за пазуху, спустился.

3.

Внизу с матерью стояла Надя. Митя растерялся и тут же вынул тетрадку.

— Прочитал? — спросила Надя.

— Ага. Интересно!

— Согласен с Толстым?

— Ну, Толстой че ж... Граф он и есть граф... — Митя уже забыл, в чем он спорил с Толстым, в его памяти из всей тетрадки вдруг встала картина битвы, обрисованная Наде японцем.

— Я спросить хотела, Иринья Анисимовна, — Надя обратилась к Митиной матери. — Вы извините, что беспокою. Я начала собирать словарь из народных медведских слов. Не знаете ли вы, что такое «поскрёбыш»?

— Да вот же — Митька-то у нас поскрёбыш и есть. В сорок лет мы с отцом его зачинали, — посмеялась Митина мать.

Наде стало так видимо неловко, что верный Митя поспешил ей на выручку и, не подумав, скорее ляпнул:

— А барканник-то, Надюх, — это судак, да мелкий, фунтов на пять-шесть¹¹¹. Вот ежели фунтов пятнадцать-двадцать¹¹² — такого у нас судаком называют.

— Я ведь не спрашивала про судака?!

* * *

Так и не простила Надя Митьку, сколько он ни каялся, за то, что прочел ее дневник. Теперь с обоими она оказалась в ссоре: и с японцем, и с другом детства.

4.

В воскресенье 2 октября начиналась премьера первого спектакля в новом медведском театре.

¹¹⁰ Е. Б. Стогова. Словарь диалектных слов. Самиздат. Деревня Коростынь Шимского района Новгородской области, 2014.

¹¹¹ 2,3–2,7 кг.

¹¹² 6–9 кг.

Афиши не требовалось, так как о событии знало все население заранее. На второй этаж здания пожарной части по лестнице поднимались сапоги, ботинки, ботики, обрезанные сапоги-чуны и поршни¹¹³, модные сапожки на высокой шнуровке с каблучком-«рюмочкой». Несколько сельчанок сняли с туфелек и оставили под присмотр проверяющего на входе билеты резиновые галоши. Услугою галош воспользовались и некоторые мужчины, но не решились с ними расстаться, опасаясь пропажи ценности. Самые зажиточные сельчане пришли даже в галошах, натянутых на сапоги. Эти, садясь на места в театре, выставляли далеко от себя ноги, чтобы богатство видели соседи.

— Нет, все же следовало бы, чтоб в театр ходили и дети! — мягко спорила учительница Надежда Карпова с Александром Петровичем Калядиным (они были вдвоем режиссерами спектакля). — Это неправильно, что по нашей странной сельской традиции ребятишек никуда не пускают! Они подглядывали в щелочки, когда в Аракчеевские в наш гарнизон до войны приезжали артисты! А ведь так важно развивать душу ребенка!

— Душу в церкви развивать надо. И в трудовых занятиях. И в учении. А в театр правильно ребятню не пускают! — спокойно возражал Калядин. — То, что взрослый поймет этак, ребенок увидит иначе, потому как житейского опыта у него нет. А тут еще и пьеса про любовь!!! Не по возрасту, для хи-хи, смущение одно. И шум от них. Да и все проще, Надежда Васильевна! У семей денег нету, чтобы еще и за мальчишку, пардон, сопливого в театрах платить!

— А давайте я оплачу! Самым лучшим ученикам! А, Александр Петрович?

— Вы уж и так оплатили. За пятерых крестьян, из своего жалованья. Добро же вы оказали нашим купцам, хе-хе! И им пришлось последовать — не стерпеть же, чтобы женщина смирно сидела, а они в стороне остались. Самойлов с молодым Гаврилыным по двадцати беднякам каждый билеты оплатили, мой тесть Михеев — пятнадцать. Да и ваш покорный слуга десятерых облагодетельствовал... Я шучу, шучу, Надежда Васильевна, хорошему обычаю вы зачин сделали!

Пьеса пошла хорошо. Публика сидела прямо и напряженно. Внимание добрых людей в первое время было посвящено знакомым лицам в зале и на сцене. Близо сидевшие шептались:

— Глянь-ко! Кто эта пришёдец? — Настасья Самойлова, богачка, припоздавше. А муж-то сидит давно. Эка нарядна красота! Платье не гуртовое¹¹⁴, да в облипочку, ни висючего, ни махучего! А духам от ея разит — за три версты! Отколь тока пришла-та? — А гряд, вонá на лисапедке кататься стала, да всё к Владимирскому мóсту, а там и англицкого фицера люди выдавше... — А вóна, глянь, и артисты наши вышедше. Нарядивше-та как окрутники¹¹⁵, хи-хи! Вон Катьку Курочкину признаю! Девка постановна¹¹⁶, да больно длиннолядва!¹¹⁷ Ишь, вышла, химы¹¹⁸ распущён! А кто ж как старуха представляет? То ж взабыльшна старуха, Трампалитовна с Подгорной! Лалокам¹¹⁹ шшолкат, идёт-тырыкацце¹²⁰, тово гляди, завалицце. Глянь, и мальчонка представляет — скачет да юлицце. Кто ж это? — Да Захарка вроде. Как взабыльшний!¹²¹ А энто

¹¹³ Поршни — обувь в виде лаптей, сделанная из цельного куска кожи, сшиваемого сыромятным ремнем.

К поршням иногда пришивались нетолстая подошва и низкие каблучки.

¹¹⁴ Гуртовой (устар.) — массовый, в данном случае — стандартного пошива.

¹¹⁵ Окрутник (шимск. диал.) — ряженный на святках.

¹¹⁶ Постановный (шимск. диал.) — статный.

¹¹⁷ Длиннолядвый (шимск. диал.) — длинноногий.

¹¹⁸ Химы (шимск. диал.) — волосы.

¹¹⁹ Лалока (шимск. диал.) — десна.

¹²⁰ Тырыкаться (шимск. диал.) — неуверенно идти, спотыкаться.

¹²¹ Здесь: как взрослый.

кто ж? Издивленник¹²² какой! То ерепенище, то гонощище, все скачет да поет. Как смёшно говорит, нашли ж такова гундосова!¹²³

Началось второе действие пьесы. Роль Митеньки, героя-любownika, играл статный плечистый парень, местный кузнец Каурцев. Но не на красавца Каурцева глядели медведцы и даже не на Александра Петровича Калядина, которого наконец сельчане признали в роли Любима Торцова — роли, отобранной из всех для себя Калядиным как организатором театра, для коей интеллигент в итоге творческих мук изобрел непредсказуемые прыжки и дерганье балаганного Петрушки и специальный «гундосый» экстравагантный прононс. Всё внимательнее смотрели медведцы на Катерину Курочкину.

Катерина, в самом начале вышедшая пред людьми со стеснением, с каждой новой произносимой ею на сцене фразой делалась все увереннее. В сцене признания в любви молодых влюбленных Катя вышла в платье, подаренном театру Настасьей Самойловой.

Женский шепот в зале затих, а мужчины заморгали, словно у них внезапно пересохли глаза; кто-то локтем пихнул в бок соседа. В наступившей тишине медленно, подняв очи на партнера, с потаенною мукою Катерина произнесла:

— Нет, Митенька, я тебе в правду написала, а не в шутку. А ты меня любишь?

Зал с вниманием ждал ответа. Стояла полная тишина.

— Я и того, может быть, не стою, что вы ко мне внимание имеете, а не то что вас обмануть, — отвечал Митенька-Каурцев, и в публике возник легкий согласный ропот: *такую* Катерину мог полюбить и должен уважать был всякий мужчина.

— Вам нельзя верить: все мужчины на свете... — Катерина взглянула ему прямо в глаза, — обманщики.

— Пушай же их обманщики, но только не я.

— Почем знать! Может быть, и ты обманываешь, хочешь насмешку надо мной сделать.

— А ну не забирай нашу Катю!!! — из средних рядов навис над людьми какой-то здоровяк и пригрозил Каурцеву кулаком, который издали померещился кузнецу необработанным куском болотной железной руды. Пылкого театрала соседи дернули за полы и усадили обратно.

Пьесой Любима Торцова сделал классик XIX века Островский «Бедность — не порок»; триумфом Катерины Курочкиной-Любови Торцовой обернулась она на медведской премьере 1904 года. Это уж начали понимать все зрители, но особенное случилось во втором действии.

Среди событий этого места пьесы есть одно малозначительное. Его начало медведская публика, уже подуставшая от умственного напряжения и необходимости смотреть в одну сторону, пропустила мимо внимания. Одно лицо только в зале выразило недоумение: Владимир Самойлов, миллионер, образованный человек, до деталей помнил ход пьесы любимого им автора и отметил несоответствие.

Самойлов повернул голову к сидевшей в одном с ним ряду Наде Карповой — и увидел вдруг, что Надя сама оглядывает зал. Выражение лица ее было ждущее и восторженное. В руках Надя сжимала бумажный кулечек с театральными леденцами. Она взяла их для отвлечения, чтобы не слишком волноваться, но теперь забыла про кулечек и сжала его так, что леденцы рассыпались. Сидевший с нею рядом мужичок галантно пришел на помощь, галошей постаравшись подтолкнуть к Наде конфеты, но нечаянно загнал их под передний ряд.

¹²² Издивленник (шимск. диал.) — весельчак, затейник, человек, ведущий себя необычно.

¹²³ Гундосый (шимск. диал.) — говорящий в нос.

Несоответствие, замеченное Самойловым, на первый взгляд было мелким. Оно заключалось в том, кто исполняет одну из многочисленных песенок в пьесе. В оригинале, как помнил Самойлов, старинную песенку «Кумушки» пел второстепенный мужской персонаж, под гитару. Этот персонаж, однако, сейчас отступил на сцене назад. Вместо него близко перед зрителями вышла Любовь Торцова-Катерина.

Самойлов вновь взглянул на Надю: глаза ее были таковы, словно она собиралась плакать.

Катерина, без всякого аккомпанемента, без движения тела, с опущенными руками, глядя поверх людских голов своими с блеском карими очами, грудным голосом спела-произнесла, без страсти, лишая голос силы в конце каждой короткой строки:

За реченькой, за быстрою
Четыре двора;
В этих ли во двориках
Четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитесь, любитесь,
Любите меня.
Пойдете вы в зеленый сад –
Возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать –
Сорвите и мне;
Вы станете веночки плесть –
Сплетите и мне;
Пойдете на реченьку –
Возьмите меня;
Вы станете венки бросать –
Вы бросьте и мой,
Как все венки по свех воды.
А мой потонул.
Как все дружки домой пришли,
А мой не пришел.

Всякий сидевший в зале вдруг вспомнил в эти минуты Катеринину историю. Нет, не преступлением было то, что случилось с нею девять лет назад, а бедой!

— Обещавше же был тот солдатик с довоенного гарнизону, што Катьку-то обрюхатил, на ней женище, — шептали на ухо соседкам бабы. — А потом ён взял да и помер. Ни очинь-та вона и виновата. Так бы и венчались...

Несколько женщин уводили под руки из зала рыдавшую Марью Федотову, вдову односельчанина, погибшего в Маньчжурии. Женская часть публики плакала. Самойлов встал и с силой зааплодировал; скоро гремел весь зал.

5.

Любимая березка перед Надиным окном, как беспечная транжира, растратила весь недавно появившийся у нее богатый запас монет. Сначала сыпала новенькими желтыми червонцами, потом — кружочками старого темного золота, после — позеленелыми медяками, и, наконец, от всех богатств осталось у нее несколько тончайших и лег-

чайших светлых пластинок сусального золота, которые исподтишка, а то и нагло налетев, воровал ветер. Превратились в гнилые мокнувшие пучки алые цветки цепкого репейника, которыми еще недавно Ариша, дочка Катерины Курочкиной, озорно смеясь, бросалась с подружками в мальчишек на школьном дворе, а те лепили их себе на рубашонки, как военные ордена и медали. Подсолнухи в Надином саду опустили свои прежде радостные головки и умирали, роняя не вызревшие в северном климате мягкие семечки; солнце совсем потерялось; стекла наружных рам, когда утром топили печки, туманились и покрывались мелкими слезами, тихо стекавшими весь день; вечерами в уличном воздухе чуялась уже не сырость, а морозец. Была вторая половина октября.

Днем у памятника Николаю Первому на медведской площади Надя Карпова случайно встретила с Хигаки Масакадзу и каким-то сопровождавшим его японцем.

Надя сухо ответила на приветствие. Хигаки представил ей спутника; Надя запомнила только имя: Кавабата. Ей показалось, что где-то она уже видела этого смешливого малорослого паренька. Кавабата не мог устоять на месте спокойно; сейчас, как поняла Надя, его интересовала надпись на памятнике, а Хигаки прочел, но не мог объяснить, что она значит.

— «От благодарного общества пахотных солдат. Открыт в 1862 году 9 мая», — прочел еще раз Хигаки и попросил Надю: — Надя-сан, не могли бы вы объяснить нам, кто такие пахотные солдаты?

«А вы уж позабыли за то время, что мы не видались, что зовете меня не Надя-сан, а госпожа Надя», — хотела сказать девушка, но сдержала себя.

Она объяснила, что деревни окрест Медведя превращены были известным русским деятелем Аракчеевым в военные поселения. В таковых жили солдаты, часть которых обращена была в хлебопашцев (пахотных солдат), содержавших крестьянским трудом своих товарищей по полку. Штаб же их располагался в Медведе в Аракчеевских казармах, где ныне под русской охраной жили японцы.

— У нас, как и у вас в Японии, мне известно, — Надя глянула на Хигаки, — крестьяне бунтовали. Не обошли бунты и наши военные поселения. Однажды бунт, особенно сильный и кровавый, с убийствами офицеров, охватил все военные поселения Новгородской губернии. И только единственные медведские военные поселяне не приняли участия в бунте. За то потом, приехав в Медведь, лично благодарил их наш царь, Николай Первый. Государь также пожаловал нескольким медведцам золотые и серебряные медали «За усердие» и освободил поселян от казенных податей. В ответ медведцы установили этот бронзовый памятник императору в человеческую величину.

— Похвальное служение вашему императору, — серьезно сказал Хигаки.

— Нет. Никакого служения.

— Что вы имеете в виду, госпожа Надя?

— О! Вы вспомнили!.. Что ж. Бывает, мы не подозреваем об истине, поскольку она сокрыта от нас. Как солнца сейчас якобы не существует, потому что между ним и нашими глазами — облака. Здесь истина сокрыта в том, что «верные» медведцы вовсе не были преданы царю. Попросту в самом начале восстания начальник округа предусмотрительно отправил военных поселян на... дальние покосы. И они ничего не знали о происходивших в соседних округах бунтах. Впрочем, это спасло их от сурового наказания и даже смерти. Вы можете пересказать это своему другу. От меня более не требуется услуг?

Хигаки коротко пересказал своему спутнику ее слова. Смешливый паренек посерьезнел и что-то отвечал.

— Кавабата, как и я, вспомнил, госпожа Надя, о том, что примерно в те годы, как установили ваш памятник, в 1877 году, в Японии случился великий мятеж — Великое Сацумское восстание.

- Против вашего императора?
- Нет, мы не можем восставать против императора, — снова серьезно, с почтением в голосе отвечал Хигаки. — Стали бы вы, госпожа Надя, восставать против Бога? Самурай... великий воин Сайго Такамори собрал войско против правительства. Мятежники выступили против политики включения иностранцев в жизнь Японии. Они проиграли, поскольку приняли бой с войском правительства, втрое-вчетверо большим. По преданию, в ночь накануне боя соратники Сайго Такамори и он сам играли на музыкальных инструментах и сочиняли дзисей но ку... традиционные предсмертные стихи. Эти стихи записаны и известны нам.
- Традиционные?!
- Если самурай... воин уверен, что умрет, он сочиняет предсмертные стихи.
- Но ведь они не могли точно знать, что погибнут?
- Смертные стихи пишутся и перед сэппуку. Такой великий воин, как Сайго Такамори, не мог сдаться в плен. В том сражении он был ранен. Такамори сел лицом в сторону, где, по его предположению, был дворец императора, и сделал себе сэппуку, а его соратник мечом отсек ему голову. Госпожа Надя, я вижу, вы поражены. Я поясню еще раз: мятежники восстали против правительства и неверных его решений, а не против императора. Императора они боготворили, как все мы. Они отдали жизнь — за него. Это отражено и в их стихах. Желаете, я прочту вам?
- Да, я со вниманием послушаю, но... Я не очень поняла другое. Что такое сэппуку?
- Это когда самурай режет живот самому себе мечом, а помощник отсекает ему мечом голову.
- Получается, это... самоубийство?
- Да. Это самоубийство для сохранения чести.
- Мне, признаться, нелегко это понять. В русской традиции самоубийство — тяжелый грех. Христианину должно нести все тяготы жизни до ее конца, который назначает Бог. Мы считаем, что самоубийца — преступник против Бога. Таких у нас не отпевают в церквах и даже не хоронят на кладбищах — только за оградой.
- Это большая разница между нашими обычаями, госпожа Надя. В Японии жена, например, может по своему желанию лишиться себя жизни, если ее муж умер. Дети могут сделать то же, если отец умер, или же по общему решению из-за жизненных обстоятельств вместе с отцом и матерью совершить семейное самоубийство. Конечно, это крайняя мера. Но мы по-другому относимся к смерти. Мы не боимся ее и считаем переходом в жизнь на небесах, а оттуда — к новому рождению на земле.
- Так что же... Когда тот мальчик Проша прыгнул в воду... Вы сочли это естественным?
- Да, поскольку вы сказали мне, что умер его отец.
- Но это невероятно!!! Простите. Я, возможно, задену ваши национальные чувства таким замечанием, но я уверена, что жизнь на земле одна, и она слишком ценна, чтобы с ней желать расстаться! Драгоценности жизни — вечно движущаяся природа, сердечная музыка, возвышающая душу литература и иные искусства, ум и добрые чувства каждого человека! Я хочу видеть это, слышать, ощущать и понимать так долго, как будет мне дано!!!
- Госпожа Надя, вы хотели послушать стихи самураев Сайго Такамори, написанные ими в ночь перед последней битвой?
- Да, пожалуй!
- Я помню хорошо одно из них:

Я сражался за дело императора.
Какая радость — умереть подобно

Окрасившимся листьям,
Падающим в лесу
Еще до того, как их коснулись осенние дожди!

— Нет, нет, даже после таких прекрасных стихов я не соглашусь с вами! Но выходит — я не видела солнца за облаком? Ведь я не знала ничего о вашем обычае! Отчего же вы мучили меня? Отчего не сказали сразу? Знали бы вы, как часто за эти долгие дни я возвращалась памятью к вашему поступку! Я никак не могла соотнести то, что я знаю о вас, с тем, что вы не прыгнули за этим мальчиком!!! Мысль моя все обращалась к той минуте... Человеку ведь свойственно верить в людей! Я сейчас, знаете, шла и думала: мы бессознательно отыскиваем в людях добро так же, как сейчас, поздней осенью, отводим глаза от некрасивых черных ветвей и гнилой ветоши листьев и ищем взглядом уцелевшие золотые и багряные кроны!

— Во всех ли людях, госпожа Надя? Или только в тех, кто... нужен нам?

— Ну, знаете!!! Хигаки-сан! Вы невероятно откровенны, даже дерзки для самого себя! Это впервые с вами! Что ж вы смеетесь? Вы — хитрец! Вы так и не отвечаете: отчего вы сразу не сказали мне тогда о своем национальном обычае, не объяснились?

— Я не знал о вашем.

— И узнали только сейчас, от меня?

— Нет, раньше. Но вы бы не слушали меня в то время. Тогда вы не хотели искать солнца за тучей.

— Бедный ваш Кавабата! Он промерз и припрыгивает вместе с передразнивающей его вороной. Вам необходимо идти?

— Мне — нет. Кавабата ждет одного человека.

Стройная высокая фигура Катерины Курочкиной появилась недалеко, Катя плавно, появившейся у нее недавно походкою шла от церкви Святой Троицы. Теперь Надя вспомнила, где она видала смешливого Кавабату. Ну конечно! Эта юркая фигурка уже несколько недель то тут, то там мелькала за забором в Катеринином дворе: и ворота вместе с забором были выпрямлены и более не походили на пьяницу, поддерживаемого с обеих сторон такими же падающими забулдыгами; крыльцо белело новыми досками; стены дома сияли чистой голубой краской, на которую дал деньги театр.

Кавабата поклонился и убежал к Катерине.

— Так вот про какого японца Катя говорила мне!! Тогда у меня к вам, Хигаки, еще один вопрос о ваших, я предполагаю, национальных обычаях.

— Спрашивайте, госпожа Надя.

— Этот ваш Кавабата спрашивает недавно Катерину: «Будете ли вы готовить мне суп?» Она на то отвечает: «Какой суп? Селянки, что ль, хочешь али ботвиньи?» А он вдруг покраснел и убежал от нее. Что бы сие значило?

— Вы убеждены, что он спросил именно так?

— Да. Хотя бедный Кавабата не говорит по-русски, и это — единственная фраза, которую он заучил и принес ей. Быть может, он ошибся, или она не так поняла? Что это за таинственный суп? Ах, простите, я не подумала — это вообще прилично?

— Он предлагает госпоже Катерине выйти за него замуж.

— ??? Вот как?! Объяснитесь, пожалуйста!

— О, хитрый Кавабата скрыл это даже от меня! Он взял бумагу и спрашивал меня о звучании на русском языке разных слов и записывал. Этими словами Кавабата признался госпоже Катерине в... чувстве. В японском языке нет такой фразы, как...

— Я люблю вас?

— Д-да.

— Нет слова «любить»?

— Есть. Есть это слово, и слово «я», и «вас». Но не существует сочетания этих слов¹²⁴. Поэтому японец, когда предлагает девушке выйти за него замуж, говорит: «Не могла бы ты готовить мне суп?» или «Ты можешь стирать мое белье?»

Надя расхохоталась:

— Очевидно, сегодня Кате предстоит выслушать и это предложение — и она, добрая душа, ведь возьмет у Кавабаты рубашку постирать! О! — Надя стала серьезной. — Но ведь нужно ее предупредить! — И они с Хигаки заспешили вослед далеко уже ушедшей паре. Надя искоса поглядывала на спутника с некоторой досадою.

— Вы хотите что-то спросить меня, госпожа Надя?

«Хотели бы вы, чтобы я готовила вам суп?» — вот что она желала бы спросить. «Отчего Кавабата решился первым, а не вы?» — вот что задевало ее. Может, спросить про суп — а после представить все шуткою? Но нет, нельзя — нельзя даже после того, что Хигаки сказал однажды о русских женщинах: они решительны, смелы и открыты — свойства, которых он не встречал в японках и которые нравятся ему. И она произнесла, нечаянно наспех покрывая свои мысли, увы, слишком прозрачным покровом:

— Нет такого, как вы. Мы говорим с вами на одном языке.

6.

20 октября, поздним вечером накануне именин и дня рождения Нади, начал падать первый снег.

Белые крупинки были столь малы, что не верилось, что, даже соединясь миллионами, они станут видимыми на темной земле. Но уже через пару часов снежный тончайший покров был нанесен — как наносится на купол храма сусальное золото, молотом расплющенное так, что его разглаживает только своим выдыханием мастер и рвет малейший ветерок — по сучьям оголившейся березы под Надиным окном, меж черными ребрами черепицы на крыше соседского дома, забелил землю. При близком взгляде на снеге сверкала золотая пыль.

Каждую зиму чудо первого снега, давно знакомое и ожидаемое, все же неизменно поражало Надю. И теперь она стояла у окна в своем доме, с восхищенной улыбкою переводя глаза с белых узоров на сизо-белесое от невидимо падавшего мелкого снега небо.

Чудо состояло в оптическом явлении. Темной ночью неосвещенный двор, сад, огород оказались словно под фонарем. Белый фон земли и неба высветил все предметы: четко видна была каждая досточка забора и сарая, ветки и самые малые сучки близкой к окну березы; короткая щетинка травы зеленела над белым покровом...

— Не спишь, Надёжа? — мама подошла к Наде и тоже посмотрела в окно. — Первый снег на сухую землю лёгше — жди, утром стает. Хотя супротив другá примета исть: снег к ночи — останецце. Поглянем утром...

— А знаешь, мамочка, в Японии в северных частях страны тоже бывает снег. И когда выпадает первый снег, у японцев — праздник... Все собираются смотреть на него. Хигаки говорил, некоторые для того нарочно выезжают на лодках кататься.

— На лодках? — мама засмеялась. — Эки издивленники! Што ж тут зарадья в снеге-та? Для землицы тока хорошо, а для нас — зима пришёдце, одежду-обувку имей, дров расход.

— Это ведь красиво!!! Хочешь, я тебе стихи японские про снег почитаю? Поэты старинные сочинили. Мне Хигаки рассказал по памяти, а я записала.

¹²⁴ В современном японском языке сочетание «Я люблю тебя» или «Я люблю вас» по-прежнему отсутствует. Интернет-переводчик выдаст вам эту фразу в японском словаре на английском: «I love you» (Прим. авт.).

— Да время у мни нет! Дянки¹²⁵ новии тебе нада начить вязать, шерсть я справше.
 — А они короткие. Японцы коротко сочиняют.
 — Это онѣ молодцы. Работащи, значище. Ну давай, што ж, — мама неловко при-
 села на стул у Надиного стола.

Надя принесла голубую тетрадку:

— Вот послушай.

И поля, и горы —
 Снег тихонько все украл...
 Сразу стало пусто¹²⁶.

— Всѣ, што ль?

— Да. Правда, хорошо? Картина! Знаешь, у Хигаки дома в Японии есть книжка с картинками: один японец, изучив под микроскопом снег, зарисовал две сотни видов снежинок. И дал этим видам названия¹²⁷. А вот еще, послушай:

Должно быть, друзья
 Боятся, что снег не растаял,
 Зайти не спешат,
 А слива у хижины горной
 Белеет не снегом — цветами¹²⁸.

— От энта оны угадавшие! — засмеялась мама. — Как занесет по зámяти¹²⁹ снег на-
 шим апонцам двери Ракчеевских до крыши — всем миром прийдём их со двору ло-
 пátам откапавать!!!

— Мамочка! Это же сравнение в стихах! Это... не совсем про то, что ты говоришь...

— Што ж мы, не понимаем, што ль?! И у нас небось равнение исть, — мама задума-
 лась, припоминая, и вдруг негромко запела:

Снежки белыя, пушистыя
 Покрывали все поля.
 Одно поле не покрыто —
 Горе лютное мое,
 Одно поле да не покрыто —
 Горе лютное мое...

Под эту песню, протяжную и грустную (Надя вспомнила, что слышала ее от мамы в детстве, когда умер отец), со странным мотивом — невыразительным настолько, что его будто вовсе не было, но завораживающим, как звучание вьюги, — Надя прилегла на кровать и незаметно для себя уснула. Мама накрыла одеялом и погладила свою Надёжу по голове. Потом, тяжело переступая — уже давно при приходе снега или дождя у нее начинало «тушно лóмить» руки и ноги, — взяла на столе голубую тетрадку и под светом лампы, трудно собирая буквы в слоги, прочла, повторяя на слух со своего голоса каждую строчку:

¹²⁵ Дянки (шимск. диал.) — варежки.

¹²⁶ Дзёсо.

¹²⁷ Дои Тосицура в 1833 году издал книгу «Атлас снежинок». Во втором издании «Атласа снежинок» 1840 года зарисовано 195 видов снежинок. Рисунки получили широкое распространение в Японии.

¹²⁸ Кагава Кагэки.

¹²⁹ Зámять (диал.) — вьюга.

Снега холодней,
Серебрят мои седины
Зимняя луна¹³⁰.

* * *

К следующему утру первый снег растаял. Надя отправилась на занятия в школу.

Входящие в классную комнату ученики поздравляли ее «с днем ангела» бумажными самодельными ангелками и обрадовавшими Надю подписанными открытками. От родителей еще до прихода учительницы был поставлен на столе фирменный чайный ларчик с надписью «Петра Боткина сыновья». Ларчик пришлось принять, так как Надя подумала, что обидит даривших. Впрочем, она тут же объявила детям, что теперь будет на больших переменах пить с ними подаренный чай. Затем пришел школьный сторож и передал Наде посылку в обыкновенной коричневой оберточной бумаге. В ней обнаружилась бонбоньерка¹³¹ из серебра, покрытая цветной эмалью, с выгравированными Надиными инициалами; внутри — театральные леденцы.

— Что же это? От кого такая роскошь, голубчик Антон Сергеевич? Неужто Александр Петрович Калядин выдумал???

— Да не! Алексан Петрович с другими читилиями вам циклопию дарят! — выдал секрет сторож. — А то малец-посыльный принесше, не казавше от ко́ва.

Надя увидала в пакете не замеченный ею сначала небольшой предмет. Это был ножичек из слоновой кости для разрезания книг¹³². На конце его ручки рельефно вырезаны были театральные маски: на одной стороне — плачущая, на обороте — смеющаяся¹³³. В середине ножичек сужался и в этом месте имел «поясок» из мелких бриллиантов.

— Отнесите... отдайте все это обратно, пожалуйста!!! — вскричала ошеломленная Надя.

— Кому ж я отдам, барышня... Надежда то есть Васильна? Малец-то убежавше. А я ить всих-та мальцов в округе не знаю!

В классную комнату вошла делегация педагогов под руководством Калядина.

— От всех нас, уважаемая Надежда Васильевна, примите в день именин и по случаю первого года преподавания в нашей школе! — сказал Александр Петрович, преподнося Наде «циклопию» — драгоценный дар — три тома «Всенаучного энциклопедического словаря В. Ключникова»¹³⁴.

Делегация разошлась по классам, и Карпова тоже начала урок. Она уже решила, как поступить с бонбоньеркой и ножичком: в конце учебного года наградить ими двоих лучших по успехам учеников — и тут же объявила об этом классу. Успокоенные мысли ее вернулись к учебе.

Хорошо, что сегодня уехал по служебным делам в Новгород заведующий школой Евгений Андреевич Талызин! Непослушная Надежда Васильевна, что нерадивый ученик, то и дело нарушала заведенные правила и программы!

¹³⁰ Дзёсо.

¹³¹ Бонбоньерка (франц. Bonbonnière — «конфетница») — красивая коробка для конфет. Высокие бонбоньерки в форме куба или сундучка изготавливали из серебра, меди, латуни, жести.

¹³² В начале XX века из-за отсутствия гидравлического пресса и ножа, способного разрезать толщину книжных страниц, типографии печатали книги, страницы которых читатели сами разрезали специальными костяными, деревянными или металлическими ножами. Эти же ножи использовали для вскрытия почтовых конвертов.

¹³³ Общеизвестный символ театрального искусства — смеющаяся и плачущая маски — берет начало в древнегреческом театре.

¹³⁴ Первый русский краткий словарь. Вышел в 1878–1882 годах. Содержал 110 000 слов.

— «От природы получил он необыкновенные способности: сердце глубокочувствительное, душу, исполненную незасыпающей любви к прекрасному, ум светлый, обширный и вместе тонкий, так сказать, до микроскопической проницательности, и особенно внимательный к предметам возвышенным и поэтическим, к вопросам глубокомысленным, к движениям внутренней жизни, к тем мыслям, которые согревают сердце, проясняя разум, — к тем музыкальным мыслям, в которых голос сердца и голос разума сливаются созвучно в одно задумчивое размышление». Что это такое, Надежда Васильевна??? — вопрошал, бывало, после очередного урока строгим пущенным голосом Талызин — пожилой уже человек, ставший первым заведующим школой четверть века назад, спина которого с заметным усилием сопротивлялась силе времени, клонившей корпус книзу. Мягкие полные губы заведующего чуть распускались, как у недовольного ребенка, а глаза со строгим выражением уставлялись на молодую учительницу.

— Это записки из «Татевского сборника» Рачинского¹³⁵, Евгений Андреевич! Высказывание о Боратынском. А Рачинский, как вам известно, — персона, чьи учебные книги и педагогические воззрения одобрены лично государем!

— Разве же «Татевский сборник» именно рекомендован в сельские школы Его Императорским Величеством?

— Нет.

— Так как же вы, Надежда Васильевна, берете на себя ответственность изменять школьные программы?

— Я, Евгений Андреевич, беру на себя ответственность обучать детей. И именно тех детей, которые в сей час сидят у меня в классе. А я убеждена, настаиваю, что в таком сердечном и жизненно наставляющем предмете, как литература, и тема учения, и приемы объяснения обязаны зависеть от двух вещей. От того, во-первых, какие вопросы рождаются в головах и сердцах конкретных детей в конкретном классе, во-вторых же, от того, что содержится в голове и сердце их учителя. Так вот мои дети задали мне нынче на занятии арифметикой этаким вопросом: «Это тот дядя, что наш учебник по счету сочинил, он же и казармы в селе построил?» То есть в их головах по созвучию спутались Аракчеев и Рачинский!

— Ну и разъяснили б вы им разницу коротко.

— Простите, не соглашусь. Нет ничего интереснее в изучении истории государства, чем история жизни выдающегося его гражданина! Узнайте больше таких историй в раннем возрасте — и сами скорее станете хорошими гражданами своего Отечества! Разве не этому нам должно учить детей? Разве не в том — главная задача нашей с вами школы, господин заведующий?

— Э, Надежда Васильевна! Эти граждане Отечества лет так чрез пять пойдут до гробовой доски лен трепать за пятиалтынный¹³⁶ в день, ежели позади сохи не встанут —

¹³⁵ Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — российский ученый, педагог. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Основал в родовом селе Татево первую в России сельскую школу с общежитием для крестьянских детей и художественной мастерской. Последователь идей немецкого педагога Карла Фолькмара Стоя и Л. Толстого, с которыми вел переписку. Главный в России идеолог церковно-приходской школы. Поддерживал идеи единства церкви и школы. Основал пять народных школ на личные средства. Опубликованные заметки о сельских школах и книга «Сельская школа» способствовали развитию национальной педагогики. Издал три пособия по математике («1001 задача для умственного счета», «Арифметические забавы», «Геометрические забавы»). Напечатал «Татевский сборник» с письмами и произведениями Е. Боратынского, В. Жуковского, А. Фета, П. Вяземского, хранившимися в имении Татево. Николай Второй писал Рачинскому: «Школы, вами основанные и руководимые... стали... училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений».

¹³⁶ 15 копеек по дореволюционному курсу.

вот и весь будет итог их учения. Для жизни только четыре правила счета им нужны да начатки грамоты; единицам — умение складно говорить, тем, к примеру, кто в приказчики пойти размечтается. Матери их сейчас уже дома за нас с вами бранят: «Поглядите, каки книжники по лавкам сидят, лучше бы к кузнецу просились на выучку!» А вы им — «Татевский сборник» да Боратынского! Еще как инспектор из города, не дай мне боже, на это дело, вдруг застав невзначай, посмотрит!

— Ну и очень обидно, что имен Некрасова, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Толстого, Чернышевского нет в обязательной программе даже гимназий! Мне подруга писала — она учит французскому в мужской гимназии в Петербурге¹³⁷ — пушкинское «Я помню чудное мгновенье» не позволяют изучать «из соображений целомудрия»! А при том гимназисты-мальчики на переменках показывают друг другу порнографические картинки! «Три мушкетера» Дюма не рекомендуются из-за опасности духа волнений. Но не более ли опасности в том, что гимназисты носят кнуты под жилетами, чтоб драться после занятий с враждебной школой, или отбивают шуточные крепости нешуточными кирпичами и булыжниками, а после берут дань с проигравших? Чего же мы боимся? Боимся не только Пушкина — но и неудобных вопросов учащихся! Моя подруга из женской гимназии Новгорода пишет: гимназисткам воспрещается задать вопрос на уроке без присутствия классной дамы, нельзя задать вопрос по неоговоренной заранее теме, нельзя заговорить с учителем на перемене или вне школы. Ах, неправда, что учитель должен только учить грамоте и счету! Он и чувствам должен учить! Человек так устроен — ему необходимы чувства! Он питается ими точно так же, как хлебом. Тот же, кому в детстве не давали переживать высокие чувства, будет скоро или впоследствии искать низменные, ибо это проще!

— Вы, Надежда Васильевна, прошу простить за резкость, кажется, по доброй воле взяли на себя роль социального персонажа нынешнего писателя новомодного... то ли Скорбного, то ли Бедного, ах нет, Горького...¹³⁸ Там у него кто-то вырвал сердце свое из груди¹³⁹ и из него извлек чудесным образом искры, дабы осветить путь людям-с...¹⁴⁰ Да только сердце это непочтительные спасенные-то и втоптали в грязь, нарочно втоптали, н-да-с, таков сюжетец... Вот так-то! — удивлены? — да, и мы читаем новое, и мы шагаем по одному пути с современностью, хотя и не в ногу... Позвольте всё ж повторить вам слова ваши же: гимназическая программа — именно гимназическая!!! Сиречь¹⁴¹ — для городских детей из небедных и имеющих традиции образования семейств. А ваши подопечные, смею вас спросить — возраста от осьми до двенадцати годков, каковые в школу пришёдце на зиму, пока на полях и огородах работ нет, — хотя строчку поймут в Боратынском? Им у форшта¹⁴² хором тридцать пять букв¹⁴³ выкрикивать по написанному — и то достижение!

¹³⁷ В конце XIX — начале XX века было разрешено женщинам преподавать иностранные языки в мужских средних учебных заведениях в случае нехватки учителей-мужчин.

¹³⁸ Г. Н. Жулев (разночинец) имел псевдоним Скорбный Поэт, Е. А. Придворов (по происхождению крестьянин) — псевдоним Демьян Бедный. Псевдоним Горький имели два писателя: И. А. Белосусов (родился в семье портного) и, позже Белоусова, А. М. Пешков. Алексей Пешков (Максим Горький) — сын столяра, окончивший два класса начального училища, революционер, пять раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

¹³⁹ Данко — человек, вырвавший сердце, чтобы осветить путь людям, персонаж рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль» (1894).

¹⁴⁰ Частица «с», прибавляемая к концу слов в русском языке, в XIX веке означала знак почтения к собеседнику, к концу XIX века приобрела в определенных ситуациях ироническое значение.

¹⁴¹ Сиречь (устар.) — то есть, иначе говоря, иными словами.

¹⁴² Демонстрационная доска в классе (устар.).

¹⁴³ До реформы письменности, связанной с революцией 1917 года, русская азбука насчитывала 35 букв, а не 33, как сейчас.

— Сейчас не поймут, а что-то заложится. Кто продолжит учебу — в том будет и наша заслуга! В других же останется уважение к книге и стремление к подниманию ввысь своей души — и это очень много!

— Чтение книг без разбору дает вредное влияние на юношество. Да, и кстати же, Надежда Васильевна! Вы принесли в школу волшебный фонарь? Показ туманных картин, сопровождаемый чтением, инспекцией допускается, но потрудитесь мне передать точную копию читаемого!

Так заканчивались обыкновенно разговоры учительницы и заведующего. Сегодня упрямая Надежда Васильевна снова взялась за свое. «Бородино» Лермонтова, конечно, не входило в школьную программу.

— Гляньте-ко, Надежда Васильевна! — подошли к ней сегодня утром после поздравлений старшие девочки (класс Карповой, как у всех учителей, был смешанный, от восьми до двенадцати лет, мальчики и девочки вместе). — Ерошка, покажь!

— «Егорий»! — хвастливо сказал малолетний владелец солдатского серебряного Георгиевского креста¹⁴⁴, принеший награду в школу, Ерошка Паничев. — Моёва бати дед с Бородина принес.

— А что такое Бородина, Надежда Васильевна? — класс смотрел на учительницу. Что ж? Вместо урока русского языка ей по памяти пришлось восстанавливать:

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

.....

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!..

— А мой батя — богатырь! — возразил учительнице Паничев. — И деда батин. И я буду! Сбегу с дому и на станцию — поеду ипошек бить!!!

Мальчики согласно зашумели.

— Вот вы читали, Надежда Васильевна, — встала (Карпова разрешала детям без спору высказываться, только вставая или поднимая руку) старшая и самая разумная ученица Зина Копейкина. — «Ребята! не Москва ль за нами?»

— У тебя хорошая память, Зина, — похвалила учительница.

— А разве ж японцы сейчас под Москвой?

Только тут Надежда Васильевна поняла, в какое сверхтрудное положение она попала. Ей надлежало объяснить крестьянским и купеческим малым детям внешнюю политику государства, неясную и большинству взрослых. Строгий ироничный взгляд заведующего школой возник в ее памяти: «Нуте-с, госпожа Карпова? Будете вы вперед изменять программы?»

Однако было поздно: свернуть, схитрить — значило лишиться доверия детей. И она, останавливаясь перед каждой фразой, добросовестно объяснила, что могла, о действиях Российской империи на Дальнем Востоке.

— Зачем же мы воюем не за нашу землю? — прямо спросила Зина Копейкина. — Ведь не Москва же за нами.

— Мы воюем, потому что теперь уж поздно. Японцы напали на нас. Не остановить их — могут войти и в Россию, и в Москву.

¹⁴⁴ Георгиевский крест — высшая награда для солдат и унтер-офицеров в Русской императорской армии с 1807-го по 1917 год. Только за период правления Александра Первого (1807–1825) было пожаловано 46 527 таких знаков отличия.

— Вы... — Зина запнулась, подбирая слово, и вспомнила, взрослое: — Осуждаете нашего царя?

— Я никогда не возьмусь судить политику, — сказала Надежда Васильевна. — Не возьмусь, потому что мы не знаем и знать не можем, что делается вовне государства и внутри него, чтобы хранить мир. Мое мнение: ежели внутри какой страны стоит мир, значит, государь этой страны действует правильно.

(«Что ж это я? Почти как Хигаки — у того император всегда прав, — пронеслось в мыслях у Нади. — Но я сейчас действительно так думаю.»)

— Я с вами не согласна, — сказала Зина.

Дети зароптали. У другого учителя Зина немедленно получила бы линейкою по рукам за дерзость, а то девочку оттащали бы за косы, оставили после занятий на час или заставили стоять весь урок; уж наверняка привели бы на беседу к заведующему школой. Поговорку «Бойтся школьник лозы — пуще грозы!» большинство педагогов полагало основной методкой воспитания озорников и повес. На лице же Надежды Васильевны отразилось почти болезненное сомнение: ей и хотелось дать высказаться ученице, и было боязно и неловко оттого, что сама учительница не вполне разобрала в душе своей предмет спора. За классным окном неожиданно раздались странные звуки.

* * *

Хигаки стоял в школьном дворе под окном Надиной классной комнаты с удивительной вещью в руках.

Вещь представляла собой не совсем ровно, очевидно, вручную обструганный деревянный брусок с прибитой к одной его стороне длинной и узкой дощечкой так, что получилось что-то вроде балалайки, но с несколько скругленным квадратным корпусом. Виднелись натянутые струны. Хигаки прижал брусок к себе и, дергая пальцами струны, снова извлек не похожие ни на что звуки.

«На дровах играют, издивленники!» — вспомнились Наде слова школьного истопника Филиппа Ильина. Ильин топил и в Аракчеевских казармах и приносил оттуда сплетни и самые удивительные впечатления.

«Пришѣдце ко мни апонцы и показыват — дай, мол, от дровец обрубки ненужныи, поровней да потолще, — делился недавно истопник со сторожем в школьном дворе, когда там же Надя приглядывала на большой перемене за школярами. — А им попробуй не дай! Я ить провинивше перед ими... — истопник с удивлением мотнул головой. — Оны давеча те же дровы колдовше. Тюк да тюк, тюк да тюк — и этак полдня без продыху и башки не подымут. Безобразие одно! Я и плюнул ненарочно, тьфу, мол, говорю, надо же, каки старательны. А апонцы — в крик, мол, обидели их, русски мужики на их плюются. Бумагу накатавше на мни жалабную. С той поры я с ими молчу. От греха подале. А дров дал им. Че не дать — казенныи! Так-то апонцы народ ниче, хороший. Сердитый тока. Понятно, сердяцце, как волчонок кусакий в клетке, хоть ты чистым мясом его корми. Мы уж замиривше с ими. Я к им ходивше смотреть, как оны на дровы-то струны приделавше и играют! — Филипп засмеялся. — Ничѣ так, жалостно. Тока музы́ки нет. Игра исть, музы́ки нет».

Надя теперь вспомнила этот рассказ: музы́ки, как выражался Филипп, гармоничной, в ее понимании, мелодии она и впрямь не могла выделить в звуках инструмента Хигаки. Она открыла форточку, чтобы лучше слышать.

Ученики, видя, что учительница забылась, и чувствуя, что это можно, сбежались без разрешения к окну тоже.

— Зачем это, Надежда Васильевна, он играет? — спросила Зина.

— Есть такой обычай, когда под окном поют песню. Это... род, пожалуй, подарка. Только невестственного.

— Эту игру он дарит вам? На день ангела?

Девочки заулыбались, а мальчишки захихикали.

Хигаки остановил игру и поднял глаза к Надиному окну. Звук, однако, без его участия снова возник, иной. Инструмент Хигаки пел отрывисто, грустно, низким голосом. А новое звучание было на высоких нотах, баламутное, озорное.

— То ж дядя Митя Поликалов! — сказал удивленно кто-то из детей. Теперь только Надя увидела быстро шедшего от ворот школы к японцу Митя с балалайкой в руках.

Пять минут назад бродивший у школы Митя, увидев игру японца, сломя голову понесся домой (изба его была рядом со школой) и схватил старую двухструнную¹⁴⁵ балалайку, сам неясно понимая, что же он хочет делать.

Не зная явления серенады¹⁴⁶, он огорчился тем, что соперник его делает сейчас что-то благородное, недоступное ему, Митьке, и, как Митя чувствовал и без взгляда на Надино лицо за окном, такое, что должно было ей непременно понравиться. Сельские парни пели песни у девок под окнами — но то были частушки со смыслом любовным или сальным. Ходили с гармоникой вечерами и ночами по селу, с песней и без, задерживаясь у изгороди дома зазнобы. Но в том, что японец пришел открыто, на глазах у людей, и игра его была серьезной, было особенное.

И Митька, так же без размышлений, как кинулся в воду за Прошкой на Надин отчаянный крик, теперь с балалайкой наперевес, будто с ружьем, от школьной калитки метнулся к ее окну и заиграл что Бог на душу послал, отчаянно, с силой ударяя по струнам.

И Хигаки тоже снова начал игру.

Два инструмента играли сначала каждый свое, пытаясь перекрыть силой звука друг друга. Когда какофония стала нестерпимой, балалайка, словно признав силу соперника, остановилась и немного погодя начала повторять за японским инструментом, припоровившись в конце концов так, что зазвучала с ним почти в унисон.

Почти нежный, «женский» звонкий утешающий голос балалайки и более отрывистый, нервный, «мужской», приглушенный и низкий тембр японского инструмента (Надя вспомнила его название, которое как-то упоминал Хигаки: сямисен) слились в удивительной красоте, основанной не на мелодии, четкую линию которой по-прежнему было трудно выделить, а именно на ладности и разности звучаний.

Дети в Надином классе слушали, кто-то даже приоткрыв рот. На всех личиках, и у Ерошки, недавно собиравшегося на фронт «бить ипошек», и у строгой Зины, было хорошее выражение, часть воспринятой гармонии, как отсвет согревающего огня...

...Импровизированный концерт оборвал приехавший из Новгорода заведующий школой. Евгений Андреевич обошел с тыла увлекшихся исполнителей и громко спросил:

— Что за музыкальный дуэт — или же дуэль — позвольте узнать, господа? Бретёрство у стен учебного заведения???

Надины дети порскнули от окна, но заведующий успел увидеть их. Музыканты, ухватив половчей свои громоздкие инструменты, согласно побежали прочь. Появившись через пару минут в Надином классе, заведующий увидел доску с написанным «М. Ю. Лермонтов. „Бородино“ (1837)» и саркастически сказал:

— Я умываю руки!

И ушел.

— Кушать, верно, пора, — раздумчиво сказала самая маленькая девочка, Клава Карпушкина, на прощальные слова заведующего.

¹⁴⁵ Русские балалайки до конца XIX века имели овальный корпус, две струны и длинный гриф.

¹⁴⁶ Серенада (итал. serenata, от sera — вечер) — музыкальная композиция, исполняемая в чью-то честь, чаще всего для возлюбленной, обычно в вечернее или ночное время и часто под ее окном.

— Да, перемена, — потерянно отвечала Надежда Васильевна. — Что ж? — Голос ее ободрился: она вспомнила про свой праздник и решила, что все же сегодня необыкновенный день. — Нет-нет, прячьте обратно в карманы и сумки ваши печеные яйца¹⁴⁷, хлеб с луком-солью да копейку на бублик! Будемте чай пить из нашего нового ларчика! Зина, достань, пожалуйста, из вот этой красивой бонбоньерки леденцы, посчитай и подели поровну между всеми вами. Если выйдет неровно, дай больше младшим. Сейчас посыльный по времени к нам придет из лавки с медовым тортом! Я угощать вас буду как именинница.

— Надежда Васильевна! — сказала ей явно в утешение Зина. — Я вам тоже хочу подарок сделать... невещественный. Обещаюсь к следующему уроку «Бородино» заучить и вам рассказать.

— И я! И я! — раздались несколько голосов.

— Вот это для меня — самый лучший сегодня подарок!!!

— Завтра, можа, не приходите? — так же раздумчиво спросила Клава Карпушкина.

— Почему? — растерялась Карпова.

— Третьёводни¹⁴⁸ были именины у купца Запутяева, так други учителя вчерась в школу запоздали, — пояснил Ерошка Паничев. — Не семь часов учили, а три. А мы ждали. А Кл... энта, мелкая, с Нижнего Прихону пешком ходит. Шесть верст¹⁴⁹ в один конец.

— И другие ребята ходят с деревень: с Верхнего Прихона, Щелина, Раглиц, — добавила Зина. — Вот Клава и спрашивает: может, не приходите ей завтра-то?

— Нет-нет, приходите все! Я буду вовремя!

* * *

А в школьном дворе в это время сторож пересказывал истопнику, как «Митька Поликалов с апонцим выкобеливались, кто гульче¹⁵⁰: ён на балалайки али тот на дровах».

— Можа, надо было тому санку¹⁵¹ сломать? — предлагал альтернативное развитие событий истопник.

— Не-е! Политической скандал, што ты?! У энтова... у стен учебного заведения! Оны так, по-культурному. Один наскакиват, другой подначиват. Издивленники! Митюха-то наш ладно играют, живой рукой!¹⁵² Можа, проценит зазноба-то?! А то всё ноздри на сторону от ево.

— Нищий, што сытый, што голодный, одним голосом поет, — неожиданно и непонятно философски отвечал поговоркою истопник.

7.

После Ляоянского сражения в Медведь прибыло еще несколько сотен японских пленных, общее число их превысило тысячу.

¹⁴⁷ Самым распространенным способом приготовления яиц в русских крестьянских семьях было каление и запекание. Каленые яйца долго держали в печи в закрытом горшке без воды. Печеные яйца запекали в золе, проткнув скорлупу иглой. Такие яйца долго не портились, их продавали на улицах разносчики, возили в карманах извозчики и кучера.

¹⁴⁸ Третьёводни (шимск. диал.) — позавчера.

¹⁴⁹ Около шести километров.

¹⁵⁰ Громче (шимск. диал.).

¹⁵¹ Сánка (шимск. диал.) — челюсть.

¹⁵² Живой рукой (шимск. фразеол.) — быстро.

Было начало января нового, 1905 года. Недавно сельчане отпраздновали Рождество и Новый год.

— Ах, как интересно мне Максим рассказывал про нынешние праздники! — говорила подруге Настеньке Сонечка, супруга молодого миллионера Максима Гаврилина. (Молодые женщины прогуливались по медведскому бульвару.) — Вообрази: мы в России живем по календарю... ах, я не помню точно названия, но Франция, Великобритания и много-много стран живут уже давно по иному исчислению времени. Максим говорил, нужно вперед сдвинуть на тринадцать дней. Вот сегодня, к примеру, девятое января. Значит, должно быть — двадцать второе. Мы на тринадцать дней отстаем от Европы!

— И Великобритания? — оживилась Настенька от каких-то своих дум.

— Нет, Великобритания не отстает. Ах да, я же сказала — и Великобритания по тому, новому календарю! Ты неточно спрашиваешь, душечка!

— Пленным серьезно устрожили режим, — печально отвечала Настасья Яковлевна. — Может, из-за потерь нас на фронте? Ранее им всюду можно было гулять: и у Владимирского моста, и... везде в окрестностях. И сколько угодно. Теперь же — только бульвар и плац! И — лишь два часа в сутки!

— Ах, всегда можно найти возможности, были бы деньги... — отвечала Сонечка невнимательно. — Так я про календарь и праздники! Значит, ежели кто живет по новому календарю — к примеру, наши пленные англичане или японцы — удивительно, но и японцы тоже живут вместе с Европой! — они все могли отметить Новый год по своему, а потом с нами, во второй раз! А японцы — даже и в третий! Максим говорил, у тех есть еще один Новый год, принятый в старину от китайцев. Вот бы спросить у наших японцев — когда же он?

У красавицы Настеньки сделался целиком красным нос, и она, остановившись и остановив тем самым Сонечку, закрыла глаза и зашептала что-то, придвинувшись близко, в Сонин воротник. Соня попыталась обнять подругу, но тяжелые рукава собственной соболиной шубы мешали. Настина фигурка в сидящем точно по ней зимнем пальто, к которому была подобрана модная шапочка в общем стиле «казак», вздрагивала; одну руку она высвободила из меховой муфты-сумки и обняла ею Сонину шубу. Подруги затоптались на снегу.

— Что ты, дорогая? Не стоит так обращать на себя внимание на улице!

Настенька отпрянула, сунула руку обратно в муфту и усиленно заморгала мокрыми ресницами.

— Ты понимаешь: у него совершенно необыкновенные глаза! — зашептала она, вторую половину фразы не на выдохе, а на вдохе. — Они синие и... прекрасные! Я смотрю в них и думаю: вот и всё, и ничего мне более не нужно — только всегда глядеть в эти глаза!!! Если б можно было, я бы поставила его карточку у себя и только любовалась бы им! Ах нет, я лгу! Мне нужно видеть его живого перед собою!..

— Бедная моя! Но Владимир? Он ничего не знает?

— Мне кажется, нет. Он занят всегда.

— У твоей любви, моя дорогая, нет будущего.

— У нее и настоящего уже, кажется, нет. Мой любимый сказал вчера, что не знает, в какой час его выпустят сегодня на прогулку.

— Давай посмеемся! Хочешь?! Максим говорил, японцы возводят в Аракчеевских на плацу снежную горку! У них не везде есть в Японии снег, так что можно вообразить их замешательство! Пойдем посмотрим?

— Это неприлично, наверное, — оживляясь, отвечала Настенька, подумавшая о возможности встречи у Аракчеевских с синеглазым английским офицером.

- А мы издали. Будто прогуливаемся.
- Да, перед казармами дорогу чистят!

* * *

На громадном плацу, верно, японцы наносили снегу на целую гору, которая была плотно прихлопана с боков лопатами и пролита в месте съезда застывшей уже водою. Теперь создатели готовились кататься на ней, и по робости их, переглядыванью и хихиканью было видно, что впервые.

На лицах, еще более желто-смуглых на фоне снега, белели открытые улыбки. На вершине горки усаживался на деревянные санки первый японец. Вот его сотоварищ толкнул санки сзади, и первопроходец полетел вниз.

Хотя санки в конце пути перевернулись и ездок выпал в снег, он закричал, отряхиваясь, весело о своих впечатлениях что-то по-японски и прибавил для солдат-конвоиров:

— Руська гура! Гура холосё!

Скоро уже вереница японцев добросовестно взбиралась на гору, как муравьи на муравейник, и летела вниз. Так как санок хватило не всем, садились прямо на лед, очевидно подражая виденным в селе катавшимися с горок мальчишкам. Отдельно стоявшие сдержанные японцы — вероятно, офицеры — после присматриваний тоже полезли на гору. Присоединились к ним и русские конвоиры. На всех лицах лежало выражение чистого детского удовольствия.

* * *

— Я буду учить русский язык ради вас только! — раздался позади Настеньки и Со-ни приятный мужской голос, странно говорящий по-русски и отчего-то знакомый.

Молодые женщины невольно обернулись. Настя подумала, что меховая шапочка, верно, слишком жаркая: у нее стиснуло затылок, и словно крохотные молоточки мелко небольно застучали, переходя с висков в уши и, как ей показалось, на ту ямочку под горлом, где, по народному поверью, помещается душа. По расчищенной дорожке от берега Мшаги к казармам шли двое. Тоненькая, по моде одетая барышня была любимая, балованная дочка местного купца Александрова, год безвыездно жившая и учившаяся в Петербурге и недавно вдруг приехавшая к отцу погостить, — Ксения, по-домашнему Сютя. Жеманившуюся Сютю вел под руку... английский офицер, в которого влюблена была Настенька.

Дорожка, где стояли Соня и Настя, была узка. Офицер, дойдя до них, пропустил свою спутницу вперед, она поздоровалась, дамы машинально ответили. Офицер же, решив обойти дам, отступил с дорожки в снег, увяз в нем выше ботинок, развел руки, одновременно улыбаясь своему неловкому положению и в упор глядя красивыми глазами в глаза Соне (дерзость, которая, однако, не привела госпожу Гаврилину в негодование), затем изящным движением приподнял фуражку, потупив уже глаза так, что близко были видны его черные длинные ресницы, и снова вступил на дорожку. Догнав Сютю, офицер взял ее под локоток, и парочка пошла дальше, любезно беседуя.

— This funny lady with a white face and a red nose is like a Russian snowman with a carrot instead of it's nose...¹⁵³ Извините. Этот второй, забавный дама, который мы прошли, по-

¹⁵³ «Эта забавная дама с белым лицом и красным носом похожа на русского снеговика, у которого в качестве носа вставлена морковка» (англ.).

хож на русский снеговик, с белым лицом, белый волос и морковь нос, — донеслись слова офицера. Послышался тонкий смех Сюты.

— А мне... мне он говорил, что русский язык учить не хочет, он труден. А я... достала словарь и учила английский! — сказала Настя, словно именно это было для нее самым поразительным. И с совершенно побелевшим лицом и снятой шапочкой в руке блондинка упала без сознания в снежную обочину лицом туда, где вдавлены были его следы.

8.

Несколько дней госпожа Самойлова, простудившаяся во время прогулки, лежала в кровати больная. Журнал парижских мод оставался открытым на одной и той же странице на столике, заставленном лекарствами, у ее постели. Ее кормили, она вставала ненадолго, двигаясь, как механическая красивая кукла, и, как кукла, произносила какие-то простые, без выражения, фразы, нужные для того, чтобы ее оставили в покое.

В один из вечеров Владимир Назарьевич пришел взволнованный. Он постучал в спальню жене:

— Ты не спишь, дорогая? Пришли газеты: страшные события!

Она лежала на кровати в недавно вошедшем в моду домашнем платье-кимоно, бледно-розовом, расшитом по подолу вручную пестрыми райскими птицами, листьями и цветами. Самойлов потрясал какой-то газетой и, не спрашивая Настю, хочет ли она слушать, принялся говорить взбудораженно:

— Расстрел рабочих в Петербурге! Уже называли Кровавым воскресеньем! Все это — в прошедшее воскресенье, когда ты заболела на прогулке. Как поздно, однако, доходят до нашего медвежьего угла новости!!! Нет, я люблю свое село, оно образец даст и городу, но почта... Это немыслимо! Даже японцы наши пишут жалобы, что им корреспонденция и посылки месяцами идут с родины. Вот посмотри, в газетах — правительственное сообщение — было уже на следующий день событий, десятого! А мы доселе впотьмах! Прочешь тебе? — и, не видя протеста со стороны жены, Владимир Назарьевич принялся с чувством читать:

— «Правительственное сообщение о событиях 9 января 1905 года.

В начале 1904 года по ходатайству нескольких рабочих фабрик и заводов Петербурга был утвержден в законном установленном порядке устав „Санкт-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих“, имевшего целью удовлетворение их духовных и умственных интересов и отвлечение рабочих от влияния преступной пропаганды. Общество это, избравшее своим председателем священника Санкт-Петербургской пересыльной тюрьмы Георгия Гапона...»

Настя быстро перестала слушать и глядела на двигавшиеся губы мужа. «Как он, однако, увлечен, — думала она вяло. — Ах да — расстреляли рабочих... Жалко. Жизнь — жалкая вещь».

— «...Стачка стала быстро распространяться, охватив почти все фабрично-заводские предприятия столицы...» «...О восьмичасовом рабочем дне, об участии рабочих организаций в разрешении споров между рабочими и хозяевами... удовлетворение некоторых из домогательств рабочих должно повлечь за собою полное падение русской промышленности...»

«Падение... Вот и я пала... Наказание пришло записной кокетке Настеньке — она влюбилась... Станут говорить... Пусть говорят...» — Настя отвернулась к стене.

«...Дерзкие требования политического свойства... Войска вынуждены были произвести залпы... На 4-й линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и до-

сок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы, у городских толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разграбила оружейную фабрику Шаффа, похитив около ста стальных клинков... толпою были порваны телефонные провода и опрокинуты телефонные столбы, на здание 2-го полицейского участка Васильевской части произведено нападение, и помещение участка разбито... Общее количество потерпевших... убитых 76 человек (в том числе околоточный надзиратель), раненых 233...» Ну как же она была права! — воскликнул в порыве Самойлов. — О, ты заснула, прости, я не подумал, что ты еще слаба, — прибавил он шепотом.

— Нет, я не сплю. Кто «она»?

— Прости, но это все, что тебя взволновало? В России начинается великая смута! Первые сотнями исчисляемые жертвы... Тебе как женщине неужто не жаль... Не понимаю... Хотя бы не страшно?

— Чем же мы отсюда поможем этим жертвам? — Настя повернулась к мужу и встала на постели, глядя на него пристально. — Но ты уходишь от ответа!

— Давно уже у меня созрел этот разговор... Хорошо же. Ты уверена, что выдержишь сейчас? Что ж... Родная моя, мы с тобою три года вместе. И все более отдаляемся друг от друга. И мне больно это. Я ведь все знаю!

— Что... знаешь?

— Знаю душу твою. И знаю секрет твой!

Владимир Назарьевич откинул вишневый полог, закрывающий дверь в комнату, смежную со спальней. И распахнул саму дверь.

— Это комната, которую ты скрываешь под видом помещения для своей прислуги. Вот же что в ней! Дуняша твоя дала мне ключ.

В смежной комнате стояла на столе новейшая швейная машина Зингера¹⁵⁴; всюду — на кушетках, пуфах, полу — лежали свернутые или разложенные выкройки, журналы мод и книги. Самойлов поднял одну книжку и прочел вслух:

— М. Теодор. «Курс парижской кройки», издательство: Санкт-Петербург, «Товарищество Художественной печати».

Вот секрет твой, дорогая моя, который ты бережешь даже от лучшей подруги твоей, Софьи Гаврилиной! Ты сама съешь себе и придумываешь все свои наряды! А делаешь ты это оттого, что ты, душа моя, — швейный гений, и никто не может воплотить мечты твои лучше самой тебя! Узнав это, я не смог понять, — продолжал Владимир Назарьевич, — отчего ты скрываешь это от нас всех? Чего тебе стыдно? Того, что ты руками своими что-то делаешь, а не нанимаешь слуг? Но ведь это барство, дорогая, прямое барство и... губит тебя! Жизнь твоя тебя губит! Ты живешь праздно, душа твоя ничем не занята. И то единственное, чем ты могла бы гордиться — красивый труд свой, — считаешь чем-то постыдным. Ты скажешь, что все так живут?! Что Софья Гаврилина тоже не имеет занятий? Но та хотя бы живет в лад с мужем своим, Максимом. И от него берет события, мысли, убеждения. Она, прежде такая ж, как ты, растет как личность год от году. А ты?

— Да ты прямо оскорбляешь меня! Что же ты хочешь? Разводу?

— Нет, я хочу, чтоб ты жила!!! Когда ты в последний раз брала в руки книгу? Газету? Даже японцы в Аракчеевские выписывают русские газеты, журналы, беллетристику! Солдаты японские — и те учат наш язык! А тебя, образованную, умную, после

¹⁵⁴ В 1902 году в Подольске был открыт первый в России завод, выпускавший швейные машины американской компании Зингера с русифицированным логотипом «Зингеръ» и надписью «Поставщик Двора Его Императорского Величества». Эти машины широко расходились по России и экспортировались в Турцию и на Балканы, в Персию, Японию и Китай.

того, как ты окончила гимназию и вышла благополучно замуж, ничто, кажется, более не интересует! Что ж... Открой школу, что ли, швейного искусства для крестьянских девочек! Или хотя бы собственную швейную мастерскую! К тебе станут в очередь приезжать из Новгорода!

— Я не хочу никаких школ и мастерских! Я хочу быть такая одна!

— Одна?! Да ты и есть одна!!! И будешь всегда одна, и знаешь почему?

Владимир Назарьевич, медвежья плотная фигура которого от возбуждения обрела ловкость, подскочил к туалетному столику и схватил фарфоровую французскую стоявшую там куклу.

— Вот твое последнее увлечение! Оно можно, дозвоительно, поскольку принято и у других нынешних, таких, как ты, скушающих дам из света. Эта кукла одета, как парижская гранд-мадам¹⁵⁵, на ней — бриллиантовое кольцо, настоящее, и подлинные бриллиантовые серьги, которые ты купила для нее! Ты шьешь для нее наряды, тканые золотом. А вот — вот, рядом, на подоконнике — еще одна новая ваша игрушка — ваша, ведь вы не даете их детям, коли есть у вас дети — у нас с тобою их, хорошо, пока нет! — немецкий кукольный домик в два этажа, меблированный и укомплектованный податливыми твоим рукам людьми. Ты наслаждаешься кукольной жизнью! Да только кукольной жизнью никогда нельзя насладиться, как настоящей — вот в чем беда! Вот что открылось тебе! Вот отчего ты плачешь эти дни, дорогая!

Настасья Яковлевна вскочила с кровати:

— Вы сейчас, Владимир Назарьевич, обозвали меня ни на что не годною куклою? Какая же особа, позвольте спросить, вызвала в вас сравнение со мною? С кем вы успели уже поговорить до меня о ваших убитых?

— Как ни циничен — в отношении убитых — ваш вопрос, я вам отвечу. Это Надежда Васильевна Карпова, учительница.

— Я подозревала это давно!

— Вам не о чем беспокоиться. Я в отличие от вас верен церковным клятвам. Но о чем мы говорили с Надеждой Васильевной, я вам не скажу. Не поймете-с!

И оставив супругу растерянной, Самойлов вышел из спальни, накрепко закрыв за собою дверь.

9.

Часа за полтора до ссоры супругов Самойловых Владимир Назарьевич действительно встретил учительницу Карпову.

Прочтя сообщение о петербургском расстреле в своем кабинете дома, он был так взбудоражен, что прямо с газетой в руках вышел на улицу искать собеседника. Он думал пойти в контору Гаврилиных в надежде, что Максим Козьмич может задержаться там допоздна. Но на улице, увидев Карпову и раскланявшись, он вдруг отметил ее, такое же взволнованное, как, верно, было у него самого, лицо.

— Вы прочли? — сказала первая Надежда Васильевна, показывая на газету в его руке. И она оказалась тем, кто, не уточняя и не расспрашивая, уже знал обо всем в подробностях и разделял его мысли.

— Я ведь не за то, чтоб не поддержать чаяния рабочих, — морщась оттого, что нужно это объяснять, говорил Самойлов, но она, перебивая, уже соглашалась:

— Это понятно! Мы стыдимся за то, что есть разница в нашей жизни. И этой огромной разницы быть не должно! Но кровь... Но революция...

— Это гибель для страны. Это скорый путь к поражению и внутри, и вовне. Мне страшно! — вырвалось у Самойлова. — И не за то...

¹⁵⁵ Искаженное, ироничное *grande dame* (франц.) — знатная дама.

— Что вы лишитесь богатства. Я знаю!

Они помолчали, глядя друг на друга блестящими глазами.

— Видите — в парке у церкви деревья? Ах, я кажется, выучилась мыслить по-восточному аллегориями! Но мне кажется сейчас пришедшее сравнение удачным! Вот сосна — нам мнится, она вечно зелена, но так ли это? На самом деле ее иглы меняются, но постепенно, незаметно нашим глазам! А другие деревья рядом — без листвы, сбросили все и остались ни с чем. Революция так же сметет все! И новый цвет появится только через время. Если мороз не умертвит ветви... А сосна ни на миг не перестанет зеленеть и процветать. Это как пример — реставрация Мэйдзи в Японии, знаете? — Он кивнул. — Именно реставрация, а не революция! Когда ничто не уничтожается, а к уже существующим деталям порядка добавляются постепенно новые, дополняя их, пока старые не отомрут. Тогда самые большие изменения вводятся без значительных социальных потрясений. И сосна вечно зелена!

Самойлов смутился оттого, что разговор их на абстрактную тему вышел таким близким.

«Вы — удивительный человек, — сказал он. И неожиданно, опустив голову, добавил: — Пусть все, что с вами случится в жизни, будет хорошо». Кивнув вместо прощания, что было почти невежливо, он, поменяв намерение, отправился домой, к Насте.

В своем кабинете Владимир Назарьевич посидел немного, глядя на неразрезанную брошюру Соловьева «Три разговора о войне»¹⁵⁶, и, отложив взятый было ножичек для бумаг, понес газету жене. Ножичек был металлический. На конце его ручки вытиснены были театральные маски: на одной стороне — плачущая, на обороте — смеющаяся.

10.

Свой экзотический Новый год¹⁵⁷, третий, как говорила Соня Гаврилина, японцы действительно отметили в Медведе.

Праздник был встречен 4 февраля. Вечером же 5 февраля любопытные медведцы получили подробный отчет о нем от ходячей японо-русской газеты — истопника Филиппа Ильина.

Вкруг Ильина в трактире Белова собрались мужики. Ильин, как любая знаменитость, знал себе цену и начал неторопливо, пуская дым и оттопыривая мизинец руки, которой держал самокрутку:

— Топил я, значище, в энтот день вначале у фицеров. Живут оны в своем корпусе, по два, по три, и то и по одному. Жару им завсегда подавай в топки — тепло как в бане¹⁵⁸, када детишки моюще! Окны не хотят открыть. В таком жару, значище, цветы у их всяки посажены на подоконниках. На рамах — тож везде цветы, тока такии, — Ильин растопырил пальцы свободной руки веером, — пузатыи, с цветной бумаги. Фонарики тож наделан с цветной бумаги, развешан в сенях. Хтой-та сточивше с дерева змейку, слышь — потому — девятьсот пятый у апонцив — год деревянной змеи, от как.

— Врешь! — сомневался кто-то.

— Вот те крест! Издивленники! Картинки, канешна, есть у кого над кроватями... с барышнями... А ишо в сенях у фицеров бадья стоит с водою, куды плевать, — Ильин сплюнул, — нельзя. Так и написано, по-апонски: мол, не плевать и окурков не кидать.

¹⁵⁶ «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» — философское сочинение Владимира Соловьева, написано в 1899 году.

¹⁵⁷ Новый год в Японии отмечается по григорианскому календарю с 1873 года 1 января. Дата же традиционного японского Нового года основана на китайском лунном календаре, так же как в Китае и других странах Восточной Азии, и приходится на конец зимы — начало весны.

¹⁵⁸ Баня (шимск. диал.).

Спрашиваю, для чего бадья — грят — пить! А вода — не с колодца! Вареная!!! Где ни заглянешь — всюду бумажные ихние флажки с красным солнцем¹⁵⁹.

— Сами, что ль, бумажки режут? — спрашивали мужики.

— Не, то солдатики. Фицеры все учутся. Учутся, брат ты мой, как наши робяты в школе. Всюду книжки наложён. Кто аглицкий учит, хто, значице, хранцузский, а больше всех — нашенский. А солдаты апонский в другом корпусе. Справа у их, значице — койки в ряд, а налево — столы да стулья, как у робят в школе. Одны за ими читают, други сидят мастерят. Хто бумажны фонари да цветы, хто с дерева точит, хто с волосу плетет. Корабли ищо знатные у их выходят! Я купивше у их один, — и Ильин достал из кармана крошечную модель военного корабля с искусно выточенными многочисленными миниатюрнейшими деталями. — И одним ножом сапожным! Месяц, слышь, точат, а продают за пять рублёв.

— Ну, таки-то кораблики и мы уже купивше. Так что ж Новый год? — напоминали приятели.

— Фонариков да цветов, понятно, настругали тьму. Всё изукрасивше! Наши солдатики к ихним солдатам ходили поздравить. Ну, и я поздравил, што ж. Апонцы рады. Рты до ушей. Песни певали свои.

— Водки дали?

— Фицерам дали, а солдатам не. Мож, волнений побоявше. Народу-то тьма теперь у нас. После Лиянского-то боя ищо прибавивше. Так што водки не дали. Так те заместо водки воды своей вареной налили, — вот те крест, хе-хе! Наливше, значице, воды в бочонку, выстроивше поротно, взводный кричит, ён выходит, пьет воды и тож кричит, мол, банзай. Хорошо иму, значице. Вси так наугощавше и давай опять петь. Рису свою наваривше. Ихний повар из солдатиков по-апонски готовит, а наши повара иму в помощи. Грили, они рыбники, ан не. Мясо наше им джое нравице, аж пальцы облизывают. В общем, вси довольны.

Фицерам-то, кроме угощенья, дали и вино, и пиво. Тожа, слыхать было, пели и банзай кричали. Ночью, грят, фицеры пославше были записку нашему командиру полка, просивше выдать еще вина. Тот не дал, да оны и успокоивше. И так им радость.

— Смеетесь? — подошел к Ильину и мужикам приказчик Гаврилиных Кайдаков, бывший тут же в трактире. — Читать кто из вас умеет?

— Я по складам умею! — вызвался один. — А че?

— На вон тебе газетку! — и Кайдаков, отдав ему свою газету, с хмурым лицом покинул заведение.

В сегодняшней газете, которую Кайдаков, ездивший по делам, купил в Новгороде, было сообщение об убийстве 4 февраля 1905 года бомбой революционера в Москве великого князя Сергея Александровича, брата российского императора Александра Третьего, бывшего московским генерал-губернатором.

11.

— Че стоишь, ртом глядишь?

Настасья Яковлевна действительно засмотрелась. Она стояла возле церкви, поджидая Надежду Карпову после школьных занятий. Настя знала, что Карпова пойдет здесь, так как другой дороги не было. Чтобы не выдать, что она здесь нарочно, моло-

¹⁵⁹ Флаг Восходящего солнца 27 января 1870 года был принят в качестве национального флага в период Мэйдзи. В настоящее время флаг продолжает существовать, но после Второй мировой войны в некоторых странах, например Южной Кореи и Китая, он считается символом японского милитаризма, и его использование считается оскорбительным.

дая женщина вначале дошла до церкви, перекрестилась, постояла немного, а затем, подойдя к церковной ограде, стала от нечего делать смотреть сквозь чугунную решетку на улицу.

С ледяно-голубого неба щедро светило солнце. На всем лежал высокий пухлый покров снега. Крупные, густо брошенные бриллиантовые блески на нем указывали на увеличивающийся мороз. Настя подумала, что и сама она сейчас тоже точно в снегу — в черном облегающем пальто с белой песцовой горжеткой¹⁶⁰, в белой меховой шляпке и замшевых белых полуботинках на белом меху, с фарфоровыми белыми пуговками, на каблучках-«рюмочках». Потом она позабыла про себя, взгляд ее рассеянно скользил вдаль по улице, где не двигалось ни души. Словно сама жизнь была заморожена. Сидели высоко на остовах тополя семь черных крупных ворон, похожих на замершие, указывавшие в разные стороны флюгера. У трактира Белова возле коричневого пятна на снегу, где, верно, была выброшена какой-нибудь собаке кость или гнилое мясо, виделись одиночные, двойные, тройные и совсем запутанные строчки крупных птичьих следов; один след уходил в сторону и обрывался веерными отпечатками двух крыл и хвоста, вероятно, хитрой победительницы. Ни одна вдруг выскочившая из-под ворот или забора кошка или собака не нарушала общую неподвижность. Даже воздух, казалось, был окован морозом: не падало ни снежинки с небес, ни щепотки снега под ветром или собственным весом с предметов.

Высокая, втрое, а то и впятеро толще покрываемой поверхности, белая опушка лежала на планках заборов, на ветвях и наклонных стволах темных, лишенных листвы деревьев. На гнилой пень наброшена была нарядная взбитая белая, в искрах, подушка. Нелепый куст, замшелая колода с застрявшим в ней заржавленным колуном, деревянная, грубо сколоченная скамья у дома — все, прежде некрасивое или обыкновенное, теперь, подчеркнутое снегом, в недвижимом мире, обрело вид предметов искусства и красоты, стало вне обыденной жизни, так что Настя ощутила себя словно внутри театральной декорации. Линии пухлого снега, долго копенного по крупинке, с равным прилежанием покрыли огороды и крыши домов, надстроили круги церковного купола и выброшенного ломаного колеса телеги, скопировали сложные поверхности козырька крыльца миллионера Гаврилина и забытой в бедняцком дворе, видимой сквозь дыру в заборе разошедшей тачки. Не упущена снегом была никакая малая поверхность. Округлые колпаки высились на верхушках заборных столбов, колпачки поменьше украшали заборные доски.

«Стоит Ермак, на нем колпак: ни шит, ни ткан, ни в доски бран, ни поярковый», — вспомнилась Насте приговорка-загадка, какою ее горничная Дуняша сопровождала, выглядывая в окно, каждый снегопад. Настасья Яковлевна загляделась, словно впервые увидела этот мир, когда послышался злой оклик.

Мужичок, грязномордый, в старом, подранном молью овчинном тулупе нараспашку, в валенках, без шапки, которую он, верно, потерял, глядел на Настю злобно с другой стороны церковной решетки. Она осмотрелась: поблизости по-прежнему никого не было, лишь в конце улицы двигались на белом фоне черные силуэты прохожих. Очевидно было, что оскорбительный возглас мужичка относился к ней — супруге хозяина половины рабочих Медведя. От мужичка несло водкою.

Настасья Яковлевна ничего не отвечала. Никогда такой выходки никто не мог позволить по отношению к ней. На несколько мгновений ей стало страшно, словно она оказалась внутри клетки.

Тулуп пал на снег и тут же захрапел.

¹⁶⁰ Горжетка — маленький меховой шарф или цельная (с головой, лапами и хвостом) шкурка пушного животного, которая, в частности, служит воротником пальто.

Настасья Яковлевна скорее выбралась из-за решетки и, увидав подходившую из проулка Надежду Васильевну, быстро пошла к ней. Теперь был и повод заговорить. Она поздоровалась, указала на тулуп и вкратце пересказала испугавшую ее историю.

— К сожалению, народ много слышит пропаганды, — отозвалась Карпова. — Однако необходимо кого-нибудь позвать, чтобы он не замерз, еще и без шапки.

Она остановила подходивших двоих прохожих, один из них оказался знакомцем тулупа, и парни потащили его домой.

Настя растерялась. У нее был план, о чем говорить с Карповой, она хотела начать решительно, но теперь оробела от простоты и вместе с тем воли, с какою учительница обращалась в равной степени и с ней, и с прохожими парнями. Воля эта действовала столь сильно, поскольку очевидно происходила не от желания властвовать, а от глубокого участия и взятия на себя ответственности.

— Вы знаете про последние события? — вдруг вырвалось у Настеньки. Она понятия не имела сама ни о каких «последних событиях», а просто вспомнила обидные слова мужа о ее собственной темноте и захотела испытать Карпову.

— Вы про Стесселя?

— Д-да. Конечно!

— Я думаю, никто — никто! — здесь, вдали от войны, не имеет права судить категорически! А как вы полагаете?

— Да, я тоже так думаю...

«Вот положение! — с досадою подумала Надя. — Говорить с барышнею о политике...» Она точно забыла, что она сама барышня, а Настасья Яковлевна, если уточнить, — замужняя дама.

Мало-помалу добросовестно открывшая пошире свои голубые глаза и кивающая словам Надежды Васильевны Настенька выведала, что за птица был Стессель и что случилось с ним.

Барон Стессель был комендантом несчастного Порт-Артура. Морского порта, арендованного Россией в Китае на двадцать пять лет с 1898 года и превращенного за шесть лет из небольшого неблагоустроенного поселка в свежий застраивающийся город со своей электростанцией, с численностью (кроме военных) в пятьдесят тысяч человек, из которых две трети составляли китайцы.

Порт-Артур был важен как незамерзающий выход к морю. Большая часть Первой Тихоокеанской эскадры русского флота разместилась там. И первым мгновением войны стало 27 января 1904-го нападение японцев на русские корабли в Порт-Артуре.

Сюда послали опытного генерала Ноги, который десять лет назад уже взял, и всего за один день, китайский Порт-Артур в первой японо-китайской войне¹⁶¹. Но Порт-Артур, за который теперь сражались русские, Ноги не взял ни за день, ни за месяц, ни за полгода. И в августе 1904-го японцы начали тесную осаду города.

Анатолий Михайлович Стессель удерживал Порт-Артур одиннадцать месяцев. И Стессель сдал Порт-Артур 23 декабря 1904-го¹⁶². Он оставил жизнь двадцати четырем тысячам осажденных, из которых раненых и больных было десять-одиннадцать тысяч человек. Сдавались в плен военные, сданы были японцам корабли и весь запас боевого снаряжения. Русским офицерам японцы позволили вернуться на родину при даче честного слова о дальнейшем неучастии в войне.

Теперь русские люди — от тех, кто поставлен был решать ход войны, до тех, кто не имел к войне никакого отношения, от персон, чье мнение выдавали газеты, до лиц, которые не умели эти газеты прочесть — пытались понять, разумно или же преступ-

¹⁶¹ Японо-китайская война (1894–1895) — война Японии против маньчжурской империи Цин.

¹⁶² 5 января 1905 года по новому стилю.

но было сдать Порт-Артур. И те, кто защищал Стесселя, и те, кто обвинял его, приводили порой одни и те же факты. Говорили, например, что укрепления Порт-Артура, на которые нужно было бы потратить пять лет, возводились срочно, в пять месяцев, и это было поздно; что оборонительная линия крепости слишком тесно примыкала к городу и давала японцам возможность подобраться близко, так что по улицам города летали не только снаряды, но и ружейные пули. Говорили, что идея существования Артура для флота была сведена на нет экономией постройки, в итоге которой крепость не могла защитить флот от огня сухопутных японских батарей. Узнали, что гарнизон крепости был обеспечен мукой и сахаром на полгода, но мясом и консервами только на один месяц, и люди затем ели конину и без зелени болели цингой.

Ясно было, что герои Порт-Артура за одиннадцать месяцев лишили японскую армию около ста тысяч бойцов. Ясно было, что почти год порт-артуровцы держали при себе, не давая отойти, почти весь японский флот. Неясно было, как оценить сдачу героического порта теперь, когда он не уничтожен был еще до последнего человека.

— Я полагаю, Стессель главной целью существования Порт-Артура считал оборону стоявшего в гавани флота, — говорила Карпова Насте. — Что ж? Вы знаете — флот был обречен после того, как в конце ноября¹⁶³ мы сдали гору Высокую. Японцы получили долгожданную ими высоту, с которой теперь им видна была вся порт-артурская гавань. И начали свободно расстреливать наши броненосцы и крейсера. Все было кончено быстро. Флот погиб в считанные дни. И Стессель сдал крепость.

Карпова, увлекаясь, показывала дар рассказчицы, и Настя словно видела, как японский генерал Ноги бросает и бросает на гору Высокую новые сотни и тысячи японцев, а те поднимаются на Высокую муравьиной вереницей, точно на снежную горку в Медведе, и скатываются мертвыми; как груды того, что было людьми, скапливаются на серой каменистой земле сопки, плывут по воде бухты, и одежда русских и японцев, в которой отправляются они к разным своим богам, уже не различается в грязи и бурой кровавой воде; как расстрелянные русские корабли садятся один за другим на грунт неглубокой гавани, немного кренясь, словно убитый человек, оседающий набок; как разваливается наложенный доктором шов, порывая раскисшую кожу большого цингой...

Карпова опомнилась и взглянула на «барышню», ожидая увидеть испуг, ужас или брезгливость.

— Это будто шить рыхлую ткань близко к краю — нитки выскочат, — сказала на рассказ о цинге Настенька. — Но откуда вам известны подобные детали? Ведь в газетах, верно, не пишут такого?

— Мой друг детства в начале ноября отправился на фронт добровольцем. Митя Поликалов. Ему удалось проникнуть к порт-артуровцам, он участвовал в боях за Высокую. Мне пришло под Рождество письмо от него. И с тех пор писем не было...

— Я сочувствую вам! Но сдача этого... Порт-Артура — это большое поражение? Японцы, я полагаю, радуются?..

— Не знаю. Я давно не видала японского офицера, с которым раньше... часто говорила. Думаю, потерять двенадцать тысяч человек в боях за Высокую и сто тысяч за весь Порт-Артур — для японцев нерадостно. Но вы правы, для России это большое поражение. Возможно, оттого нашим пленным ужесточили режим.

— Так они действительно гуляют теперь только два часа в день?

— Да, и лишь на бульваре и плацу.

— Что ему пророчат? Стесселю? — спросила, помолчав, Настя.

— Вероятно, расстрел.

¹⁶³ 22 ноября — 5 декабря 1904 года по новому стилю.

- И он, должно быть, знал об этом? Когда принимал решение о сдаче Порт-Артура?
- Я думаю, предполагал.
- Так какого же доказательства нужно еще того, что он сделал правильно?

Эта простая мысль поразила Карпову, и она внимательнее посмотрела на блондинку. Настя же совершенно успокоилась.

Вывод из несчастий Стесселя, который уносила с собой Настенька, был: «Что ж, она положительно сильно влюблена, но не в моего мужа!»

12.

В мае 1905 года теплым, нежным, пахнущим цветом черемухи вечером в село Медведь со стороны Владимирского моста въехала телега с запряженной лошастью. Внутри телеги виднелось щедро положенное до края бортов сено, но в ней никто не сидел, только лежала рогожа, какой обыкновенно накрывают грузы или перевозимого покойника.

Эту пустую на вид телегу ее владелец — мужичок с ближайшей железнодорожной станции Уторгош, известный медведцам как занимающийся извозом — доставил к дому Поликаловых.

Уторгошский мужичок привязал лошадь к столбу забора Поликаловых, подождал, потом, не слыша собачьего лая за забором, запустил руку за невысокую калитку, снял щеколду, прошел к дому и постучал по оконной раме. Никто не ответил ему.

— Вам тетку Ирину? — крикнула вознице с улицы бойкая девочка лет восьми-девяти. — А нет ее, она в больнице в городе лежит. А бати ихнего тоже нет, он помер.

Девочка была Шурка Орлова. Не утерпев, она заглянула без спроса под рогожу. Увидав то, что лежало в телеге, она остолбенела на пару секунд, а потом, задернув рогожу, кинулась со всех ног к соседнему дому и так же, как возница, сняв с улицы внутреннюю щеколду калитки, скоро заколотила кулачками под окном, крича:

— Теть Надь, теть Надь, выдите! Там, кажись, дядю Митю привезли!

Учительница Надежда Карпова выбежала с не отстававшей от нее Шуркой за калитку. Еще возница не спеша повернул от дома Поликаловых, как Надя вдруг похлодевшими руками — была у нее при волнении такая особенность — отдернула рогожу на телеге.

Она ждала, что откроет под рогожей Митю раненого либо умершего в дороге домой.

Шесть месяцев назад Надя видела Митю, уходившего от этого дома на фронт, в последний раз, и теперь он на мгновение встал в ее памяти прежним, хотя она понимала, что вид его должен измениться. Все в нем природа создала богато: рост, могучие руки, крепкие ноги, завитки каштановых волос — васнецовский богатырь, вес которого, кажется, мог выдержать только конь-тяжеловоз. Надя, знавшая его с детства и взрослевшая вместе с ним, никогда не смотрела на его тело как на притягательное, но однажды он вдруг понравился ей. Это случилось на улице, во время самого обыкновенного их незначительного разговора. Митя улыбнулся, не смущенно, как обычно, ища ее взгляда, а отвлеченно, с хорошей душой, глядя куда-то в сторону, и она словно в первый раз увидела, что у него красивые, идеальные белые зубы, хороши румяные полноватые губы и небольшие, с живинкой, серые глаза...

Теперь под открытой рогожей лежал в просторной белой солдатской рубахе высушенный обрубок человеческого тела без рук и ног.

Веки существа с трудом приподнялись. Голова с редкими бесцветными волосами сделала небольшое движение в сторону Нади. Существо приоткрыло рот, силясь что-то произнести, и Надя увидела, что в распухших цинготных деснах почти нет зубов.

Ничто не соотносило этот обрубок человека с Митей. И Надя, минуту подержав свои ледяные ладони у рта, чтобы согреть руки, так, что Шурке Орловой показалось,

что учительница хочет скрыть свое лицо, бережно прикоснулась к вырезу солдатской рубахи. На тощей груди существа лежали две веревочки: одна — с нательным крестом, другая — с дешевым медным медальоном. Раскрыв медальон, Надя увидела себя.

Когда-то до войны в Медведь из Новгорода приезжал профессиональный фотограф — брат Софьи Гаврилиной; он попросил Надю позировать ему для портрета. Митя тогда взял ненадолго эту фотокарточку, потом вернул. Теперь в медальоне Надя увидела тщательно вырисованное тушью, узнаваемое свое лицо. Но руки, которая оказалась такой талантливой и создала эту миниатюру, больше не существовало.

И тогда она, не замечая Шурки, возницы, подходивших соседок, встала на колени в дорожную пыль, бережно обхватила руками голову существа и нежно, чтобы не причинить боль, поцеловала его в губы.

— Помогите занести в мой дом, — сказала Надя вознице.

13.

В мае 1905-го в редком доме села Медведь не произносилось хотя бы однажды японское слово «Того».

Адмирал Того, командующий всем Объединенным флотом Японии в течение Русско-японской войны, вероятно, удивился бы, узнав, что за тысячи верст и сотни морских миль от его сражений его персону обсуждают русские крестьяне. Но еще более он удивился бы тому, что жители села Медведь некоторое время считали себя имеющими отношение к адмиралу.

Другой человек с фамилией Того появился в Аракчеевских казармах около трех месяцев тому назад. Самое кровопролитное и долгое в этой войне Мукденское сражение февраля 1905-го¹⁶⁴ вслед за Ляоянским доставило в Медведь новых военнопленных, так что общая их численность приблизилась к двум тысячам человек. О прибывшем с фамилией Того стали говорить, что он — племянник знаменитого адмирала Того, сам же — майор Генерального штаба и, выходило, самый старший по чину из пленных в Медведе. Того поселился отдельно от других пленных, в двух комнатах дома, где ранее жили русские офицеры. За ним повсюду следовал личный, представленный к нему часовой. Спустя некоторое время стали разочарованно говорить, что медведский майор Того все-таки не племянник знаменитого адмирала. Мнимый племянник не стал бы надолго интересен медведцам, если бы скоро они не узнали о нем два обстоятельства.

Первым известным было то, что с «племянником» Того в плен добровольно пошла его молодая жена. Медведские сентиментальные дамы выводили откуда-то, что и в сам миг пленения Того жена была с ним рядом. Того, малорослый, тихий, сутулившийся, о чем-то всегда угрюмо думал, на вопросы неожиданно застенчиво улыбался и молча пожимал плечами. Жена его, маленькая шустроглазая японочка Кио, занималась мелкими делами, которые сама себе выдумывала, хозяйственно бегала по лавкам, ни секунды не казалась унылой и походила на спящую птичку в клетке, каких разрешено было заводить пленным на утешение. Она и пела, как птичка, охотно, тонко и подолгу, аккомпанируя себе на изготовленном для нее японскими солдатами сямисене, что весною, когда приоткрыли окна, стало известно любопытным проходившим мимо жилья майора.

У этой пары за три месяца никто не бывал, и они не бывали ни у кого. Они выходили на прогулку каждый вечер, но всегда очень поздно, очевидно, из-за желания майора не встретить прохожих. Медведцы видели из окон, как майор Того с мрачным

¹⁶⁴ С 19 февраля по 10 марта по новому стилю.

выражением, пригнув голову, вероятно, из-за непривычных для него снега, ветра, метели или просто холода, проходил неизменный путь от Аракчеевских казарм до конца бульвара и, помедлив в этой точке, поворачивался, чтобы вернуться к казармам, откуда начинал шагать снова. Рядом с ним, не беря его под руку, но плечо к плечу молча попевала улыбающаяся с сомкнутыми губами Кио. За ними на некотором расстоянии следовал часовой.

С момента, как Того появился в Медведе, он не произнес ни слова. Это было второе обстоятельство, заставившее о нем говорить. Медведские дамы передавали друг дружке, что Того дал обет молчания на все время плена. Как он объявил об обете, ежели решил молчать — в этом явилось затруднение у дам, но они, посоветовавшись, решили, что он, вероятно, написал об этом на бумаге. Как офицер Генерального штаба Того должен был знать русский язык, но не отвечал на вопросы тех русских, кто вначале подходил к нему. Сторонился он и компатриотов-пленных. В поведении он был безупречен.

15 мая 1905 года¹⁶⁵ Объединенный флот Японии победил у острова Цусима в самой масштабной из известных на тот момент морских битв.

Командующий флотом адмирал Хэйхатиро Того в миг обнародования первого сообщения об этом в Японии стал национальным героем. Русская пресса мрачно заговорила о близком конце войны и фиаско в ней России. Но медведский майор Того, узнав о Цусиме, не распрямил свои сгорбленные плечи и не отменил обета молчания. К концу мая в Медведе оделись в белый цвет вишни, напоминая майору Того о родной сакуре и призывая радоваться победной японской весне. Но на прогулках безветренными нежными майскими вечерами он шел, как сквозь метель, пригнув голову. За ним попевала преданная Кио, на лице которой застыла улыбающаяся маска.

* * *

Майским вечером в конторе купца Гаврилина собрались, как они обыкновенно это делали в конце дня для обсуждения планов на завтра, Максим Гаврилин и Владимир Самойлов. Покончив с делами, компаньоны не разошлись, а посмотрели, не сговариваясь, на карту мира, вывешенную Максимом Козьмичом с лета 1904-го на стене конторы.

На карте, где издалека бросались в глаза надписи заглавными буквами «РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ» и, ниже, «КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ», а справа на островах указана была «ЯПОНИЯ», Максим Гаврилин пару дней назад чернилами разных цветов пунктирами прочертил путь трех отрядов российской Второй Тихоокеанской эскадры.

— Говорят, Надежда Карпова детишкам в школе такую же карту повесила, — нарушил молчание Самойлов. — И так же начертила путь несчастной эскадры.

— Да, Порт-Артур погиб, когда японцы уничтожили нашу Первую Тихоокеанскую эскадру. Теперь же гибель Второй эскадры у Цусимы — это, как предрекают газеты, конец всей войне, — отозвался Максим Козьмич. — И я полагаю, это правда. У России нет более флота!

— Выпустят в печать новые карты, где мы увидим «ЯПОНСКАЯ ИМПЕРИЯ»!

— Она уж давно объявлена империей, с приходом Мэйдзи. Только помнили о том лишь сами японцы. Теперь же — признаёт весь мир! Как мы допустили это??? Как допустили, ежели у японцев на начало войны было менее миллиона воинов, а у нас — четыре с половиною миллиона?!

— Вы забываете, мой друг, что почти все наши сухопутные силы находились за тысячи верст от Дальнего Востока. Ехать же туда по железной дороге — самое бы-

¹⁶⁵ 28 мая по новому стилю.

строе — месяц. Прибавьте, увы, невысокую пропускную способность Транссиба!¹⁶⁶ Между тем от Японии до театра войны — только одни сутки морского пути!

— Главный наш просчет — флот! — убежденно сказал Гаврилин. — Отчего не вышла подмога Первой эскадре в Порт-Артур сразу после объявления войны, в январе прошлого года, незамедлительно?! — Максим Козьмич, энергично шагавший по небольшой конторе, вскинул руки и посмотрел на Самойлова с удивлением. — Нет, я горячусь — корабли Второй эскадры — как оказалось!!! — надобно было еще достраивать... Но ведь и достройка затянулась! Не брали кредиты на эту достройку, жалели денег! Дожалелись — проиграли войну!!! Права русская поговорка — скупой платит дважды: сколько мы проиграем Японии — бог весть! Неужто в январе девятьсот четвертого верхам это было неясно?! Ведь эта, единственная, подмога флоту — корабли Второй эскадры — была в Балтике. А оттуда их не доставишь на Дальний Восток уже и за месяц!

Максим Козьмич подошел к карте и, схватив карандаш, гневно стал показывать:

— Из Балтики нашим броненосцам не пройти по Суэцкому каналу — мелок! Турция держит на замке для военных судов любых стран проливы Босфор и Дарданеллы. Таким образом, для главных сил Второй эскадры — отряда Рождественского, с броненосцами — был единственный и фантастический путь — в полсвета: из Балтики обойдя Европу, вокруг Африки, мимо Индии, меж Австралией и Азией, и оттуда только — на Дальний Восток!! Это с остановками — пять-шесть изнурительных месяцев плавания! При том, заметьте — плавание отчаянного, в конце которого — как чувствует каждый последний матрос на каждом судне — вероятно смерть! Шесть месяцев ожидания расстрела в плавучей смертной камере, из которой нет выхода!!!

Что ж, нам, русским, храбрости не занимать! И несчастная Вторая эскадра вышла в свой смертный поход. Но вышла поздно, в октябре девятьсот четвертого. Нет, я не верю, что не было денег на ремонт и формирование эскадры! Не было другого — должной организации! И вопросов к тому — после проигранной войны — будет о-ой как много!!! Почему, скажите, повернул обратно отряд Вирениуса, весной девятьсот четвертого уже бывший на полпути к Дальнему Востоку?

— Будут, вероятно, разбирать это.

— Разбирать? А хотите, я сейчас разберу? Скажете, что не мне, новгородскому купцу, по чину и по силам рассудить целую войну и что всяк способен издали разглагольствовать о политике?! — Медлительный Самойлов и не думал возражать. — А я вам скажу на это вот что!

Да, я купец, и купец преуспевающий! И мне досталась от предков моих сильная вотчина! Но и сам я тружусь для преумножения их богатств!

Что случилось бы, спрошу я вас, — Самойлов напрягся, но ответа его Максим Козьмич не ждал, — ежели бы я сиживал у себя дома в халате и мягких туфлях, надеясь на то, что мой льняной завод как-нибудь там движется сам собою? (Мой друг, я для упрощения и донесения моей мысли стану говорить сейчас «мой завод», хотя ни мига не забываю о том, что он — наш с вами!) Что бы началось, ежели бы при том руководила моим заводом не одна контора — в каковой мы сидим сейчас с вами, — а три конторы?

Что ежели бы каждая из этих трех контор, где верховодили бы трое управляющих, считала себя главной и упорствовала в этом мнении и оттого перечила бы в малом и большом другим двум конторам?! И в каждой нашлись бы вредящие делу тайные воры и взяточники?!

Вообразите при том, что в то время как льнозавод стоит в Медведе, три конторы, управляющие им, находились бы в Петербурге, Москве и, гипотетично, Владивостоке! Представьте теперь, что заводу объявлена финансовая война. Он должен срочно выпустить больше льна в условиях, что его поглотит конкурент.

¹⁶⁶ Транссибирская железная дорога.

Вообразим, что нашелся умный рабочий на заводе, который знает, как выпустить больше льна, и сделал чертеж своего предложения.

Предложение рабочего не берет в руки мастер, понимающий в чертежах, потому что контора № 1 запрещает мастеру самому рассматривать чертежи. Она, контора, предписывает мастеру отослать чертеж рабочего во Владивосток.

Чертеж рабочего доходит до Владивостока почтой за месяц. Контора № 1 во Владивостоке одобряет чертеж, потому что финансово он выгоден. Да вот беда — во владивостокской конторе сидят одни финансисты, и они не умеют читать чертежи!

Одобренный финансистами, чертеж направляется из Владивостока в контору № 2, в Петербург. Это — Главная Контора, Контора Одобрения. О-о, ее роль — самая удивительная!!! В этой конторе ничего не понимают ни в чертежах, ни в финансах. Получивши чертеж из Владивостока, Главная Контора... ничего не делает сама. Она перенаправляет чертеж в контору № 3 — в Москву, где сидят инженеры, понимающие в чертежах. Отправка занимает полторы недели.

Внимательно слушавший Гаврилина Самойлов невольно усмехнулся и покачал головою.

— В Москве в среде инженеров мнения разделяются, — продолжал свою фантазию Гаврилин. — Одни одобряют чертеж, другие отвергают. Им бы съездить в Медведь, чтобы лично увидеть завод, пощупать, что предлагает умный рабочий, своими руками и понять его изобретение — но они не едут.

После еще полумесяца инженерных споров в конце концов — виват!¹⁶⁷ — чертеж рабочего побеждает и принят.

Сообщение об этом идет не в Медведь, где его ждет умирающий завод, а — угадайте куда? — верно! — в Контору Одобрения в Санкт-Петербург. И вот там-то (пождавши три недели для того, чтоб не думали, что эта контора зря ест свой хлеб!!!) дается и подписывается чертежу Последнее Одобрение.

Но детали для изобретения будут поставлять разные фирмы. Этих фирм — четыре или пять. Чертеж обречен, а вместе с ним и мой завод... Вы смеетесь, мой друг, а это не гротеск, это жизненная правда, и притом далеко не в полноте!!! Перенесем эту занимательную историю на явление русско-японской морской войны! Спасать Россию были назначены три конторы: Главный морской штаб, Морской технический комитет и Главное управление кораблестроения и снабжения. Да прибавьте к этим трем еще две влиятельных инстанции: ход войны могут решать генерал-адмирал и непогрешимая особа императора, на которую, впрочем, не исключено влияние посторонних лиц.

— Да, вы правы! Ежели можно отыскать одно слово для действий русского командования в уходящей войне, это будет «хаос». Для тех же, кто оказался внутри войны, этим словом будет «истощение».

— Вы слышали о новой забастовке, иваново-вознесенских текстильщиков? — без видимой связи спросил Гаврилин.

— Да. Истощение...

14.

Наде Карповой приснился мрачный сон, фантазмагория, которую, как это часто случается с последним утренним сном, она, проснувшись, в деталях вспомнила. Еще лежа в кровати, девушка с бьющимся сердцем перебирала в памяти виденное.

Приснился ей тяжело катившийся — и катившийся нигде, в пустоте — гигантский клубок, отчего-то жутким образом шевелящийся. Она подошла к этому клубку и уви-

¹⁶⁷ Ура! (устар.).

дала, что внутри него — чернота, составляют же этот мрак черные человеческие тела. Они, не переставая, душат, бьют других без разбору, сами стараясь уклониться от чужих рук, и потому непрестанно извиваются. Черные фигуры людей не имеют черт лиц и единообразно худы, как нарисованные на бумаге черными чернилами детской рукою человечки. Вот из страшного клубка тянутся к ней, Наде, руки и стараются схватить ее, втянуть в клубок. Ей жутко. Но она протягивает сама руку и успевает, пока страшный ком катится на нее, отпрыгнуть и выхватить из кома за руку кого-то.

Этот кто-то, такой же черный, как все, вываливается из кома и падает к ее ногам. И как только он высвобождается из кома, он перестает быть черным, встает на ноги и становится обыкновенным человеком. Она хочет рассмотреть его лицо, но... просыпается.

Под окном избы раздался стук. Надя набросила платок на плечи и вышла в сени.

— Стучу, стучу, тебя, видать, не добудиться, — сказала вошедшая Катерина Курочкина, пригибаясь перед притолокой. — Мати твою видала, бабку Зину, на грядах¹⁶⁸.

— Да? А я заспалась действительно. Взяла в школе недельный отпуск... Надо пойти маме помочь. Жалеет она меня.

За Катериной в дверь просунулась головенка ее дочки Аришки.

— Тетя Надя! А у нас дядя Кавабата помер!

— Как? — тут только Надя увидала лицо Катерины. — Катюша, бедная! Так вот почему ты вчера на репетиции не была в театре!

— Мы с кладбища! — поделилась Аришка непривычными впечатлениями. — Японцы там вначале-то были. Цветов нанесли, обложили могилку. На камушке буквы свои выбили японские. Потом они ушли, а мы с мамой тогда подошли. Я прям со школы, с сумкой — видите? — Ариша показала новенькую холщовую сумку с картинкой тигра. — У нас сумки теперь — у девочек тигр, у мальчишек лев. Сёдня после школы-то мы, тигры, со львами сражались, хи-хи. Нас, тигров, не победили — мы сбежали. Дядя Кавабата хороший был, добрый. Он теперь у кролика на небе, да?

— Аришка, не трёкай. Поди на гряды, там баушка Зина садит, подмоги ей. А у меня, Надя, разговор к тебе.

Когда девочка убежала, Катерина достала из-за пазухи бережно сложенный листок.

— Вот. Твой ипониц, Хигаки, мне передал. Грит, написал мне этот... Кавабата, — голос Кати прервался.

Надя с сочувствием обняла подругу:

— Ты не можешь прочитать? И Ариша еще не умеет?! Я сейчас!!!

И Надя прочитала подруге написанное на листке.

— Что ж это? Стихи разве?

— Да, Катя, стихи. И я даже знаю зачем. Мне Хигаки когда-то говорил, что если японский самурай... воин знает, что умрет, то сочиняет предсмертное стихотворение.

Только тогда Катя заплакала.

— В конец зимы чаходырый¹⁶⁹ стал. Я — трав ему да малины сушеной. Как мать-имачеха выросла, так ее стала варить. А видать, поздно. Дохтур в Аракчеевских сказал — долгое воспаление. Видать, зима наша не по ему пришлась. И топили хорошо у их, и одевался тепло, а вот... В жару сгорел... На могилке на камне написали ипонскими буквами... — Катерина остановилась, припоминая: — «Сражен не людьми, а морозом». Хигаки твой мне объяснил. Горюет тож. Друзьями ить были. Да только не по тому горюет.

— Как это?

— Жалеет — не попадет Кавабата в святые. У их, кто помер за императора ихнего в войне, тот назначается святым. Храм какой-то есть, где все ихние имена, тыщи, запи-

¹⁶⁸ Грядá (шимск. диал.) — грядка на огороде.

¹⁶⁹ Чаходырый (шимск. диал.) — кашляющий.

саны¹⁷⁰. А Кавабата от жара в плену помер. Непочетно. Думаю, оттого фицеры ипонские все тут невесёлы. Горюют, как их дома встретят. Непочетен плен. Солдатики то-ка ихние радуются. Войне-то скоро, гряд, конец. Домой в Ипонию собираются. А мой не поедет... Невезучая я на мужиков...

— А что такое Ариша про кролика говорила? — спросила Надя, чтобы немного отвлечь подругу, в то же время понимая, что Катя сейчас не может говорить ни о чем, кроме смерти Кавабаты.

— Что ж? Глупость одна. Когда Кавабата по-русски-то подучился, у нас сидел, сказывал Аришке сказку про кролика. Будто мильён лет сидит тот на луне да пекет лепешки, съешь — будешь жить вечно. Будто видать того кролика с земли. Я глядела — не увидала. А ипонцы-то верят.

За занавеской в Надиной комнате послышался шорох.

— Это Митя у тебя там? — Катерина отвлеклась.

— Да.

— Так и живет у вас?

— Где ж ему? Мать его, Иринья Анисимовна, до сих пор в больнице в Новгороде. Да и придет если — не хватит ей сил за ним ухаживать.

— А тебе хватит?

Катя, пристально глядя в глаза подруге, произнесла это так, что Наде стало понятно: она спрашивает не только о Мите.

— Хватит.

Ариша вернулась в избу и защебетала:

— Теть Надь! Теть Надь! А гляньте, что тот, другой дяденька японец мне на кладбище-то дал для вас! Тот, что раньше к вам ходил, пока дядя Митя не вернулся!

Ариша вытащила из сумки грифельную доску, букварь, тетрадь и наконец вынула и торжественно, как актриса в финале пьесы, поклонившись, подала учительнице театральный, как она считала, предмет — веер, помахав в воздухе рукой с ним, оставленной от себя:

— То японцы сами делают! Из щепы.

«Не забудьте меня. Госпожъ Надъ на добрую память отъ Хигаки», — было написано по-русски на веере.

Хигаки всегда понимал Надю душою, без словесных объяснений. Это было прощание.

* * *

Через несколько дней умер Митя. Если б мог, он рассказал бы кому-нибудь видение, пришедшее к нему перед смертью.

Снился ему черный, жутко шевелящийся клубок, и сам он был внутри этого клубка, видел, глядя вниз, свои руки и ноги, черные и тонкие, как у нарисованного черными чернилами детской рукою человечка.

Тесно, бок о бок, кто-то со всех сторон на него нападал внутри этого клубка, и сам Митя отбивался, как мог, а то без нападения, заранее, бил наугад.

Вдруг перед клубком возник белый, ослепительный свет. Митя пригляделся и увидел кристалл, большой и прекрасный, как алмазы, которые Надя показывала ему в книжках.

¹⁷⁰ Согласно синтоистской традиции, японские граждане, погибшие в войнах, в которых участвовала Япония, являются объектом поклонения. Храм Ясукуни — синтоистское святилище, в котором поклоняются душам воинов, погибших за Японию и императора. Верховное божество храма — император Японии. По итогам Русско-японской войны 1904–1905 годов к лику святых причислено 88 429 японцев, Первой мировой войны 1914–1918 годов — 4850, Второй мировой войны 1939–1945 годов — 2 133 885 японцев.

Кристалл сиял гранями, был безукоризненно чист, ни пятнышка. А вот сам он, Митя, вдруг превращается из человечка в такой же кристалл, но — черный! И всё вокруг теперь — кристаллы, весь клубок из тел рассыпался, и повыпадали из него человечки и превратились в кристаллы. Черные, все черные, разлетаются они друг от друга по-дальше в пространстве... И только те, кто подлетает нечаянно к тому, белому кристаллу, меняют цвет, светлеют. Вот он, Митя, подлетает к белому кристаллу. Тот светится и светит, так сильно, что грани Митиногo черного кристалла меняются... Вот одна грань из черной стала сияющей, белой, вот вторая... И такой восторг и блаженство от того, что сейчас весь кристалл превратится в белый! Вот сейчас, вот-вот, остаются секунды... Засияла последняя грань... И Митя-кристалл, и все другие кристаллы, что из черных превратились в белые, вместе засияли невиданной силы светом и понеслись куда-то, и свет заполнил все...

* * *

Перед тем как заколотили гроб, Надя поцеловала Митю в лоб и положила к его телу рядом с нательным крестом и медальоном с Надиным портретом, пронесенным Митей через войну, бумажный листок. Это был листок, который передала и оставила ей Катя. Стихотворение, сочиненное Кавабатой и переведенное на русский язык Хигаки.

Белой майской ночью
С белой вишни
Снег осыплется мне в ладонь и не растает.
Из чужого края ухожу я,
Свободный,
В небо.
Ничего своего не оставлю здесь,
Лишь две карие вишни,
Которыми любовался недолго
В чужом саду.

ЭПИЛОГ. 112 ЛЕТ СПУСТЯ

Виктор Николаевич Иванов, пенсионер, учитель и бывший директор медведской школы, закрыл новенькую книжку, пахнущую той особой свежестью, которая, кажется, присуща двум вещам на свете — постиранному в речке белью и только что выпущенным из типографии страницам.

«Изучали книгу В. Н. Иванова „Необыкновенная история села Медведь“ — внес аккуратный Виктор Николаевич запись в журнал с табличкой «Летний пришкольный лагерь. Август 2017 года» в разделе «Краеведческий кружок».

— Ну что, ребята? — спросил Иванов сидевших вокруг стола своих учеников. — Понравилась вам моя книжка?

— Ага. Да вы ведь всё это придумали? Это же неправда? — вежливым голосом спросил мальчик, который всегда во всем сомневался.

— Понимаете, ребята... Это историко-художественный роман. А значит, что-то в нем — то, что допустимо вообразить — придумано, а другое — правда. И правда документальная, зафиксированная в архивных документах, воспоминаниях очевидцев. Вот, например, я пишу о том, что в нашем селе Медведь в Аракчеевских казармах в 1904–1905 годах пребывали японцы. Это был единственный в России массовый лагерь для двух с по-

ловиной тысяч — по другим данным, даже трех тысяч — пленных в Русско-японскую войну. И это правда. В Медведе в то время уже действительно существовал народный театр. Тот, что и сейчас действует! И я, ваш учитель, играю в нем роль Любима Торцова в той же самой пьесе, какая первой вышла на его сцене, — «Бедность не порок» Александра Островского. Вы ведь ходили на этот спектакль?

— Ходили, — ответили ребята. Мальчик, который всегда во всем сомневался, уточнил:

— А эти люди, про которых вы написали — они правда жили? Или они ненастоящие?

— Большинство персонажей в моей книге имеют прототипы. То есть они чем-то похожи — именем и фамилией, чертами внешности, или характера, или судьбами — на реальных людей, которые жили в нашем селе. В Медведе сохранились даже дома, которые я описываю в книжке! А пойдемте, ребята, сейчас на экскурсию — я вам эти дома покажу?! И тот бульвар, по которому гуляли японцы и медведцы в начале XX века?!

— Покажите! И расскажите: что с ними дальше случилось? С этими людьми?! А учительницей Надей? А с девочкой Шуркой? — посыпались вопросы.

Дети с педагогом вышли из здания школы.

— Вот, ребята, первое, что встретилось нам на пути — могила красноармейца Путриса.

В 1917 году в России произошла социальная революция, истоки которой уходят в 1905 год.

Бедняки надеялись, что сразу после революции они начнут жить хорошо. Что станут все такими же богатыми, как купцы Гаврилины или Самойловы из моего романа.

Символом слома старого строя в селе Медведь стал снос в 1917 году бронзового памятника императору Николаю Первому с надписью «От благодарного общества пахотных солдат. Открыт в 1862 году 9 мая». Его больше нет. Мы видим его только на старинных фотографиях. Таких фотографий, к слову, сохранилось довольно много. Их сделала семья медведских миллионеров Гавриловых. Эта семья проживала в Медведе. Брат Серафимы Гавриловой, молодой невестки купца Кузьмы Семеновича Гаврилова, был модным фотографом в Новгороде.

Но вернемся к революции 1917 года. Богатыми после нее медведцы не стали. Напротив, в апреле 1918-го в Медведе, прежде очень богатом селе, начали голодать люди. По воспоминаниям старожилов, население ело даже опилки и мох.

Между тем медведцы узнали, что в Аракчеевских казармах хранился большой запас еды на тридцать тысяч солдат. Никакие воинские части там в тот момент не стояли. И из казарм новая советская власть куда-то вывозила еду на глазах у голодных людей. Специальные продотряды также отбирали продовольствие и у самих сельчан. Те жители, у кого были коровы, овцы, зерно, другое добро, объявлялись новой властью «кулаками» — то есть богатеями — и их «раскулачивали» — отбирали нажитое. Кто входил в эти продотряды? Состав их был разношерстный, прибились к советской власти самые разные люди. Быть может, оказались среди них и такие персонажи, как дебошир и пьяница Тришка из моего романа. Хотя я выдумал его, но на самом деле в селе Медведь жил в 1900-х годах черносотенец, подбрасывавший жителям листовки «Бей жидов, спасай Россию!» — это зафиксировано в документах.

Жители Медведя пришли в Аракчеевские казармы на продовольственные склады и три дня осаждали их. В результате главный красноармеец, по фамилии Путрис, из охранявших склад, был убит. Вы видите его могилу. Что случилось с теми оголодавшими, кто напал на отряд Путриса, мне неизвестно. Возможно, их расстреляли. В советское время это происшествие именовали «кулацким мятежом». А фамилией погибшего красноармейца советская власть назвала одну из улиц Медведя. Это с той поры до наших дней — улица Путриса. Старое же ее название — угадайте какое? Улица Миллионная!!!

Вот как все перевернулось в жизни села Медведь и его обитателей! Сама история перевернулась. Слово небывалой силы ураган налетел в тихое местечко — сломал, рассыпал не только памятники, но и большие строения, сменил таблички с названиями улиц... А люди... Небывалый ветер подхватил и их, как картонные фигурки, закружил... Кто-то исчез в этом вихре навеки.

В 1918 году некто предупредил молодого Михаила Кузьмича Гаврилова (сына умершего миллионера Гаврилова) о том, что его ожидает арест. И Михаил Кузьмич скорее уехал с семьей из Медведя в Петроград (бывший Петербург). Растворился в большом городе.

Вот мы сейчас с вами как раз проходим мимо дома купца Гаврилова. Особняк сохранился, хотя и разрушается. Он по-прежнему выплывает на перекресток улиц Миллионной и Подгорной углом, как гигантский корабль носом, но похож теперь на корабль-призрак.

— Или «Титаник»! — сказал кто-то из ребят.

— Да, верно. Никто в нем не живет, и сам он числится памятником. А в 1918 году в этом доме от прежней большой семьи оставался жить один человек. Это — Мария Евсеевна Гаврилова, вдова старого купца Кузьмы Семеновича Гаврилова. Староверка Мария Евсеевна сочла своим долгом охранять старый дом. И она выполнила этот долг. Где она похоронена и как умерла, медведцы не знают. Словно эта достойная женщина покинула Медведь вместе со старой его историей...

— Вы как-то не так называете их! — сказал мальчик, который всегда во всем сомневался. — У вас в книжке у этих людей другие имена и фамилии, только похожие.

— Да, ты верно заметил. Ведь я уже говорил, что это — историко-художественный роман. Значит, что-то я придумал про жизнь реально существовавших людей. И, если то, что я придумал — очень личное, лучше я не буду называть их подлинными именами. Ведь я могу случайно потревожить память о них. У многих живы их потомки.

— А Самойловы? — спросила девочка, которая помнила то, что не помнили другие.

— Я люблю их тоже и жалею, и мне очень хочется предположить, что было бы и с ними, хотя это — почти совсем выдуманные персонажи.

Образы Самойловых родились в моем воображении из увиденной мною архивной фотографии. Это фотография семейной пары: Василия Ивановича Любацкого — компаньона по льнозаводу Михаила Кузьмича Гаврилова — и Анисьи Яковлевны Любацкой. Это прекрасные молодые люди. Внешне они совсем таковы, какими я описал Самойловых в романе. На Анисье Яковлевне я увидел необыкновенный костюм. Нигде и никогда на старинных фотографиях я не встречал такого. И воображение унесло меня в прежние времена, когда женщины были так же красивы, как красивы и сейчас все молодые женщины, когда платья и шляпки были другими, но барышни так же думали о моде, а юные люди, вступающие в жизнь, любили, ошибались и страдали... Я создал историю Самойловых. И сам стал, как и вы, мои слушатели и читатели, переживать за них! А теперь я думаю: что же ними могло случиться дальше?

Если бы вправду существовали на свете Владимир Назарьевич и Настасья Яковлевна Самойловы, я предполагаю, после революции 1917 года был бы отдан приказ их — богатую купеческую семью — арестовать, предварительно отобрав все имущество.

Успел бы исчезнуть из села Самойлов вместе с Настенькой? Хорошо, если б успел! А если нет? Боюсь, его мог ждать расстрел, а ее — ссылка. И в каком-то далеком сибирском местечке прежняя изящная модница Настенька шила бы своими руками одежду для заключенных, шила быстрее всех, изо дня в день одно и то же, по одинаковым лекалам, давая самую четкую строчку, думая только об одном — как ей выжить. И когда-нибудь, пусть даже изможденной и больной, все-таки вернуться в родное село...

Но коммерческая идея при «раскулачивании» богатеев отправлять их в лагеря на бесплатный труд, а также ссылать за несогласие с политикой коммунистов, пожалуй, активно стала внедряться в России позже, где-то в 1930-е годы. Поэтому судьба Любацких — прототипов Самойловых — сложилась несколько иначе. О них известно из архивов следующее.

На 1917 год годовой доход купца Любацкого составлял две с половиной тысячи рублей в год. Когда грянула революция, после поспешного отъезда его компаньона по льнозаводу Гаврилова Любацкий некоторое время оставался в Медведе. Его обложили большим налогом-контрибуцией. Что случилось с ним дальше? На одном из интернет-сайтов, посвященных староверам, я нашел следующие скупые строчки:

«В селе Медведь существовала моленная и богадельня под попечительством купца Василия Ивановича Любацкого (1861–1931), активного участника I и II Всероссийских соборов. В начале 1920-х гг. В. И. Любацкий переехал в город Гатчину Ленинградской области, где служил в моленной наставником».

Любацкий на десяток лет старше моего Самойлова. Что случилось с Любацким в 1931-м, умер ли он естественной смертью, какова была судьба его очаровательной супруги? На эти вопросы у меня нет ответов. Но я знаю, что льняной завод — создание Гаврилова и Любацкого, оставленное ими в Медведе — жил и процветал и при советской власти. Его держали квалифицированные рабочие — лучшие кадры бывшего купеческого льнозавода. Завод погиб в 1941–1945 годах от бомбежек, в Великую Отечественную войну. Остался от него только фундамент. Вот он, видите? Это место цеха, где когда-то замачивали лен.

Ну что ж... Про кого из героев моей книжки вам еще рассказать?

— Про Стесселя. И этих... главных японских генералов. И вообще полководцев, — попросил мальчик, который читал книжки только про войну и героев.

— Анатолий Михайлович Стессель за сдачу Порт-Артура был в 1908 году после долгого суда приговорен к расстрелу. Расстрел ему был заменен на десятилетнее заключение в крепости. Отбыв чуть больше года в заключении, в 1909-м Стессель был освобожден по личному распоряжению Николая Второго.

Японский генерал Ноги, которому Стессель сдал Порт-Артур, потерял на Русско-японской войне двух своих сыновей, последнего — в осаде Порт-Артура. После падения Порт-Артура Ноги стал национальным героем Японии. Во время доклада императору Мэйдзи генерал Ноги заплакал и попросил разрешения совершить ритуальное самоубийство, сэппуку, чтобы искупить свою вину за смерть около ста тысяч японцев, брошенных им на осаду Порт-Артура. Император отвечал, что так как Ноги действовал согласно его приказам, он не должен совершать сэппуку, по крайней мере, пока жив сам император. После войны Ноги потратил большую часть своего состояния на больницы для раненых на войне и памятники павшим. После смерти императора Мэйдзи в 1912 году Ноги совершил сэппуку вместе с женой.

Адмирал Хэйхатири Того, командующий Объединенным флотом Японии, после победы над русским флотом в Цусимском сражении был удостоен всех высших наград Японии и стал начальником Главного морского штаба. О судьбе майора Того, бывшего пленным в Медведе, а также Кио, преданной жены майора Того, мне ничего не известно.

И еще об одном человеке, имевшем власть принимать ключевые решения в Русско-японской войне, я не могу не сказать. Николай Второй, русский император, в описываемые мною дни был молод так же, как герои моего романа. Он вступил на престол в двадцать шесть лет. В 1904 году, когда началась Русско-японская война, ему было тридцать шесть. В 1917 году, надеясь остановить начинавшуюся революцию, Николай Второй отрекся от престола. Он остался в истории последним русским императором.

В июле 1918 года Николай Александрович был расстрелян советской властью вместе с женой, четырьмя дочерьми и тринадцатилетним сыном.

Но мне не менее дороги и те герои моей книги, которые не совершали громких поступков, чьи имена и фамилии не только не известны миру или России, но и зачастую потеряны даже в истории Медведа! — сказал Виктор Николаевич, обращаясь к мальчику, который читал только про героев. — Такие персонажи, как урядник Коля Курносый; заведующий медведской школой Евгений Андреевич Талызин; истопник Филипп Ильин; экономный эстонский яблоневладелец; костромская барыня, в порыве любви приехавшая за пленным англичанином в Медведь; торговец, державший тысячу индюков и возивший их на продажу из Медведа в Петербург; сестры-чулочницы, жившие в красном доме, которым медведские мальчишки путали нитки, подбрасывая котят, — все они существовали на самом деле.

По всей книге рассыпаны приписанные мною юным или смелым героям имена русских воинов, умерших в 1905 году в лагере Нарасино для военнопленных в Японии: Захар, Семён, Прохор, Назарий, Максим. Есть полное совпадение: Ерофей Паничев. Один из главных героев, Митя Поликалов, носит фамилию погибшего военнопленного. Память о пленных Нарасино — рядовых, матросах, стрелках, офицерах — осталась в списке, который я обнаружил в одном историческом архиве; пусть она продлится для вас и на страницах моей книжки...

Порой история раскрывает в самом обыкновенном человеке — героя.

Я расскажу вам о судьбе реально жившего в селе Медведь Александра Петровича Калязинова (в моей книге его фамилия — Калядин). Этот тот — помните? — уважаемый учитель, который ходил в теплое время всегда в вышитой русской рубахе-косоворотке и кому вместе со страховым агентом Галактионовым (в книге — Голоктионовым) пришла идея организовать народный театр в Медведе.

Он остался Учителем при всех ураганах, пролетевших за его жизнь над Медведем и Россией.

В 1906 году Калязинов стал заведующим медведской школой.

Как зять богатого купца Калязинов имел двухэтажный каменный дом. После революции 1917 года этот дом у него отобрали. Но поскольку советская власть оставила Калязинова в должности руководителя школы, то ему с семьей разрешили жить в малой части своего бывшего дома.

По последним из известных мне официальных данных, Калязинов занимал должность руководителя Медведской советской школы второй ступени в 1921 году.

Нам повезло, ребята. В 2004 году в архив нашего школьного музея поступило письмо внуки Александра Петровича Калязинова Надежды Зубриловой. Я захватил его с собой на нашу прогулку! Давайте сядем на скамеечку передохнуть, и я прочитаю вам этот документ.

Мой дедушка, Калязинов Александр Петрович, родился в 1870 году. Он был побочным сыном какого-то графа, и поэтому ему дали высшее образование...

Дедушка с 1900 года был учителем в школе села Медведь. Он принимал активное участие в его общественной жизни: состоял в пожарной команде, играл в оркестре. Женился он на дочери медведского купца Михеева Александра Федоровича, Анне. У дедушки с бабушкой очень часто собирались почтенные люди села. Бабушкин дом стоял на самом углу дорог, на Шимск и Уторгош. Он был каменный, двухэтажный. В нем же располагался и магазин. После революции 1917 года дом отобрали, но деду, как учителю, разрешили жить в небольшой части дома. Магазин же так и остался на своем месте. В 1941 году, во время оккупации села немцами, дом взорвали, чтобы не мешал обзору стратегической дороги.

Когда началась (Великая Отечественная) война (1941–1945 годов), деду исполнился семьдесят один год, бабушке шестьдесят, а мне семь лет. Чтобы не попасть к немцам, дед пошел в сельсовет с просьбой об эвакуации.

— Не сей панику, Александр Петрович. Война скоро закончится, — ответили на его просьбу руководители сельсовета.

Началась бомбежка (немцами) села. Это были первые бомбы. Я с подружками возвращалась с речки по тропинке возле оврага. Рядом проходили русские солдаты. Видим, летит на нас самолет. Вдруг что-то завизжало. Один солдатик свалил меня на землю и закрыл своим телом. Потом раздался грохот и треск. Из нас никто не пострадал, но один из наших утят вернулся домой без клювика...

...Когда немцы приближались к нашему району, дед через деревню Менюша решил добратся до Новгорода.... Вышли... и заночевали в Менюше. Но в четыре часа утра деревню начали бомбить. Это был настоящий ад. Бомбежка продолжалась до темноты без передышки. Менюша сгорела полностью за несколько часов. Мы лежали среди редких кустиков за огородами. Нас буквально «поливали» пулеметные очереди.

Вечером вышли на дорогу. Шли (наши) войска. Дед попросил подвезти до Новгорода, но военным это было запрещено делать. Со всем народом пошли за несколько километров от Менюши и укрылись в оврагах. Там и дождались немцев, приехавших на мотоциклах с колясками.

Вернулись в Медведь. Это было сплошное пепелище. Зиму прожили в деревне Раглицы.

В 1942 году немцы дали деду должность инспектора школ. Он ходил и ездил по району для организации школ в деревнях. Ему приходилось выбивать у немцев для нужд школ избы, столы, дрова, чернила, бумагу. Он подбирал профессиональных учителей, добрых и честных, всячески их поддерживал. Шла война, но он понимал, что детей надо учить, что грамотных людей трудно поработить. Благодаря его усилиям осенью 1942 года школы открылись. Я тоже пошла в первый класс. Наша школа в Медведе расположилась в уцелевшем от пожара доме... Один учитель обучал по два класса одновременно: первый и четвертый... Сколько надо было иметь любви к народу, чтобы в то лихое время думать о его будущем! Это было не сотрудничество с немцами, а забота о молодом поколении...

Дедушка умер 4 августа 1945 года... Ему сказали, что после выхода медведских жителей из леса, в том числе и моих родителей, на часовой mine все подорвались. Сердце не выдержало. Он отдал Медведской школе более сорока лет жизни. Вечная ему за это память. 25.08.2004.

Александр Петрович Калязинов стал дважды героем, хотя не отмечен никакими наградами. Его могли убить фашистские оккупанты, а после войны — расстрелять или посадить в тюрьму свои, сочтя его действия сотрудничеством с фашистами: были часты такие случаи. А он просто учил детей. И в этом был его обыкновенный подвиг.

— А трактирщик Белов? — спросила девочка, которая помнила то, что не помнили другие. — Что стало с ним? Он открыл при новой власти ресторан, о котором мечтал? Он же был крестьянин?! Его советская власть должна была поддерживать!

— Нет. О Белове и ресторане в послереволюционном Медведе мне ничего, во всяком случае, не известно. Устриц и трюфелей, как мечтал Белов, крестьяне после революции 1917 года точно есть не стали... Но известна судьба кумира Белова — Судакова, того крестьянина Ярославской губернии, который в царские времена, начав свою карьеру официантом, стал владельцем знаменитого ресторана «Яр» в Москве.

О, это была славная история! Один кабинет судаковского «Яра» имел название «Пушкинский» в память о поэте, написавшем в своих стихах о «Яре». Среди посетителей «Яра» были Чехов, Куприн, Максим Горький, Федор Шаляпин... Но после революции 1917 года ресторан «Яр» советская власть закрыла. Алексей Судаков

был арестован. Впоследствии он вернулся в родную деревню под Ярославлем. И снова стал крестьянином...

А мы, ребята, пройдемте с вами дальше!

Кто скажет, что это за здание?

— Медведский дом культуры!

— Правильно! А еще здесь располагается медведский народный театр, которому уже более ста лет! В этом же здании — пожарное депо. Строили его около 1900-х годов на пожертвования — в основном купцов Гавриловых.

А вот — старая колокольня. К сожалению, она — все, что напоминает нам о роскошной каменной пятикупольной церкви Святой Троицы.

— Эту церковь тоже немецкие фашисты в Великую Отечественную разрушили? В 1940-х?

— Нет. Огромная церковь была разрушена после Великой Отечественной войны... самими жителями! Да! Разобрали ее на кирпичи и развезли по Медведю и окрестным деревням... Так что во многих сохранившихся домах, вероятно, есть частичка божьего храма. Винить тех, кто это сделал, сложно по двум причинам. Во-первых, все их дома были разрушены, необходимо было строиться, жить заново. Во-вторых же... Многие, многое изменила в сознании людей революция 1917 года! Новая советская власть боролась против церкви. В 1918 году вышел официальный «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». (Он действовал до 1990 года.) Поощрялся атеизм — неверие, а верующие высмеивались. И все же, я убежден, многие из тех, кто разрушил церковь Святой Троицы, после в глубине души пожалели об этом.

Снесли бы тогда же и эту церковную колокольню! Да вот не получилось — очень уж крепко она была сложена! Очевидцы вспоминают: колокольню тянули цепями два гусеничных тягача из советской войсковой части, стоявшей на тот момент в Аракчеевских казармах. Не одолели!! Так и стоит она, напоминая нам о красоте, которая была когда-то здесь, в центре села. А пятикупольная церковь Святой Троицы осталась только на фотографиях. Нет и красивой решетки, что была вокруг нее. И нет рядом памятника Николаю Первому, о котором я вам рассказывал ранее...

А вот за этими деревьями — вот за этими деревьями, ребята, подходите сюда поближе! — когда-то находился дом... Вы знаете чей? В этом доме родилась Александра Петровна Орлова.

— Шурка Орлова?! — зашумели ребята.

— Да. И у этой девочки оказалась совершенно удивительная судьба! Как это часто бывает, нельзя считать исторические эпохи только черными или исключительно белыми. Александра Петровна Орлова говорила, что именно советская власть дала ей, сельской простой девушке, возможность стать ученым, да еще редким — японоведом!

Шура Орлова окончила в Ленинграде — бывшем Петербурге и Петрограде — Институт живых восточных языков. В 1931 году она переехала в Москву, где после аспирантуры стала преподавателем Московского института востоковедения. Ее очень любили студенты. Она создала учебник по японскому языку. Все, знавшие ее, говорили, что Александра Орлова была светлым человеком, по-доброму относившимся ко всем людям, животным, воспринимавшим природу по-японски: как красоту, к которой нужно относиться с уважением... Сейчас ее уже нет в живых. Дочь Александры Орловой тоже стала японоведом, главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, автором книг о Японии...

Как замечательно, что в нашем сельском краеведческом музее сохранился кусочек воспоминаний Александры Орловой 1970-х годов! Я взял эту скопированную мной запись на нашу экскурсию. Вот она:

Я отлично помню японских военнопленных в селе Медведь. Я тогда была еще девочкой. И обиднее всего мне было за то, что сойдутся два человека: японец и русский, и сколько труда им нужно было вложить в свои объяснения... Трудно понять им друг друга, разность языков мешает. Всем своим детским сердцем сожалела, что не могут хорошие люди понимать друг друга. Память у меня была хорошая, и я быстро выучила главные слова и еще девочкой выступала в роли переводчицы. Еще тогда я мечтала о том, как было бы хорошо весь до подлинности японский язык выучить и помогать людям правильно понимать друг друга. И мечте моей суждено было сбыться. После Октябрьской революции 1917 года я была одной из активисток, комсомолок. И при первом же случае уехала учиться в Москву...

Вот, ребята, мы с вами дошли до огромного комплекса — красных кирпичных Аракчеевских казарм. Многие здания в селе построены из красного кирпича. Кирпичи изготавливались в 1900-е в Медведе на трех кирпичных заводах. Местные купцы использовали ту особенность, что в окрестностях нашего села много красной глины.

Ныне Аракчеевские казармы пусты. Можно погулять по этому комплексу, пофотографировать. А с 1818-го по 2010 год — почти 200 лет! — в этих казармах с некоторыми перерывами стояли разные русские воинские части. В 1970-х — даже учебные ракетные!

— У меня там дедушка Петя работал! — гордо сообщил один юный краевед.

— Сейчас казармы, как и дом купца Гаврилова, медленно разрушаются. А между тем, — продолжил Виктор Николаевич, — Аракчеевские казармы в Медведе в XIX веке проектировал знаменитый архитектор Стасов — тот, чьи здания украшают Петербург и Москву!

Аракчеевские казармы выходят на медведский бульвар. По нему до середины XX века очень любили прогуливаться как военные из Аракчеевских казарм, так и жители села Медведь, а в 1904–1905 годах — пленные японцы.

Сейчас бывший бульвар — это проезжая второстепенная дорога между пятиэтажками, построенными в 1950-х. А их предшественники — старинные дома, вдоль которых гуляли и герои моего романа — все снесены, за исключением бывшего генеральского двухэтажного особняка, последнего на бульваре, он упирается прямо в огромный плац Аракчеевских казарм...

— Вот детский садик, я в него ходил, — показал кто-то из ребят.

— А вот ручей. С виду — самый обыкновенный ручеек. Но у нас зафиксировано в воспоминаниях старожилов, что основание этого ручья в период оккупации немецкими фашистами в 1940-х было забито телами русских пленных.

Аракчеевские казармы в Великую Отечественную в 1940-х немецкие оккупанты превратили в лагерь для русских военнопленных. Но это уже были условия, несравнимые с теми, в каких Россия содержала в Медведе японских пленных в 1904–1905 годах!

Вспомните из моей книжки: в Русско-японскую войну японские пленные получали в достатке рыбу, мясо, офицеры — пиво и вино; для них специально пекли белый хлеб, потому что они не ели черного. Военный министр России Сахаров¹⁷¹ издал особый указ, который разрешал японцам питаться той пищей, какая им была больше по душе: заменить на обед перловый суп более дорогим, рисовым, а на ужин вместо ман-

¹⁷¹ Виктор Викторович Сахаров (1848–1905) — русский генерал, военный министр. Убит 22 ноября 1905 года Анастасией Биценко — крестьянкой, окончившей при царской власти гимназию и педагогические курсы в Москве. Биценко царский суд приговорил не к расстрелу, а к каторге. По иронии судьбы в 1938 году преданную революции Биценко расстреляла советская власть по ложному обвинению в принадлежности к террористической организации.

ной каши получать пшеничную, при этом дополнительные расходы ложились на военный фонд. Японцам платили в плену деньги, они ходили в лавки за покупками, в трактиры, гуляли по селу и его окрестностям, общались с жителями, веселились, встречали Новый год, получали письма и посылки с родины, выписывали русские газеты и журналы, учили иностранные языки, играли в теплое время в бейсбол и гольф, зимой ходили на лыжах. И жители Медведа, и охранявший пленных 199-й резервный Свирский полк — все относились к японцам гуманно, доброжелательно. Точно такие же гуманитарные правила согласно международной конвенции соблюдала в свою очередь и Япония в 1904–1905 годах в отношении русских пленных в японских лагерях. Это — факты. Они подтверждены, в частности, многочисленными архивными воспоминаниями самих бывших пленных обеих сторон и опубликованными мемуарами иностранных независимых наблюдателей.

Увы, не зря Русско-японскую войну 1904–1905 годов некоторые историки называют последней джентльменской войной в жизни человечества!!!

В следующих войнах права человека, гуманное отношение к пленным стали исчезать. А в 1940-х годах фашизм под руководством немецкого лидера Гитлера объявил россиян и жителей других стран недочеловеками. Фашисты захотели вернуть нас к той эпохе, когда существовали человеческие зверинцы, в которых африканцы и индейцы сидели в одних клетках с обезьянами.

Фашисты в 1941 году напали на Россию. Россия стала для них золотой желанной монетой.

Зверства фашистов известны: о них рассказал миру в 1945 году Нюрнбергский судебный процесс. Там были представлены доказательства.

Мы же можем представить свои доказательства: о лагере для русских военнопленных, который устроили немецкие фашисты в Аракчеевских казармах села Медведь в 1940-х годах.

Эти доказательства зафиксированы в письменных воспоминаниях очевидцев: жителей Медведа и окрестных деревень.

Фашисты почти не кормили заключенных, не давали им медицинской помощи. По воспоминаниям старожил, видевших пленных, форма русских солдат не стиралась, превратилась в корку из-за грязи и пота, пленные были изможденные, бледные. В лагере свирепствовали эпидемии тифа; солома, на которой спали пленные, шевелилась от вшей. Десятки пленных умирали ежедневно. Каждый день из лагеря вывозили по две-три телеги трупов. В телегах везли и еще живых, но больных — чтобы просто выбросить их. С телег слышались крики, но фашисты не обращали на это внимания, смеялись. Фашистам нужно было построить мост через реку Шелонь, и они бросили на эту постройку военнопленных, к которым относились как к скоту. Конвоиры избивали пленных палками, прикладами ружей. Начальник лагеря — офицер Латт из войск СС регулярно обходил лагерь и лично избивал истощенных людей, чтобы заставить их работать.

Русских пленных немецкие оккупанты заставляли копать огромные могилы, которые постепенно наполнялись трупами. После войны в 1945 году в Медведе обнаружили 1930 трупов русских военнопленных в ямах. Фамилии их не устанавливались. Советская власть считала предателями тех, кто сдавался в плен.

Жители Медведа и окрестных деревень помогали русским пленным в Аракчеевских казармах. Мальчишки, например, рискуя жизнью, подкидывали турнепс, который они везли в телегах на корм скоту, через ограду пленным. И те ели его скорее прямо с землей. Пытались спасти пленных и боролись с немецкими оккупантами местные партизаны и подпольщики — совсем юные жители Медведа: девушки, юноши, дети из

медведской школы. Сорок таких подпольщиков фашисты раскрыли. Самому младшему было четырнадцать лет. Фашисты вывезли этих молодых людей в Ленинградскую область, на станцию Сиверская, расстреляли и сбросили в огромную могилу. Только на одной станции Сиверская расстреляно фашистами около десяти тысяч гражданских лиц. А сколько было в России еще таких мест!

Во Второй мировой войне 1939–1945 годов, развязанной немецкими фашистами, частью которой стала Великая Отечественная война в России 1941–1945 годов, погибло и пострадало огромное число мирных жителей многих стран. В 1945 году Соединенные Штаты Америки сбросили ядерные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки.

Япония ответила на этот удар величайшей мудростью.

Япония стала уникальной страной в мире. Конституция Японии 1947 года провозгласила отказ этого государства от всех войн и от собственной армии.

Готовясь к этой экскурсии, я принес для вас цитату из девятой статьи Конституции Японии:

Статья 9. Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признаётся.

Можно сказать, что Япония в 1947 году выполнила заветную мечту моих героев — Нади Карповой и Масакадзу Хигаки — молодых людей, думавших в 1900-е о том, как сделать, чтобы в мире не существовало войн...

— Надя Карпова — она действительно жила в Медведе? А Хигаки? Он придуман вами или нет? — посыпались Виктору Николаевичу вопросы.

— Уместнее всего об этом, ребята, вам рассказать здесь. Вот мы и подошли с вами к особенному, уникальному для всей России месту в селе Медведь.

Это — памятное место дружбы между Россией и Японией.

После войны 1904–1905 годов подсчитали, что в Медведе из двух с половиной — трех тысяч японских пленных умерли девятнадцать человек. Все эти девятнадцать человек погибли не из-за плохого обращения, или плохого питания, или неоказания медицинской помощи, а от ранений, полученных до плена или из-за каких-либо неизлечимых заболеваний. Японцы попросили разрешения у властей захоронить своих умерших с соблюдением традиционных обрядов. И им было дано такое разрешение и выделено место — старинное офицерское кладбище.

— Я вижу камушки какие-то. С рисунками, — сказала самая маленькая девочка.

— Это камни на их могилках. С иероглифами. Ты что, не видала раньше? — удивился самый старший мальчик.

— Она, может быть, и не видала, — ответил за малышку учитель. — А вообще их недавно откопали. Точнее сказать — откопали... во второй раз!

С 1905 года произошло много потрясших Россию событий. Старые истории стали забываться.

Старое офицерское кладбище после войны 1940-х было изрыто окопами, воронками от снарядов и бомб. Однажды летом 1965 года, гуляя там, ребяташки из медведской школы обратили внимание на торчавшие из земли верхушки камней в окружении

травы. Школьники откопали камни, сняли с них мох и смели землю с каких-то выбитых на поверхности камней «рисунков».

Ребята вместе с руководительницей сельского музея Ниной Ильиной стали расспрашивать старожилов. И те вспомнили, что здесь, в северо-восточном углу старинного офицерского кладбища, были захоронены девятнадцать японцев. Их прах в 1908 году делегация из Японии увезла на родину, а надгробные камни с иероглифами, указывающими на их имена, остались в Медведе.

В 1965 году после находки школьников начался японский бум в Медведе. В сельский музей начали передавать экспонаты.

Нашлись миниатюрные копии кораблей, веера, крошечные тувельки, куколки и цепочки из конского волоса... Эти сокровища времени, сделанные японцами в 1904–1905 годах, передали в сельский музей старожилы села Медведь. Сямисэны — традиционные музыкальные инструменты, сделанные пленными японцами из древесины, приготовленной на дрова, — из Медведя отправились в Санкт-Петербургский музей музыкальных инструментов в Шереметевском дворце. Все эти вещи демонстрировались в 1970 году в японском городе Осака на Всемирной выставке «Экспо-70» вместе с письмами от бывших японских военнопленных с добрыми словами, благодарностью за отношение, какое проявили к ним в 1904–1905 годах медведцы.

В медведском музее хранятся открытки, которые после находки 1965 года посыпались из японских городов в Медведь. Их прислали бывшие пленные 1904–1905 годов или их дети и родственники. Они увидели фотографии в прессе и вспомнили об этой трагической и гуманной истории, ставшей необыкновенной частью их жизни.

Есть у нас в музее и особенно дорогая моему сердцу вещь. Фотография веера, который в 1960-х передала в музей села бывшая учительница Надежда Васильевна Карпова. К сожалению, сам веер затерялся. Он был очень простым. На нем — надпись: «Г-жъ Надъ на добрую память отъ Хигаки. Не забудьте меня».

Но прошло, однако, с 1965 года еще сорок лет. Новый ураган перемен прилетел в Россию. В 1991-м рухнул Советский Союз. Был уничтожен советский строй, установленный в 1917 году.

Опять все переменилось: по всей России стали уничтожать памятники советскому вождю Ленину, объявили мучеником расстрелянного в 1918-м царя Николая Второго, разрушенные при советской власти церкви начали восстанавливать по старым фотографиям.

На фоне таких глобальных событий скромные девятнадцать камней с иероглифами в далеком новгородском селе забылись, в результате проходивших рядом строительных работ случайно были засыпаны песком и затерялись...

О них вспомнили в 2004 году накануне столетия со дня окончания Русско-японской войны. Новый ветер перемен сделал так, что было разрешено создать мемориал, посвященный единственному в России бывшему массовому лагерю для военнопленных японцев.

Я был тогда директором медведской школы (она по-прежнему у нас в селе единственная). И мы решили заново откопать камни с иероглифами. Мой сын, Алексей Викторович, ваш учитель физкультуры, взялся со школьниками за раскопки.

Сначала мы организовали памятное место на старинном офицерском кладбище сами. Спланировали, очистили от кустарника и травы площадку, на нее выкатили вновь откопанные камни. На это место 14 июля 2004 года приехали важные гости: Генеральный консул Японии — я записал его имя... — Тэруми Мурамацу и вице-консул Кусибути Тиё. Они совершили на месте бывшего японского захоронения поминальный японский ритуал.

А в сентябре 2004 года произошла наша встреча с бывшим министром иностранных дел Японии, депутатом японского парламента Таро Накаямо.

Тогда было принято решение об открытии официального мемориального места в центре села Медведь. Помог глава Медведского сельского поселения Владимир Иванович Рогозин. Финансирование обеспечила Япония. Открытие мемориала состоялось в сентябре 2005 года. Конечно, в присутствии многочисленной японской делегации.

В Петербурге же вспомнили снова о медведских сямисэнах, хранившихся в музее музыкальных инструментов в Шереметевском дворце. В 2005 году эти сямисэны отправились в путешествие в Японию для реставрации и представления японцам. Затем сямисэны вернулись в Петербург. В 2005 году, в XXI веке, снова прозвучали голоса этих раритетов: на них сыграли участники программы «Ветры Ямато».

А к нам в село Медведь с 2004-го каждый год приезжают японцы. Среди них уже много лет — директор Токийского института русского языка Йосихико Мори. Это имя я помню без записи. Мори-сан стал моим другом. Каждый май, когда в Медведь приходят белые ночи, и каждую осень, когда березки сыплют, как беспечные транжиры, вокруг себя золотые и медные монеты, господин Мори едет в Россию, чтобы лично принять участие в раскопках. Из девятнадцати камней выкопаны на данный момент двенадцать. И господин Мори считает своим долгом найти их все. Мы ищем с помощью архивных данных и схемы, которую когда-то нарисовал один из японских солдат.

Не в японской традиции выражать свои чувства на людях, но когда Мори-сан находит камни с иероглифами, он плачет и обнимает каждый из них. Я записал его слова. «В один из дней мы ничего не нашли. И, опечаленные, уже собирались заканчивать поиски. Я присел, и тут меня укусил комар. Только я повернулся, чтобы убить его, и вдруг увидел небольшой булыжник, который торчал из земли. Полил его водой, и — о чудо! — там были иероглифы! Это был десятый камень, который нам удалось найти. Он — самый крупный из всех».

В мире нет малого и незначительного, и отсутствует смерть в том смысле, в каком мы ее понимаем.

Друзья-японцы говорят нам, что символическую могилу девятнадцати пленных в новгородском селе Медведь считают своим долгом посетить многие их соотечественники, приезжающие в Россию.

— Вот эти два камушка — серые, темные, а те — светленькие, — сказала почтительно самая маленькая девочка.

— Эти два найдены давно, а те — в прошлом году, они еще не потемнели, — ответил учитель. — А вот надпись на одном из камней: «Наоми Камура, самурай из рода Тасака. Сражен не людьми, а морозом».

А теперь я отвечу на ваши вопросы о Наде и Хигаки.

Учительница Надя Карпова действительно жила в Медведе. Но кроме того, что она в 1965 году принесла японский веер и еще несколько рукотворных японских вещей в наш музей, мне о ней ничего не известно.

Быть учительницей в 1900-х — это было большой смелостью.

Признаюсь вам: начиная свою книгу о японцах в селе Медведь, я решительно не знал, что мне написать о Надежде Васильевне Карповой. В самом начале она была для меня даже не самым главным персонажем.

Вы не поверите, но, как и другие персонажи книги, Надя сама вошла в мою жизнь. Когда я писал о событиях в селе Медведь — грустных и веселых, бурных и тихих, лиричных, я каждый раз думал: «А какую роль могла бы сыграть в том или ином событии Надя? А что бы она подумала, сказала или сделала?» Она получила удивительное влияние на меня. Мне кажется, я сам стал лучше, когда открыл ее душу!

Женщины России — поразительные женщины! Японцы удивляются роли наших женщин в политике в патриархальные времена. Вот далеко не полный список женщин Руси у власти: императрицы Екатерина Первая, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Вторая Великая, царица Ирина Годунова, княгиня Ольга, Марфа Борецкая-посадница... Наши женщины решительны, смелы и открыты. Знаете ли вы, что автор популярной уже более ста лет в России песни о «Варяге» — женщина?

«Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» — песня на стихи австрийского поэта, которые перевела в 1904 году на русский язык тридцатилетняя поэтесса Евгения Студенская. Впервые эта песня была исполнена на торжественном приеме, устроенном императором Николаем Вторым в Зимнем дворце в честь офицеров и матросов «Варяга» и «Корейца». Евгения Студенская окончила историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С ней могла дружить моя Надя Карпова...

Глубокая и сильная женская душа, творческая и ответственная натура, которая опекает по-матерински, соединяет внутреннюю красоту с мудростью, влияет на все малое и великое, происходящее вокруг нее, воплотилась для меня в Наде Карповой.

Я не знаю, создавала ли Надежда Карпова, жившая в селе Медведь, словарь местных диалектных слов — но моя Надя обязательно бы за него взялась. Поэтому я включил в свою книжку говор жителей Шимского района Новгородской области, опираясь на словарь, который двадцать лет составляла с учениками учительница школы шимской деревни Коростынь Екатерина Борисовна Стогова. По данным опроса Екатерины Стоговой, в 1980—2000-х годах жители шимских исследованных деревень в возрасте до 20 лет употребляли в живой речи 18 %, 20–40 лет — 65 %, старше 40 лет — 98 % диалектных слов, вошедших в словарь. Спасибо Екатерине Борисовне! Словарь, который она мне предоставила, — памятник уходящей языковой эпохе. Педагоги-филологи, преподававшие в 1980-2000-х годах в шимских деревнях, прочитавшие мою книжку, подтверждают, что диалектный шимский говор в книге отражен верно.

Масакадзу Хигаки — пленный, действительно находившийся в Аракчеевских казармах в 1904–1905 годах. Он подарил Наде Карповой веер на память. Хигаки уехал в Японию после окончания войны. Надя и Хигаки, как записано в наших краеведческих материалах, некоторое время после войны переписывались, потом переписка прекратилась.

Завершая мой рассказ о Русско-японской войне 1904–1905 годов, могу добавить, что в Японии в период этой войны было создано 28 лагерей, в которых содержалось около 80 тысяч русских военнопленных. В России число пленных японцев составляло до 3000 человек. Почти все они содержались в селе Медведь. По воспоминаниям бывших военнопленных обеих стран, когда окончилась война, и из Японии, и из России их провожали с уважением. Один из русских офицеров писал в воспоминаниях, что на вокзал бывших пленных провожали японские солдаты, которые их прежде караулили, фруктовщики, кондитеры, часовщики и прочие торговцы, для отъезжающих офицеров устраивали спектакли и обеды. А у нас в медведском музее сохранилась уникальная фотография, запечатлевшая отъезд японцев из села на родину. Их также провожает много людей. Фигура девушки в шляпке на первом плане напоминает мне о Наде Карповой... Что если это действительно она? Увы, теперь поздно это узнать...

Я специально не пишу в своей книге и не рассказываю вам о том, кто победил в войнах 1904–1905, 1914–1918, 1939–1945 годов, каковы были итоги войн... Но мне важно сказать, что благородный дух джентльменской войны 1904–1905 годов и после ее окончания влиял на русских и японцев. Так, четверем японским сестрам милосердия Россия вручила серебряные медали за уход в плену за тяжелораненым капитаном первого ранга Бойсманом. Япония в свою очередь установила в Мацуяме — городе, где

в 1904–1905 годах находился лагерь для русских пленных, памятник умершим от болезней и военных ран в плену русским героям. Сразу после войны японское правительство создало в Сеуле музей памяти героев «Варяга» и наградило командира крейсера «Варяг» Руднева орденом Восходящего солнца.

То, что вражда между людьми неприродна, а вражда между государствами не вечна, доказывает тот факт, что в Первой мировой войне 1914–1918 годов Япония уже стала другом — союзником России.

— Откуда вы всё это знаете? Вы что, тогда жи-ы-ли? — спросила самая маленькая девочка, вкладывая во взлетевший высоко звук «ы» такие удивление и почтительность, которые предполагали Иванова несомненным участником событий столетней давности.

— Нет, милая.

— А вы хотя бы в Медведе жили?

— Нет. Я родился и вырос в соседней деревне. И у моей деревни, как и у каждого места в России, Японии или другой стране нашего большого мира, своя уникальная история... И я уверен: каждая из этих историй достойна того, чтобы о ней рассказать...

* * *

Экскурсия закончилась. Юные краеведы решили, что будут каждый год помогать Виктору Николаевичу и Мори-сан искать оставшиеся семь камней.

Учитель отпустил детей по домам. Когда он ушел, на скамеечке, где они сидели раньше, самый старший мальчик нашел два листка бумаги.

— Смотрите! Это письма какие-то! Наверное, исторические, из музея. Виктор Николаевич забыл нам их прочитать!

И они уселись и прочитали их.

Писать на русском языке, несомненно, труднее, чем на нем говорить! В японском языке один иероглиф обозначает понятие, слово или часть слова. В русском языке одна буква, как правило, не означает ничего. Чтобы сложить слово, нужно поставить рядом несколько, иногда много букв. Это трудно дается моему соображению.

Я пишу вам это для того лишь, чтобы вы почувствовали через разделяющие нас океан и тысячи верст, как велико — сложенное из трудных букв — мое сердечное желание поделиться с вами своей жизнью и узнать о вашей.

До плена я не знал ничего о России. Теперь я знаю и уверен, что люди в России и Японии походят друг на друга сильнее, чем народы наших государств на народы Европы.

Из наших общих качеств, русского и японского народов, я бы назвал главными следующие.

Согласие с авторитетом главного в государстве или своем окружении и добровольное подчинение ему — и умственная свобода высказывания собственных мыслей и суждений, в том числе расходящихся с мнением авторитета; стремление к обмену мнениями в толпе, при котором слушается суждение каждого.

Четкость и разграничение назначения и обязанностей мужчины и женщины, первичность направляющей силы мужчины в семейных отношениях — и свобода суждений женщины, признание авторитета мудрой женщины в семье и обществе.

Непрятие и народное осуждение женоподобного в мужчине. Великая ответственность мужчины за семью, работу и страну.

Сдержанность в физическом проявлении чувств в присутствии чужих людей, несклонность к разболтанному, открытому поведению в чужой обстановке.

Любознательность и народная смекалка.

Я был в России ровно год, с августа 1904-го до августа 1905-го. Я — один из не столь большого числа японцев, кому дано было увидеть вашу страну и наблюдать вочию чудо майских северных белых ночей. Но не измерить мою печаль от того, что я не видел в единственную данную мне для этого весну 1905 года в белые ночи ваш сад. И никогда, верно, уже не увижу.

Знаете ли вы, что я тем не менее каждый год получаю весточку из России?

Каждую осень к нам в Японию летят из России лебеди. Они приносят на своих белых крыльях нам зиму. Я знаю, что когда эти лебеди весной вернутся в Россию, не будет среди этого числа белоснежных птиц ни одной, которая пролетит мимо вашего дома. Путь этих лебедей пролегает из Японии в далекую от вас Сибирь.

Ваше село Медведь весной тоже пролетают лебеди. Но они летят не из Японии, а с близкого вам юга.

Эти разные пути сложились веками, тысячелетиями. Говорят, что лебедь может изменить свой традиционный путь, если встретит пару из другой стаи или если произойдет в его привычном месте обитания огромное бедствие.

Огромное бедствие — война — изменило когда-то мой путь и привело меня к вам. Но я вернулся к своей стае, а вы не изменили своему пути.

И все-таки каждое утро, встречая солнце, я посылаю вам с ним привет. Я протягиваю к нему руки, и лучи падают мне на ладони. Я знаю, что за день с востока оно передвинется на запад. И когда в Японии наступит вечер, то же солнце, неся вам утро, дотронется до вас...

Дочитав это письмо, самый старший мальчик — черноволосый, невысокий, с немного узкими черными глазами, смуглый и худой — посмотрел почему-то на девочку — ту, которая помнила то, что не помнили другие.

«Почему я раньше не замечал, что она красивая?..» — подумал мальчик. А девочка, которая помнила то, что не помнили другие, взяла у него из рук листочек и прочитала вслух второе письмо.

Я знаю, что вы никогда не увидите этих строк, и потому смела.

Я люблю вас. Люблю вашу душу, непостижимую до конца и вечно постигающую новое. Я люблю сам внешний вид ваш. То соединение тонких черт лица, узких ладоней, стройного корпуса и прямой осанки в сочетании с природной целесообразностью движений, союз изящного и мужественного одновременно, который не способен в полной мере обрисовать слова «гармония», «красота» или «грациозность», но может передать, наверное, образ изогнутого охотничьего лука с готовой вылететь стрелой.

Вы показали мне мир как одну живую каждомomentно меняющуюся и неизменно прекрасную картину. Я благодарна вам за это. Я не встречу более такой удивительной и родной души, как вы. Но сейчас, когда первая боль расставания с вами прошла, я почти спокойна. Мне кажется, вы со мною всегда и будете всегда. И когда утром я смотрю на солнце, я знаю, что оно, передвинувшись за день, пришло ко мне от вас, и протягиваю ему руки, думая, что, быть может, его лучи грели ваши ладони. Тогда я улыбаюсь и желаю вам счастья.

На глазах у девочек блеснули слезы, а самая маленькая спросила:

— Это всамделишные письма? Их тот дядя японец написал и та тетя учительница?

— Я не знаю, — ответил самый старший мальчик. И добавил, задумчиво глядя на девочку, которая помнила то, что не помнили другие: — А разве есть разница? Мне кажется, это неважно... Это неважно! — твердо повторил он. И все согласились с ним.

* * *

Поздним вечером, когда на темном небе появилась четко видимая луна, несколько маленьких фигурок сошлись на выходе из села Медведь на краю Подгорной улицы, где заканчивался ряд фонарей и виднелся близкий Владимирский мост.

— А я из окошка вылез! — произнесла в темноте одна фигурка.

— А я — в сени, будто на двор, — сказала вторая.

— Тише вы! Сейчас кто-нибудь гулять пойдет, прогонят нас по домам! — в темноте стали различаться лица, и самый старший мальчик продолжил: — Ну, давайте смотреть!

— Ой, сияет как! Нет, мне не видать ничего. Глазам больно!

— Нету там зайца!

— Не зайца, а кролика!

— Какая разница! Должны быть длинные уши! И этот... котелок, в котором он варит.

— Может, это у тебя котелок не варит?!

— Ой, ха-ха. Можно подумать, смешно.

— А я котенка взяла. Для храбрости. Вот он, на руках у меня. Все-таки у него когти! Нека-Нека-Нека! Куда побежал?

— Убежала твоя храбрость...

Участники краеведческого кружка Виктора Иванова решили, что как только выдаться ближайшая темная и безоблачная ночь, они проведут самостоятельное исследование. Никак им не давал покоя один эпизод в книжке Виктора Николаевича! В самом конце книги девочка Ариша говорит про кролика, который, по японской легенде, сидит на луне и печет лепешки бессмертия. Действительно ли видно ли этого кролика с земли? Это и захотели проверить юные краеведы. И скрыв от взрослых свой план, устроили ночную прогулку.

Теперь они стояли в темноте, задрав голоvenки кверху, и старательно вглядывались в пятна на ярком серебряном диске. Глаза быстро ослеплял свет луны, и уже через несколько секунд дети сводили их со светила и часто моргали.

Сколько они ни смотрели на диск луны, кролика там не видели. Открытие в краеведческой науке сделал, однако, бело-черный котенок, внезапно прыгнувший с рук самой маленькой девочки. Малышка нагнулась, чтобы поймать его и... увидела Лунного Кролика.

— Вон он! — завопила девчушка. Котенок по кличке Нека сиганул в кусты.

Чтобы увидеть то, что не видишь ты, но видят другие, нужно попробовать встать на их точку зрения.

Чтобы увидеть Лунного Кролика, ребятам нужно было немного наклонить голову вправо. Там, где живут японцы, луна видится с земли чуть по-другому. В этом оказался секрет Лунного Кролика...